VOL. 1, №1.
ТОМ 1, №1

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2019

MODERN ORIENTAL STUDIES
СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
INTERNATIONAL SCIENCE JOURNAL / МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Учредитель: *АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)*
Зарегистрирован *Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций*
Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77 - 76298*
Периодичность *4 выпуска в год*
Территория распространения: *Российская Федерация, зарубежные страны*
Издатель: *АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)*
Адрес издателя: *Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088*
Почтовый адрес редакции: *420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21*
E-mail: *modernorientalstudies@gmail.com*
Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: *Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)*
Дата выхода выпуска в свет: *21.10.2019 г. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз. Заказ №____ Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства «Фэн» Академии наук РТ.*
Вёрстка и допечатная подготовка: *Dionis Publishing*
Адрес типографии: *ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111*
Тел./факс: *(843) 292-49-14*

Founder: *Autonomous non-profit organization "Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District" (ACTVFD)*
Registered *by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications*
Certificate of registration *ПИ № ФС 77 - 76298*
Frequency *4 volumes per year*
Distribution area: *Russian Federation, foreign countries*
Publisher: *Autonomous non-profit organization "Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District" (ACTVFD)*
Publisher's postal address: *Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Prospekt Pobedy 226a, 420088*
Editorial office's postal address: *Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Martyna Mezhlauka st., 3, of. 117, phone +7(843) 22 133 21, 420008*
E-mail: *modernorientalstudies@gmail.com*
The journal is published and indexed in abstract and full-text databases: *Russian Science Citation Index (RSCI)*
Release date of publication: *21.10.2019 Offset paper. Digital printing. The format is 70x108 1/16. Circulation: 500 copies. Order №____ Printed from the layout possessed by "Fen" Publishing House of the Academy of Sciences RT.*
Printing address: *Russia, the Republic of Tatarstan, Kazan, Baumana st., 20, 420111*
Phone/Fax: *(843) 292-49-14*

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Д.Е., *д-р ист. наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия*
Научный редактор: Валеев Р.М., *д-р ист. наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия*
Шеф-редактор: Аликберова А.Р. *к-н ист.. наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия*
Выпускающий редактор: Мухаметзянов Р.Р., *к-н ист. наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия*
Ответственный секретарь: Балакин Д.А. *(г. Казань, Россия)*
Председатель редакционной коллегии: Зайнуллин Г.Г., *д-р филол.наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г.Казань, Россия*

EDITORIAL AND PUBLISHING BOARD:

Editorial director: Martynov D.E., *Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia*
Science editor: Valeev R.M., *Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia*
Chief editor: Alikberova A.R., *Candidate of Historical Studies, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia*
Release editor: Mukhametzyanov R.R *Candidate of Historical Sciences, Docent of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia*
Executive secretary: Balakin D.A. *(Kazan, Russia)*

Chairman of the editorial board: Zaynullin G.G., *Doctor of Philology, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Russia*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Сторожук А.Г. – доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
Кобзев А.И. – доктор философских наук. Профессор (г. Москва, Россия)
Семенов А.В. – кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)
Репенкова М.М. – доктор филологических наук, профессор (г. Москва, Россия)
Усманова Л.Р. – PhD, кан. соц.наук (г. Москва, Россия)
Ко Ен Чоль – PhD, профессор (г. Казань, Россия)
Хабибуллина Э.К. – к.филол.н. (г. Казань, Россия)
Подалко П.Э. – (г. Аояма, Япония)
Норихиро Наганава – (г. Саппоро, Япония)
Чон Хенджу – (Республика Корея)
И Ким Джин Енг – (Республика Корея)
Ташансу Тюркер – PhD, профессор (г. Стамбул, Турция)
Экрем Калан – PhD, профессор (г. Стамбул, Турция)
Фан Куог Ань – PhD (культурология), профессор (г. Хошимин, Вьетнам)
Ян Кэ – PhD (филология), профессор (г. Гуаньчжоу, КНР)
Кан Чэн – PhD (филология), профессор (г. Гуаньчжоу, КНР)

EDITORIAL BOARD:
Storozhuk A.G. – Doctor of Philology, Professor (Saint-Petersburg, Russia)
Kobzev A.I. – Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)
Semenov A.V. – Candidate of Historical Sciences, Docent (Moscow, Russia)
Repenkova M.M. – Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)
Usmanova L.R. – PhD, Candidate of Sociology (Moscow, Russia)
Ko Young Cheol – PhD, Professor (Kazan, Russia)
Khabibullina E.K. – Candidat of Philological Studies, Docent (Kazan, Russia)
Podalko P.E. – (Aoyama, Japan)
Norihiro Naganawa – (Sapporo, Japan)
Chun Hyunju – (the Republic of Korea)
I Kim Jin Young – (the Republic of Korea)
Tashansu Turker – PhD, Professor (Istanbul, Turkey)
Ekrem Kalan – PhD, Professor (Istanbul, Turkey)
Phan Quong Anh – PhD (cultural science), Professor (Ho Chi Minh, Vietnam)
Yang Ke – PhD (Philology), Professor (Guangzhou, PRC)
Kang Cheng – PhD (Philology), Professor (Guangzhou, PRC)

ISSN: 2686-9675

INTERNATIONAL SCIENCE JOURNAL / МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Антонова А.С. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРАММЫ ДЛЯ АНАЛИЗА РЕЧИ PRAAT И АУДИОРЕДАКТОРА AUDACITY В ОБУЧЕНИИ ПРОИЗНОШЕНИЮ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ **– 5**

Воропаев Н.Н. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В РАБОТАХ КИТАЙСКИХ УЧЁНЫХ **– 10**

Комарова И.Н. СИНГАРМОНИЗМ ГЛАСНЫХ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА **– 16**

Назарова С.А. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ: АНАЛИЗ ДЕЙСТВУЮЩИХ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ **– 21**

Хо Ольга. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ **– 24**

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Antonova A.S. THE USE OF SOFTWARE TOOLS PRAAT AND AUDACITY IN TEACHING CHINESE L2 PRONUNCIATION **– 5**

Voropaev N.N. PRECEDENT NAMES IN THE WORKS OF CHINESE SCIENTISTS **– 10**

Komarova I.N. THE HARMONY OF VOWELS OF THE TIBETAN LANGUAGE **– 16**

Nazarova S.A. CURRENT STATE OF TEACHING CHINESE LANGUAGE: ANALYSIS OF EXISTING CURRICULUM PROGRAMS AND EDUCATIONAL -METHODOLOGICAL LITERATURE **– 21**

Kho Olga. PSYCHOLOGICAL VERBS: DEFINITION AND CLASSIFICATION IN CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES **– 24**

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ

Лестев А.Е. ТРАНСЛЯЦИЯ КОСМОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ БОЕВЫХ ИСКУССТВ ЯПОНИИ **– 28**

Мартынов Д.Е. БИОГРАФИЯ ДУАНЬФАНА ИЗ «ЦИН ШИ ГАО» **– 38**

Шульга Д.П. ИЗОБРАЖЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ НА НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКАХ КИТАЯ **– 43**

Янь Сю. ВЛИЯНИЕ ДАОССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА «КАЙХУСЁ» – ОБРАЗ ЖУРАВЛЯ **– 46**

PHILOSOPHY AND CULTURE, HISTORY

Lestev A.E. THE TRANSLATION OF COSMOLOGICAL AND ETHICAL REPRESENTATIONS OF CHINESE CIVILIZATION ON SOCIO-CULTURAL PRACTICES OF JAPANEESE MARTIAL ARTS **– 28**

Martynov D.E. BIOGRAPHY OF DUANFANG FROM "QING SHI GAO" **– 38**

Shulga D.P. PETROGLYPHIC IMAGES OF VEHICLES IN CHINA **– 43**

Yan Xiu. THE INFLUENCE OF TAOIST CULTURE ON KAIHŪSŌ — FOCUSING ON CRANE IMAGE **– 46**

ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Верченко А.Л. РОЛЬ ВОКС В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА СССР В ДУНБЭЕ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ **– 50**

Ли Цзинчэн РОССИЯ И КИТАЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО СТРАНАМИ БРИКС **– 55**

Хватик Я.В. МОДЕРНИЗАЦИЯ КНР: ФАКТОР ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ США-КНР **– 59**

POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Verchenko A.L. ROLE OF THE SCRFC IN THE FORMATION OF THE IMAGE OF THE USSR IN DONGBEI REGION AFTER THE END OF THE SECOND WORLD WAR **– 50**

Li Jincheng RUSSIA AND CHINA IN ECONOMIC COOPERATION WITH BRICS COUNTRIES **– 55**

Khvatik Y.V. MODERNIZATION OF THE PRC: THE FACTOR OF FOREIGN POLICY RELATIONS OF THE USA-PRC **– 59**

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

Лю Вэй, Гао Жунго ПРОБЕЛЫ ПЕРЕВОДА И ИХ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЯ «БОЛЬШАЯ ГРУДЬ, ШИРОКИЙ ЗАД» **– 63**

Сунь Цянь, Пэн Цзяфа АНАЛИЗ СПОСОБОВ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СЛОВ И СЛОВОСОЧЕТАНИЙ **– 69**

У Яньань, Ма Ган СРАВНЕНИЕ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУР – НА ПРИМЕРЕ СЕРИАЛА «КАК Я СТАЛ РУССКИМ» **– 74**

YOUNG SCIENTISTS

Liu Wei, Gao Rongguo TRANSFER SPACES AND THEIR STRATEGIC ANALYSIS ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN TRANSLATION OF THE PRODUCTION “BIG BREAST, WIDE BACK”(翻译中的空缺现象及其策略研究—以《丰乳肥臀》俄译本为例) **– 63**

Sun Qian, Peng Jiafa ANALYSIS OF THE WAYS OF DIFFERENTIATION OF WORDS AND WORD COMBINATIONS (浅析词和词组的辨别方法) **– 69**

Wu Yan'an, Ma Gang COMPARISON OF RUSSIAN AND CHINESE CULTURES - ON THE EXAMPLE OF THE SERIES “HOW I BECAME RUSSIAN” (比较中俄文化的差异——以《战斗民族养成记》为例) **– 74**

РЕЦЕНЗИИ

Мартынов Д.Е. Рецензия на: КІКТЕНКО В.О. ІСТОРІЯ УКРАЇНСЬКОГО КИТАЄЗНАВСТВА (XVIII – ПОЧАТОК XXI СТОЛІТТЯ). – КИЇВ, 2018. – 388 С. ISBN 978-966-02-8768-6 **– 78**

REVIEW

Martynov D.E. Review: KIKTENKO V.O. ISTORIYA UKRAINS'KOGO KITAEZNAVSTVA (XVIII – POCHATOK XXI STOLITTYA). KIEV, 2018. 388 P. ISBN 978-966-02-8768-6 **– 78**

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Создавая журнал «СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES», редколлегия ориентируется, прежде всего, на современность и её актуальные проблемы, из какой бы глубины веков не вели их корни.

Редколлегия после недолго размышления приняла решения посвятить первый – установочный – номер, китайской тематике. Выпуск приурочен к двойной дате – 70-летию провозглашения КНР и 70-летию установления дипломатических отношений КНР и Россией (как правопреемника СССР, первым официально признавшего Новый Китай). Почти одновременно с этим, в соответствии с решением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, председатель КНР Си Цзиньпин назначил чрезвычайным и полномочным послом КНР в РФ Чжан Ханьхуэя[1]. Новый посол сразу же охарактеризовал российско-китайские связи как «самые прочные в мире и самые добрые между соседями», что доказывается простым фактом: существует 127 пар городов-побратимов. Г-н Чжан Ханьхуэй напомнил также, что Советский Союз в свое время помог созданию индустриальной базы КНР, и многие из основанных полвека назад предприятий не просто до сих пор существуют, но и являются ведущими в своих отраслях. Очень высоко оценил господин посол и российско-китайское сотрудничество в сфере безопасности. В своём интервью он подчеркнул, что в 2018 г. товарооборот между двумя странами впервые превысил 100 миллиардов долларов и продолжает сохранять тенденцию к росту. В контексте сотрудничества по сопряжению строительства инициативы «Один пояс, один путь» со строительством ЕАЭС две страны успешно реализуют крупные проекты стратегического характера в таких областях, как энергетика, авиация и космонавтика, непрерывно раскрывается потенциал в таких областях, как цифровая экономика, сельское хозяйство и научно-технические инновации.

Разумеется, наш журнал не будет замыкаться на одной только китайской тематике. Мы принимаем статьи по широкому спектру проблем социополитической истории, международных отношений, культурологии, филологии и лингвистике регионов Дальнего, Среднего и Ближнего Востока, Южной и Центральной Азии. Ещё древние утверждали, что «Свет приходит с Востока» (Ex oriente lux) и мы – современники – понимаем это как нельзя лучше.

С уважением, главный редактор журнала «Современные востоковедческие исследования»

Мартынов Д.Е., д.ист.н., профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений КФУ

[1] Чжан Ханьхуэй: широкими шагами идем к великому возрождению китайской нации // РИА-Новости, 10 сентября 2019. URl: https://ria.ru/20190910/1558516755.html

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / АНТОНОВА АННА СЕРГЕЕВНА, ASANTONOVA@HSE.RU / УДК 372.881.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРАММЫ ДЛЯ АНАЛИЗА РЕЧИ PRAAT И АУДИОРЕДАКТОРА AUDACITY В ОБУЧЕНИИ ПРОИЗНОШЕНИЮ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

THE USE OF SOFTWARE TOOLS PRAAT AND AUDACITY IN TEACHING CHINESE L2 PRONUNCIATION

Антонова Анна Сергеевна, преподаватель
Школа востоковедения
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"
asantonova@hse.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются возможности использования бесплатного программного обеспечения для анализа речи Praat и аудиоредактора Audacity при обучении китайскому языку. Данные программы позволяют записывать и визуализировать голосовые высказывания обучающихся, что может быть использовано при обучении некоторых аспектов фонетики и просодии. Также эти программы обеспечивают мгновенную обратную связь для студентов и позволяют им сравнивать свои речевые высказывания с аутентичными образцами, что может помочь учащимся самостоятельно работать над улучшением фонетики вне аудиторных занятий.

Ключевые слова и фразы: *обучение фонетике, формирование устнопроизносительных навыков, инновации в преподавании иностранных языков.*

Для цитирования: *Антонова А.С. Использование программы для анализа речи PRAAT и аудиоредактора AUDACITY в обучении произношению на китайском языке. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1 (1): 5-9.*

ABSTRACT

This paper examines the use of free software for speech analysis Praat and audio editor Audacity in teaching pronunciation and intonation to Chinese second language learners. These programs allow recording and visualising voice statements of students and can be used 1) to develop better perception of Chinese sounds; 2) to create an awareness of phonological features which occur in native speaker pronunciation; 3) to train students to hear the difference between phonological contrasts that are not found in their language; 4) to raise awareness of the differences between L1 and L2 phonological systems. The main benefit of these programs is that they provide instant feedback for students and allow them to compare their speech utterances with authentic samples. Besides offering additional options for teaching activities, these techniques can also meet individual learner needs and promote self-training and learner autonomy.

Key words and phrases: *teaching practical phonetics, technology and Chinese as Second Language, acquisition of prosody in Chinese as Second Language.*

For citation: *Antonova A.S. The use of software tools PRAAT and AUDACITY in teaching Chinese L2 pronunciation. Modern Oriental Studies. 2019; 1(1): 5-9.*

INTRODUCTION

This paper aims to explore the possibilities of using free phonetics software like *Praat* and computer programs like *Audacity* in teaching Chinese as a foreign language. These programs can help students to develop better perception of Chinese sounds and to improve their overall fluency as well as confidence in language production.

Good pronunciation is the foundation of effective spoken communication. It is recognised as a fundamental skill, which students need to acquire, mainly because it can greatly affect accuracy and comprehension. At the same time, pronunciation is probably one of the hardest skills in a foreign language to learn. It takes a lot of time and effort to improve the pronunciation of the target language. Language learners can be very advanced in their language skills but still have poor pronunciation or strong accent. However, foreign accent is not necessarily a problem as the real key to having good

pronunciation is what is called 'comfortable intelligibility'. In other words, the person or people listening to the non-native speaker should be able to understand what he/she is saying with minimal strain. Developing this level of intelligibility should also be a primary concern of language teachers, but unfortunately, this is not always the case.

Pronunciation, in other words the phonetics and phonology of a language, is often considered very much secondary to syntax/semantics in second language acquisition, and to some extent it may be true at the very beginning of learning, but pronunciation must be taught and taught well because it can help to enhance spoken intelligibility and improve students' awareness of the sound system of the target language. Moreover, phonology can mask syntax/semantics learning and create unnecessary problems or block acquisition of inflectional morphology or tense/case/gender agreement.

It is also important to note that effective communication depends not only on the accuracy and intelligibility of learners' own speech, but on learners' ability to perceive non-native speech. Perception of foreign speech needs to be train as well as pronunciation. However, teaching of both students' perception and their own intelligible production is complicated and quite challenging for many language teachers. Bringing free phonetics software into the classroom can help address these problems and prove to be a useful tool in Chinese language teaching, especially in the areas of pronunciation and fluency.

Technology can be an excellent motivational tool in the classroom because of the additional options for teaching activities. Visible speech, as it is displayed in speech analysis software, offers a second language learner an opportunity to explore, a chance to engage (perhaps simultaneously) both the sense of hearing and the sense of seeing, and to listen repeatedly to the same stimuli or to the selected portions thereof. A click of the cursor, and the student can listen to a word, a phrase, or a longer stretch of speech (as current speech analysis software can handle long sound files), or she/he can highlight and select only a syllable or a single word for immediate re-play. The student can use this same speech analysis software to record and to display—in real-time or after a very short delay—and then to analyze and to compare his or her own "voice picture" with that of the (pre-recorded) model utterance.

This can be done because phonetics software like *Praat* and *Audacity* 'write' what the student actually says. Thus, it allows students to see for themselves if they have acquired a contrast. In *Audacity* they can interact with their own pronunciation in real time. Unlike with a teacher, they can, themselves, see what of their motor activity brings them closer to or further from their target. Incorporating such techniques offers the chance to meet varied individual needs more easily than any teacher can. It promotes learner autonomy in working on pronunciation, which can be a critical factor in success. Besides, it allows teachers to be more creative and to eliminate completely pointless drilling, using 'hands-on' materials and forms of exercises that are easy to introduce into the classroom. Thus, teachers can incorporate technology into classroom teaching in a meaningful way, free up more time to provide individualised instruction and offer additional instructional time in a language laboratory or outside of class, if needed.

PRAAT

In this section we will show a few techniques for teaching pronunciation with *Praat* and comment on how these can be integrated in the classroom.

Perhaps one of the most important aspects of teaching pronunciation is to create an awareness of phonological features, which occur in native speaker pronunciation in order to aid understanding. Using *Praat*, teachers can help to train learners' perception of non-native sounds and teach them to hear and visually see the difference between phonological contrasts that are not found in their native language. This can greatly help in raising awareness of the differences between L1 and L2 phonological systems.

It is important to note that this software package is designed for researchers and linguists, so its application and interpretation of data can cause some difficulties as spectrograms and waveforms are difficult to interpret without specialised training. We will consider the most straightforward ways of using spectrograms (to identify and practise difficult consonant features and contrasts) and pitch tracking (to provide phonological and phonetic feedback on the contrast between the 4 Mandarin tones).

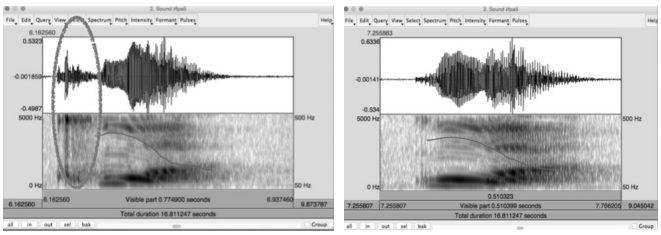
Using spectrograms can be beneficial for the learners; for instance, Lambacher (1999) indicated success with teaching English consonants to Japanese learners using spectrograms. For difficult consonant features and contrasts (i.e., aspiration, nasals, /r/ and /l/, /s/ and /ʃ/, /f/ and /h/ contrasts), he illustrates how the contrasts look on visual displays built into the speech analysis program.

We also demonstrate how spectrograms can help identify and practise difficult consonant features and contrasts in the Chinese language and illustrate how the contrasts look on visual displays. For instance, voiceless unaspirated stops and voiceless aspirated stops in syllable-initial position

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

are quite distinct (see Figure 1 below). Students are trained to notice this difference and produce the same effect while recording the consonants. Such visualization helps to develop better perception and production of Chinese sounds.

Figure 1: Left - voiceless aspirated stop; right - voiceless unaspirated stop



At the suprasegmental level, pitch tracking is a valuable tool in intonation training as it can help to identify and discriminate Mandarin tones. Tone is extremely important in distinguishing Mandarin syllables, i.e. the tonal contour of a syllable changes its meaning. The tone distinction in Mandarin is one of the most complex problems for many learners of Chinese. Moreover, the acquisition of Mandarin tones is a good example where the role of pitch is clearly phonological. Therefore, its description and integration in a systematic set of examples can be more easily established. The automatic feedback given to the learner can therefore be phonological as pertaining to the system of contrasts existing between the 4 tones of the language, and phonetic in commenting the particular details of realization in terms of syllable length and pitch contour.

Pitch tracking is relatively iconic, with rising, falling, and level lines on the display usually corresponding to rises, levels, and falls in a speaker's voice pitch. Although pitch tracks require some training to interpret, they have quite straightforward graphic visualisation and can be easily incorporated into the training sessions. The software records the user's voice and shows the obtained data (F0 contour and energy envelope) in real time as an audiovisual feedback. In order to identify the differences and similarities between native speakers and learners of Mandarin it is possible to compare the prosodic properties of the Mandarin tones on the syllable level (the syllable duration, F0 contour of Mandarin tone) and on the level of the whole utterance. This information can then be used to train students and help them approximate to the target pronunciation. Below (Fig. 2 and Fig. 3) is the illustration of Tone 4 pronounced by a native speaker and two tokens of the learner attempts: first before the training, second after the training.

Figure 2: Tone 4 produced by a native speaker

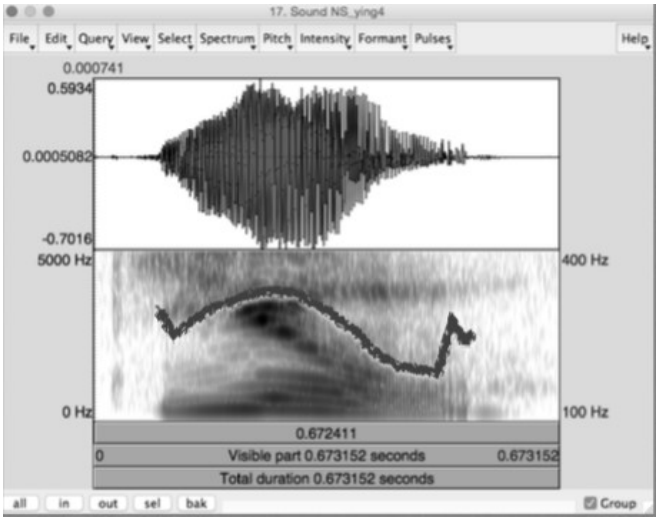
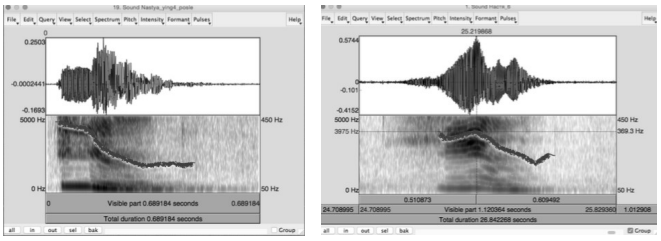


Figure 3: Tone 4 produced by a learner: left - before the training, right - after the training



These examples illustrate that *Praat* allows visualising some phonetic and phonological differences between the learner's pronunciation and that of a native speaker. It can help students to improve their pronunciation, over all fluency and confidence in a language.

AUDACITY

Correct pronunciation of monosyllabic words, phrases, and sentences in isolation is only a small step towards producing larger chunks of speech in impromptu, conversational exchanges characterised by native or near-native fluency in the target language. Towards attaining and improving upon such fluency, the ready access to computer-aided auditory and visual feedback using speech analysis software can provide one more means of helping learners approach mastery in a foreign language. A beginning language learner needs to practice repeatedly producing the correct sounds, be they segments, such as consonants and vowels, or prosodic phenomena, such as tone, stress, and intonation. From there, a learner needs to be able to put the building blocks of syllables, words, phrases, and utterances together to produce fluent, connected speech. The task of a teacher is to design exercises from easier to more challenging ones to build these skills.

While the use of visualisation technology is a crucial advance in the teaching of pronunciation and intonation, such teaching can be further enhanced by connecting technology to an understanding of how intonation functions in discourse. To address this, *Audacity* can be integrated into the classroom as a useful tool. It can help student to work on L2 pronunciation, listening comprehension and oral production. This program is also free of charge and can be installed on most operating systems. *Audacity* has a number of useful functions, including visual representation of the sound recording, smooth editing of sound channels and different sound tracks. It also allows students to individually and at their own pace, create, listen to, record, and mix audio files on their computer. They can then submit their work to their teacher, or share it with their peers, via email.

Now we will introduce several activities that could be done with *Audacity* and show how they can be used to learn or teach Chinese.

1. Preparation of audio materials for the lessons using *Audacity*

One of the most useful functions of *Audacity* is a setup that can be used to record any sound going from a computer. If it is hard to extract audio from a clip on the Internet (*YouTube* or movie, etc.), *Audacity* allows doing it in one click. Apart from this, *Audacity* makes it easy to manipulate and edit recordings of various types, for instance, to remove noise and compress the audio file, to cut and edit. All these functions make it easier to prepare custom listening comprehension activities, depending on the teachers' needs and the students' level of language proficiency.

2. Pronunciation activities or Repetition exercises

It is possible to create different pronunciation activities with *Audacity*. Let us consider as an example a pronunciation activity that is appropriate for a beginner group. The teacher records samples for the student to repeat, leaving enough silence after each utterance and sends the recording to the students. Each student, individually and at their own pace, can listen to and repeat the utterances. Then they hit the "Record" button and *Audacity* will start playing the teacher's audio and record the student's performance at the same time. When done, the student can mute the original track and listen to the combined track comparing his/her performance with the teacher's. Comparing the visual waveform representation of their speech with that of the teacher's model can help students match their pitch and intonation contours with those of the model.

3. Improving fluency

Audacity can also be used to work on fluency. We will demonstrate a sample activity to do this. A written dialogue should be opened on the screen together with an audio file. First the student listens to the dialogue and repeats the phases after the speaker. Then it is better to choose a selection that the student is going to work on and fit it to the screen. After practicing the phrases, the student can record her/himself speaking together with the native speaker, imitating them. Then they can check the recording and see if they were fast enough. Then they mute both recordings and record themselves again, reading the phrase from the screen without the native speaker's voice. A whole dialogue can be practised like this, every time trying to speak with the same speed as a native speaker.

Another type of activity can be also used to complete the dialogue. The part of one speaker in the dialogue is replaced with silence and the student reads this part recording her/himself. The idea is to say the phrases quickly enough to fill the silence within the same timing. Students can work like this individually, record themselves, listen to their phrases, compare them to the sample, and edit their work to perfect it. The final recordings can be sent to the teacher for assessment.

4. Mimicking native speakers

Mimicking is one of the most powerful ways of acquiring good pronunciation in any language. However, it's not always practical to do so. If we listen to a *YouTube* clip, the interface simply does not allow us to repeat exactly what we want to repeat even if we have a sound file, but in *Audacity*, this is fairly easy. Here is another example. One of our 3d year students chose a video clip from *Youtube*. His aim was to practice and imitate the native speaker's speech. First, he found an audio sample with native speaker speech from *Youtube* and recorded it. It is easy to do with *Audacity*, you start the video and at the same time press 'record' in *Audacity*. The track then can be cut to remove the silence at the beginning and the end of the track and improve the quality of the track (use "Noise removal" function). Then using the Effect "compressor" we can 'compress' the audio file, this helps to amplify the audio track further without clipping and reduce the distance between very quiet and very loud parts of the track. Now the audio track is ready for the practice. The student selects the part he wants to mimic and repeats it as many times as needed, trying to mimic it as closely as possible. The next step would be to record his/her own voice over the voice of the native speaker. In *Audacity* the student hits

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / АНТОНОВА АННА СЕРГЕЕВНА, ASANTONOVA@HSE.RU / УДК 372.881.1

"Record" and the audio will play while recording the voice. The student can then mute the original audio and evaluate his/her own recording. Our student practiced like this and here is the final recording of his sample. As you can hear, the rate of his speech is quite fast and he was able to imitate the native speaker's speech quite accurately.

5. *Audacity* as a creative tool

The possibilities of using *Audacity* as a creative tool are endless. This program can help to record students' own speech, songs, poems, etc., then edit their performance and save it in their portfolio or share it with peers and teachers. We have seen an increased motivation in many students when asked to record on their own, using *Audacity*, different samples of speech. We have a special task for our 3d year students – to record a program or a podcast. They do it with pleasure. We listen to the recordings together and discuss them later.

As showed above, *Audacity* is a very useful tool as it helps to link pronunciation to other aspects of communication. It can be used to build skills from easier to more challenging ones, using different exercises and to provide multiple speech models. We showed several ways to use this program to prepare audio materials, record voice, compare intonation, and use different learning methods such as shadowing, dialogue completion, and work with the news.

CONCLUSION

In sum, in our digital age in the 21st century, we have ready access to speech-technology tools that we can apply to foreign language teaching and learning, which greatly facilitate the learner's goal of attaining native or near-native fluency: the learner can both hear and see what he/she is saying, as well as what should be said. The principle observation is that speech analysis software allows students to see what their ears cannot 'see'.

Another advantage of introducing and using such software in the classroom is to promote learner autonomy in working on pronunciation. Incorporating such techniques offers the chance to meet varied individual needs more easily than any teacher can. It allows teachers to have access to pronunciation teaching that hopefully goes beyond their own skills, providing individualised instruction and offering additional instructional time in a language laboratory or outside of class. The computer provides one-on-one individualised attention with patience enough to allow unlimited tries. Individuals proceed at a pace with which they are comfortable, processing feedback and using available tools as they are needed, or moving quickly through an exercise. The interaction with the computer is private, thus likely to be less stressful to the learner than repeated teacher corrections in a classroom environment. Moreover, computer-based training can supply many more native speaker voices as models, a recognised benefit to learning pronunciation.

To conclude, such free software programs as *Praat* and *Audacity* can be beneficial for segmental and suprasegmental learning and as well as for training language fluency. They can be easily integrated into the learning process and can greatly enhance the learner's experience.

BIBLIOGRAPHY

1. *Audacity*, Retrieved from http://audacity.sourceforge.net/
2. Boersma, Paul & Weenink, David (2012). *Praat*: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.0.35, Retrieved from http://www.praat.org/
3. Lambacher, S. (1999). A CALL tool for improving second language acquisition of English consonants by Japanese learners. Computer Assisted Language Learning 12. 2, 137_156. Retrieved from http://dx.doi.org/10.1076/call.12.2.137.5722
4. Chan, Marjorie K.M. 2003. The digital age and speech technology for Chinese language teaching and learning. Retrieved from http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.523.489&rep=rep1&type=pdf
5. Chen, Q-H. (1997). Toward a sequential approach for tonal error analysis. Journal of the Chinese Language Teachers' Association, 32(1), 21-39.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Anna Antonova, lecturer

School of Asian Studies National Research University "Higher School of Economics"

asantonova@hse.ru

Принята к публикации: 15.09.2019 г.

MODERN ORIENTAL STUDIES
СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
INTERNATIONAL SCIENCE JOURNAL / МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В РАБОТАХ КИТАЙСКИХ УЧЁНЫХ

PRECEDENT NAMES IN THE WORKS OF CHINESE SCIENTISTS

Воропаев Николай Николаевич, *канд. филол. наук*
Отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии
Институт языкознания РАН
voropaev@vokitai.ru

АННОТАЦИЯ

В *статье проанализирован ряд работ китайских авторов на предмет выявления в них прецедентных имён. Автор предлагает свою классификацию прецедентных имён и прочих прецедентных феноменов, которая помогает находить и систематизировать важные знания о истории и культуре Китая.*

Ключевые слова и фразы: *Китай, китайский язык, фразеология, прецедентное имя, прецедентный феномен.*

Для цитирования: *Воропаев Н.Н. Прецедентные имена в работах китайских ученых. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1 (1): 10-15*

ABSTRACT

The article analyses several works by Chinese authors to identify precedent names in them. The author offers his classification of precedent names and other precedent phenomena, which helps to find and organize important knowledge about the history and culture of China.

Keywords and phrases: *China, Chinese Language, phraseology, precedent name, precedent phenomenon.*

For citation: *Voropaev N.N. Precedent names in the works of Chinese scientists. Modern Oriental Studies. 2019; 1(1): 10-15*

Как известно, наиболее частотной группой прецедентных имён (ПИ) являются прецедентные антропонимы. Роль личности в истории развития человечества трудно переоценить. В современном же мире, когда стираются национальные и даже этнические границы, все более востребованными становятся исторические прецеденты и личности, мифологические персонажи, обращение к которым активизирует историческую память определённого этноса и аккумулирует его жизненные силы в период рисков потерять свою самоидентификацию.

В Китае в настоящее время издаётся множество изданий, в которых систематично собрана информация о выдающихся личностях истории Китая, начиная с мифологических персонажей и заканчивая современными учёными. Все описываемые в них имена мы относим к ПИ. Часть этих изданий близка по своему строению к словарям, часть – к сборникам статей, но объединяет их то, что многие из статей о выдающихся личностях представлены заголовками, которые являются, по сути, прецедентными наименованиями, эпитетами, дескрипциями, актуализирующими соответствующие ПИ. В выстраиваемой нами большой системе ПИ китайскоязычного культурного пространства имена всех описываемых в подобных изданиях выдающихся реальных исторических личностей и персонажей из произведений литературы, народного творчества, мифологии являются ПИ.

При анализе прецедентных имён мы выделяем следующие четыре типа ПИ: 1. прецедентное имя-антропоним (широко известное имя человека или человекоподобного существа, ПИ1), 2. прецедентное имя-эвентоним (широко известное наименование исторических и вымышленных событий, представляющее собой фразеологизм или словесное клише, ПИ2), 3. прецедентное имя-хрематоним (широко известное индивидуальное наименование единичного объекта материальной культуры страны, ПИ3), 4. прецедентное имя-идеоним (широко известное индивидуальное наименование единичного объекта духовной культуры определённой страны, ПИ4). Также мы выделяем два типа прецедентных высказываний: 1. ПВ, представляющее собой фразеологизм любого типа, в основе которого лежат культурные, литературные и исторические сюжеты и который в дискурсе актуализирует прецедентные ситуации, имена и тексты (ПВ1); 2. ПВ, представляющее собой широко известную цитату из литературного произведения или из высказывания широко известного человека или литературного персонажа (ПВ2) [1].

Дадим краткую характеристику некоторых изданий.

Словарь «Люди истории» [8] представляет 121 выдающуюся личность китайской истории и построен по тематическому принципу. Словарь состоит из 8 разделов: 政治人物 ‘Политические деятели’, 军事将领

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ВОРОПАЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, VOROPAEV@VOKITAI.RU / УДК 811.58

‘Военачальники’, 科技人物 ‘Учёные’, 文学人物 ‘Литераторы’, 商界名流 ‘Знаменитые купцы (деловые люди)’, 艺术大师 ‘Мастера искусств’, 哲学人物 ‘Философы’, 英雄人物 ‘Героические личности’.

Примечательно, что каждая личность в оглавлении этого словаря представлена дескрипцией, краткой характеристикой в форме эпитета, которая часто выражена фразеологической единицей или словесным клише ПИ2/ПВ1. Эти дескрипции, мы полагаем, следует рассматривать как инварианты восприятия данной личности в китайском лингвокультурном сообществе, приведём несколько примеров:

卧薪尝胆—勾践 ‘Терпевший трудности ради великой будущей цели’ (букв. лежать на хворосте и пробовать на вкус желчь) – Гоу Цзянь (? – 465 г. до н. э.)

汉末乱世英雄—曹操 ‘Герой времён смуты конца эпохи династии Хань’ – Цао Цао (155 – 220 гг.)

蒙古国的创建者—成吉思汗 ‘Основатель монгольского государства’ – Чингисхан (1206 – 1227 гг.)

垂帘听政—慈禧太后 ‘Управлявшая из-за занавески’ – вдовствующая императрица Цыси (1835 – 1908 гг.)

七下西洋—郑和 ‘Семь раз плававший в заморские страны’ – Чжэн Хэ (1371 – 1433 гг.)

Интересно отметить, что по многим ПИ, выбранным из данного словаря, нам удалось обнаружить доказательства закреплённости указанных в словаре дескрипций и в других источниках. Например, дефиниция ПИ Лэй Фэн, представленная в данном словаре 全心全意为人民服务 — 雷锋 ‘Всем сердцем и всеми помыслами служивший народу’ – Лэй Фэн (1940 – 1962 гг.) полностью совпадает с дефиницией этого ПИ в сборнике Чэнь Сяньчунь [6], а также совпадает с частью этой дефиниции – словесным клише 为人民服务 ‘служить народу’, которое нанесено вместе с изображением Лэй Фэна на пепельнице и зажигалке, которые мы приобрели в Пекине в 2008 году.

Дефиниция ПИ Ху Сюэянь из данного словаря 红顶商人—胡雪岩 ‘Купец-чиновник’ – Ху Сюэянь (1823 – 1885 гг.) также полностью совпадает с названием романа, посвященного этой исторической личности [7].

Таким образом, ПИ, представленные в настоящем словаре, мы также включаем в базовый арсенал ПИ китайскоязычного дискурса (КД), и это отражено в нашем словаре справочнике [2].

Другое издание, которое стоит упомянуть, называется «Рассказы о пятитысячелетней истории Китая» [12]. В книге в хронологическом порядке представлены статьи по всем основным вехам китайской истории, значимым для членов китайского лингвокультурного сообщества в познавательном (когнитивном) и эмоциональном плане. Сборник состоит из 8 разделов: 远古传说时的代故事 ‘Предания древней мифологии’ (ср. пушкинское «Предания старины глубокой»), 夏、商、周的故事 ‘Легенды (прецеденты) эпох Ся, Шан и Чжоу’, 秦汉、魏晋、南北朝的故事 ‘Истории династий Цинь-Хань, Вэй-Цзи, Южных и Северных династий’, 隋、唐、五代的故事 ‘Истории династий Суй, Тан и Пяти династий’, 宋代的故事 ‘Истории эпохи Сун’, 元代的故事 ‘Истории эпохи Юань’, 明代的故事 ‘Истории эпохи Мин’, 清代的故事 ‘Истории эпохи Цин’.

Многие наименования статей в этих разделах представляют собой прецедентные наименования основных мифологических сюжетов или репрезентативных прецедентных ситуаций, актуализирующих определённые прецедентные феномены (ПФ) КД. Например:

ПВ1/ПИ2 盘古壮烈开天地 ‘Паньгу (первый человек на земле) героически разделяет небо и землю’ (ПИ1 Паньгу).

ПВ1/ПИ2 文学巨匠曹雪芹 ‘выдающийся деятель литературы Цао Сюэцинь’ (ПИ1 Цао Сюэцинь) (которое актуализирует ПИ4 «Сон в красном тереме»).

ПВ1/ПИ2 八国联军洗劫北京城 ‘Ограбление Пекина объединённой армией восьми (империалистических) государств’ (1900-1901 гг.) (прецедентная ситуация, выраженная словесным клише).

Приведём пример из сборника переводов современной китайской прозы на русский язык с вариацией на тему последнего словесного клише, актуализирующей данную прецедентную ситуацию:

– Чего это вы на меня одну, как восемь держав на Китай нападаете? – тут она не сдержалась, рассмеялась и, крутанувшись, выбежала вон [4, с. 455].

Следующая работа, которую мы проанализировали, называется «Истоки китайской культуры» [9]. Сборник состоит из 14 разделов и построен по принципу тезауруса. Представим наименования разделов: 宗教 ‘Религия’, 哲学 ‘Философия’, 政治 ‘Политика’, 经济 ‘Экономика’, 法律 ‘Право’, 军事 ‘Военное дело’, 历史 ‘История’, 教育 ‘Образование’, 科技 ‘Наука и техника’, 语言 ‘Язык’, 文学 ‘Литература’, 艺术 ‘Искусство’, 体育 ‘Физическая культура’, 民俗 ‘Народные нравы и обычаи’.

В данном сборнике представлены прецедентные феномены китайскоязычного культурного пространства высокой степени известности, классификация которых требует отдельного исследования. Однако, многие из этих единиц являются ПИ.

Приведём примеры из некоторых разделов. В разделе 1 можно выделить ПИ4 (формально могут быть отнесены также к разряду ПИ1) 玉皇大帝 ‘Яшмовый владыка’ (верховное божество у даосов); 太上老君 ‘Великий

старец' (учитель; о Лао-цзы); 土地 'Полевик' (дух земли; дух-патрон данной местности); 城隍 'Чэнхуан' (патрон города – божество); 灶神 'бог Очага'; 门神 'боги-хранители входа' (изображения двух божеств, по одному на каждой створке ворот; по суеверию они охра-няют дом от нечистой силы и всякого зла); 财神 'Цайшэнь' (божество Богатства, бог денег); 妈祖 'Ма-цзу' (легендарная богиня Моря, в основном почитаемая моряками провинции Фуцзянь и Тайваня).

В разделе 2 ПИ4 является слово 周易 (или易经) 'Ицзин', 'Книга перемен' (наименование прецедентного текста китайскоязычного культурного пространства).

В разделе 6 ПИ4 являются 孙子兵法 'Трактат о военном искусстве Сунь-цзы' (наименование прецедентного текста китайскоязычного культурного пространства).

В разделе 7 за ПИ принимаем такие единицы как 三皇 'три императора, три властителя' (обычно о 燧人 Суйжэне, 伏羲 Фуси и 神农 Шэньнуне или 天皇 Властителе Неба, 地皇 Земли и 人皇Людей); 九州 '1) девять областей древнего Китая (первоначально миф. 9 островов, образовавшихся после всеобщего потопа) 2) весь Китай'); 中国 'Китай; Срединное царство'.

Раздел 11 содержит ПИ4 诗经 'Шицзин', 'Книга песен' (наименование прецедентного текста китайскоязычного культурного пространства).

Другой китайский исследователь Ян Дэфэн в своей книге «Китайский язык и межкультурная коммуникация» [11] исследуемые нами ПИ определяет как «личности» (人物) или вообще относит к разряду «прочие единицы» (其他) в своей классификации так называемых 文化词语 'культурем'. Ян Дэфэн пишет, что «под культуремами здесь понимаются лексические единицы, возникшие при определённых культурных условиях или связанные с определенным культурным фоном. Эти единицы обладают характерной особенностью – опираясь на основное значение, очень трудно понять или правильно интерпретировать весь заложенный в них смысл. Чтобы понять эти слова, необходимо ознакомиться с определённой фоновой информацией. Какая доля приходится на эти слова в китайском языке, неизвестно, так как таких исследований не проводилось, и такой статистики нет, однако можно быть уверенным, что доля эта не маленькая. Что касается иностранцев, изучающих китайский язык, то им, прежде всего, необходимо чётко определить и выделить слова, которые относятся к культуремам китайского языка и отдельно вникнуть в их смысл, только тогда можно будет овладеть этими единицами и использовать их в коммуникации» [11, с. 134].

Культуремы китайского языка автор книги подразделяет на следующие несколько категорий: 历史 'История', 地理 'География', 政治制度 'Политическая система', 宗教 'Религия', 人物 'Исторические личности', 文艺 'Литература и искусство', 服饰 'Одежда и украшения',饮食 'Еда и питьё', 节令 'Периоды, сезоны (года), праздники', 习俗 'Привычки и обычаи; быт и нравы; традиции', 礼仪 '1) обряд; церемониал 2) правила приличия', 器具 'Инструменты; орудия; обстановка; утварь; принадлежности', 建筑 'Строительство, архитектура, зодчество', 成语、俗语、谚语 'Фразеологизмы, поговорки, пословицы', 其他 'Прочее'.

Как пишет Ян Дэфэн, «в приведённой классификации ситуация по каждой категории разная: каких-то слов больше, каких-то меньше. Некоторые категории являются закрытыми, такие как история, политическая система, природа, география, остальные все открытые, и они со временем изменяются, количество слов в них увеличивается или уменьшается. Частота употребления, ситуации применения культурем разных категорий также различаются. Некоторые часто встречаются в книгах по истории, например, культуремы-историзмы, культуремы-антропонимы, некоторые часто появляются в специальной литературе. Эти слова в устной речи употребляются не очень часто. Самое большое количество культурем в категории фразеологизмов, однако, овладение фразеологизмами с точки зрения изучения китайского языка учащимися не представляет большой трудности, так как в настоящее время существует огромное количество словарей фразеологизмов и это является большим подспорьем в их изучении. Особую трудность представляют те категории культурем, которые употребляются с нестабильной частотой и которые не встретишь в обычных словарях» [11, с. 136].

В данной классификации, например, ПИ Хуннян и ПИ Подлунный старец отнесены в разряд «прочие», а ПИ Чжугэ Лян и другие имена исторических личностей отнесены к категории культурем-антропонимов. Хотя разница между ними только в том, что одни имена – это имена реальных исторических личностей, а другие – имена вымышленных персонажей известных литературных произведений или мифов.

Примечательно, что некоторые ПИ КД и связанные с ними прецедентные высказывания включаются китайскими и российскими лексикографами и в словари фразеологизмов типа чэнъюй, и в словари фразеологизмов типа гуаньюнъюй, и в словари дяньгу.

Интересно, что многие из приведённых в книге Ян Дэфэна культурем являются актуализаторами ПИ КД. Например, слово 中山装 'штатский френч' (дословно: одежда Ятсена) связано с ПИ Сунь Ятсен (различие в звучании культуремы и имени Ятсен связано с тем, что культурема образовалась на основе второго имени Сунь Ятсена – 孙中山 Сунь Чжуншань, тогда как принятая в русском языке форма записи его имени Сунь Ятсен на основе его первого имени 孙逸仙 Sun Yixian Сунь Исянь происходит

ISSN: 2686-9675

от звучания иероглифов 孙逸仙 на родном для него диалекте хакка, на котором имя Исянь звучит как Ятсен), слово 八仙桌 'большой квадратный стол, с каждой стороны которого могут сесть два человека' (дословно: стол восьми небожителей) актуализирует групповое ПИ4 Восемь Небожителей (八仙) и т.д.

Примерно в этом же русле мыслит и другой китайский исследователь – Ван Гоань. Он, также рассматривая культуремы китайского языка, затрагивает и некоторые прецедентные имена [13].

Китайский исследователь Чан Цзинъюй в своей книге «Лексика китайского языка и культура» [5] также рассматривает исследуемые нами ПИ. В главе 5 «Куль-турные слова классических произведений» (典籍文化词语) автор пишет следующее: «в лексике современного китайского языка имеется большая группа слов письменной речи, источником которых прямо или косвенно являются литературные произведения древности и мифы. Слова подобного типа мы называем «культурные слова классических произведений» [5, с. 50]. Чан Цзинъюй даёт свою классификацию этой лексики. В некоторые разделы этой классификации входят собственно ПИ, и во все разделы лексические единицы, которые являются актуализаторами ПИ.

Например, в раздел 1 «Существительные» рубрики I «Часто используемые культурные слова классических произведений» включены такие ПИ1 как Хуннян, Подлунный старец, ПИ3 Тайшань, а также лексемы, которые актуализируют те или иные ПИ, например, лексема 鸡肋 'куриное рёбрышко' актуализирует ПИ Цао Цао; куриное рёбрышко [есть нечего, а бросить жалко; образно в значении: а) нестоящий, но притягательный; б) хилый, слабый]. Выражение означает, что какая-либо вещь уже не представляет ценности, но и выбросить её жалко. Возникло в следующей прецедентной ситуации. Цао Цао вёл войска на столицу царства Шу город Ханьчжун. Однако взять его не смог. Тут он объявил по армии пароль «куриное рёбрышко». Его адъютант Ян Сю, услышав этот пароль, начал собирать свои вещи. Сослуживцы его спросили, почему он начал собираться. Ян Сю ответил: «Если командир дал такой пароль, то это означает следующее: куриное рёбрышко выбросить жалко, но и есть уже нечего, также у нас произошло и с взятием Ханьчжуна. Ясно же ведь, что генерал хочет возвращаться домой». Лексема 鹊桥 'Сорочий мост' актуализирует ПИ Пастух и Ткачиха: согласно легенде именно на мосту, который образуют для них сороки, супруги встречаются раз в году. Лексема 知音 'задушевный друг' актуализирует ПИ Чжун Цзыци и Юй Боя: однажды игру знаменитого музыканта Боя услышал некий Чжун Цзыци. В какой-то момент Боя исполнял музыку, описывающую пейзаж гор Тайшань. После исполнения пьесы Чжун Цзыци, выражая восхищение, сказал, что звучание такой величественной музыки было подобно горам Тайшань. Затем Боя исполнил музыку, рисующую текущие воды. Чжун Цыци снова высказывая похвалу, сказал, что музыка была подобна журчанию бегущей воды. Боя впервые встретил столь благодарного ценителя своего таланта и приблизил Чжун Цзыци как близкого задушевного друга. Они стали хорошими друзьями. Однако вскоре Чжун Цзыци умер и Боя очень страдал. Он решил, что на свете больше нет близкого задушевного друга и понимающего его искусство достойного ценителя. Тогда он порвал струны циня, разбил его, и с тех пор музыку больше не исполнял. Так имя Чжун Цзыци стало в Китае символом близкого [задушевного, интимного] друга, понимающего человека.

В разделе 2 «Глаголы» также есть ряд лексем, связанных с ПИ КД, например, 负荆 '1) нести на плече терновую палку [и просить наказания]; 2) являться с повинной головой, приносить свои извинения [и просить себе наказания]' (ПИ 廉颇 Лянь По и 蔺相如 Линь Сянжу – имена известных чиновников древности). Лексема 发指 'волосы дыбом (от ярости); сильный гнев, ярость; сердиться, гневаться' актуализирует ПИ Конфуций и Дао Чжэ: когда разбойник Дао Чжэ узнал, что Конфуций собирается нанести ему визит, то у него от злости «волосы встали дыбом и упёрлись в шапку» [发上指冠]. Здесь интересно отметить, что в Большом китайско-русском словаре имени Дао Чжэ даётся следующее определение: 跖 Чжэ (имя легендарного разбойника эпохи Чуньцю, ставшее нарицательным в значении *разбойник*). 跖蹻 Чжэ Цзяо (Дао Чжэ [盗跖] и Чжуан Цзяо [莊蹻] – легендарные разбойники древности) [3, том 2, с. 425]. Это пример того, как ПИ, бывшее когда-то символом и обретшее нарицательное значение, в современном китайскоязычном дискурсе утратило этот статус и известно теперь лишь узкому кругу интеллигенции. Таких имён в китайском языке и культуре огромное множество, что объясняется необычайно длительной историей их непрерывного существования и развития.

Раздел 3 «Имена исторических личностей, персонажей литературных произведений и сказок (мифов)» (历史、小说、神话人物的泛化词) включает именно ПИ. В этой рубрике мы находим такие ПИ как Цзян Тай-гун, Си Ши, Чжугэ Лян, Цао Цао, Чжан Фэй, Адоу, Бао-гун, Му Гуйин, У Сун, У Далан, Сунь Укун, Чжу Бацзе, Пастух и Ткачиха. Все эти ПИ включены и в первую часть упомянутого выше словаря Чэнь Сяньчунь [6]. В данном списке Чан Цзинъюй сопровождает ПИ инвариантами восприятия дескрипциями.

Далее Чан Цзинъюй ещё выделяет рубрику II «Фразеологизмы, источником которых являются исторические произведения» (来源于历史文献的熟语).

Раздел 1 этой рубрики «Фразеологизмы типа чэнъюй» (成语) включает множество фразеологизмов, которые являются актуализаторами ПИ в сознании носителей китайского языка, например, 毛遂自荐 'предложить

свои услуги' (букв. как Мао Суй самому рекомендовать себя) актуализирует ПИ Мао Суй: Мао Суй напросился сопровождать своего хозяина-посла в царство Чу, где выдвинулся на дипломатической работе и оказал услугу своему княжеству. Фразеологизм 望梅止渴 'утолять жажду, издали глядя на сливы' (образно в значении 'утешаться мечтами, утешать себя химерой') актулизирует ПИ Цао Цао. Прецедентная ситуация такова. Цао Цао потерпел поражение в битве с Лю Бэем, заблудился и не мог найти источник воды. От жажды страдала вся его армия. Вдруг Цао Цао объявил, что впереди есть заросли сливы и там много кисло-сладких сочных плодов, можно будет утолить жажду. Все, услышав эти слова, сразу истекли слюной. И жажда поубавилась. Так, вызвав выделение слюны у своих подопечных, он повысил их физическую активность, и войска смогли продолжить движение вперёд. Все 89 приведённых в данном разделе фразеологизмов типа чэнъюй прямо или косвенно связаны с ПИ разной степени известности.

Раздел 2 этой рубрики «Фразеологизмы типа гуаньюнъюй [привычные выражения]» (惯用语) также включает множество выражений, связанных с ПИ и другими ПФ, например, 苦肉计 'план «страдание плоти»' (образно в значении 'наносить себе увечья или прикидываться страдающим, чтобы вызвать к себе доверие или сострадание'; возникло в романе «Троецарствие» и связано с прецедентными ситуациями, которые представлены в КД устойчивыми словесными клише и фразеологизмами (ПВ1/ПИ2) 周瑜打黄盖 'Чжоу Юй избивает Хуан Гая' и 赤壁之战 'Битва у Красного утёса'), 紧箍咒 'заклятие «крепко сожми»' (которым Тансэн сжимал железный обруч на голове царя обезьян Сунь Укуна, чтобы привести его к повиновению; по роману «Путешествие на Запад»; образно в значении: помеха, путы), 千里马 ma 'крылатый конь; быстроногий скакун' (является ПИ4, связано с ПИ1 Болэ).

Раздел 3 «Пословицы» (俗语) также содержит множество единиц, которые являются актуализаторами ПИ. Например, фразеологизм 身在曹营心在汉 'Телом в лагере Цао, но душой в [царстве] Хань' (связан с ПИ Гуаньгун, Лю Бэй, Цао Цао). Данный фразеологизм в нашей классификации является ПИ2 – наименованием прецедентной ситуации из прецедентного текста «Троецарствие», главы 25-27.

Раздел 4 «Поговорки» (谚语类) и раздел 5 «Фразеологизмы типа сехоуюй [недоговорки-иносказания]» (歇后语) также в своём большинстве актуализируют большое количество ПИ.

В главе 15 «Образование топонимов» (地名文化) Чан Цзинъюй в разделе 9 «Увековечение памяти известных людей» (纪念名人) и в разделе 14 «Культурные слова и словосочетания для обозначения территорий» (地域文化词语) также приводит много примеров языковых единиц, актуализирующих ПИ КД. Например, в подразделе 1 «Фразеологизмы типа чэнъюй» (成语) фразеологизм 泰山北斗 'гора Тайшань и созвездие Ковша' (образно о корифее науки, литературы) актуализирует ПИ3 Тайшань. Эта гора находится на территории уезда Тайань провинции Шаньдун и является одной из пяти священных гор Китая. Стоит заметить, что для наименования всех этих священных гор также существует выражение 五岳 'пять священных пиков Китая (Восточный — 泰山; Западный — 华山; Южный — 衡山; Северный — 恒山; Центральный — 嵩山)'. Такие образования мы называем фраземами-калькуляциями и также относим к ПИ (ПИ4).

В подразделе 2 «Поговорки и пословицы» (俗语、谚语) Чан Цзинъюй также приводит примеры единиц, которые актуализируют ПИ3-топонимы, например, 上有天堂，下有苏杭 'На небесах есть рай, а на земле есть Сучжоу и Ханчжоу'. Эта поговорка актуализирует ПИ3 (прецедентные топонимы) Сучжоу и Ханчжоу. Эти два города с древности являются символом красивых мест, и их названия в усечённом виде вместе в виде фразеологизма苏杭 также сформировали ПИ3 КД. Другая пословица актуализирует ПИ3 黄河 'река Хуанхэ': 不到黄河心不死 'надежда умирает последней' (дословно: не отчаивайся, пока не достигнешь Хуанхэ). Здесь имеется в виду то, что в древности великая река Хуанхэ была естественной непреодолимой преградой между севером и югом Китая. Поэтому в те времена считалось, что пока ты не упрёшься в Хуанхэ, не стоит терять надежды и не стоит отказываться от своих целей, но если ты дошёл до Хуанхэ, то предпринимать что-либо уже бесполезно, дальше дороги нет.

Что касается увековечения памяти известных людей, то Чан Цзинъюй пишет, что «народ в целях увековечивания памяти исторических личностей и национальных героев, внёсших свой вклад в дело развития страны или народа, применяет их имена для формирования топонимов». Например, знаменитые поэты Бо Цзюйи и Су Дунпо в своё время несли государственную службу в городе Ханчжоу. И в период своей деятельности сделали немало добра простому народу. Поэтому горожане в целях увековечения их заслуг в строительстве дамб на озере Сиху две большие дамбы назвали соответственно «Дамба Бо» и «Дамба Су». Сунь Ятсен (孙中山) был родом из уезда Сяншань провинции Гуандун и с целью увековечивания его имени уезд Сяншань был переименован в уезд Чжуншань (или Ятсен, если следовать исторически принятой форме написания имени этого величайшего политического деятеля Китая в русском языке). Точно такая же ситуация с уездами

ISSN: 2686-9675

Чжидань в провинции Шэньси, Цзоцюань в провинции Шаньси, Цзинъюй в провинции Цзилинь, Шанчжи в провинции Хэйлунцзян, которые названы соответственно в честь героев революции Лю Чжиданя, Цзо Цюаня, Ян Цзинъюя, Чжао Шанчжи. А пекинские улицы Чжан Цзычжун лу, Чжао Дэнъюй лу, Тун Линьгэ лу названы в честь генералов антияпонской войны Чжан Цзычжуна, Чжао Дэнъюя и Тун Линьгэ.

Таким образом, завершая анализ книги, можно сказать, что в работе Чан Цзинъюя затронуто большое количество ПИ и связанных с ними разного рода лексических единиц.

Материалы данной работы мы также применяем для выделения базового арсенала ПИ КД.

Авторы книги «Изучение культурно-языковых обычаев русского и китайского языков» [10] Лю Гуанчжунь и Хуан Сухуа рассматривают некоторые ПИ русского культурного пространства. Однако они перечисляют ПИ только ограниченной сферы, а именно религиозной, например: Бог, Господь, Святая Троица (Бог-отец, Бог-сын и Бог-дух святой), Царство Божие, Сатана, Иисус Христос, Богородица, Мария, Адам, Ева, Моисей, Иуда, Библия. Эта книга показывает, что китайские учёные также обратили внимание на феномен прецедентности и при изучении иностранных языков и культур.

Приведённый выше анализ показал, что ПИ и прочие прецедентные феномены представлены в китайских источниках весьма разрозненно. Полагаем, что предложенная в нашей диссертации [1] классификация ПИ и прочих прецедентных феноменов поможет систематизировать эту важную сферу изучения и понимания Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воропаев Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе [Текст] / Н. Н. Воропаев Дис. … канд. филол. наук. – Москва.: 2012. – 315 с.
2. Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая / Н. Н. Воропаев. – 2-е изд., испр. – М.: Издательство ВКН, 2018. – 384 с.
3. Ошанин И.М. Большой китайско-русский словарь под ред. И.М. Ошанина. Т. 1-4. М., 1983-1984.
4. Чи Ли. Мёрзни или жарься, живи – и не парься. Пер. О. П. Родионовой // Современная китайская проза. Жизнь как натянутая струна: антология составлена Союзом китайских писателей – М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2007. – 543 с.
5. 汉语词汇与文化 // 常敬宇著. – 北京：北京大学出版社，1995年. (Лексика китайского языка и культура // Чан Цзинъюй. – Пекин, 1995. – 208 с.)
6. 中国文化中的典型人物与事件 // 陈贤纯编著. – 北京: 北京语言文化大学出版社，1999 年. (Прецедентные персонажи и события в культуре Китая // Сост. Чэнь Сяньчунь. – Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 1999. – 309 с.)
7. 红顶商人 – 胡雪岩 // 高阳 著. 长春：吉林文史出版社出版，1992年. («Купец-чиновник – Ху Сюэянь». Гао Ян. Чанчунь, Издательство литературы и истории провинции Цзилинь, 1992. – 449 с.)
8. 历史上的那些人 // 何跃青. – 北京：地震出版社，2007年. (Люди истории // Сост. Хэ Юэцин. – Пекин, 2007. – 243 с.)
9. 中国文化的由来 // 李一宇主编. – 北京：中国挡案出版社，2006年. (Истоки китайской культуры // Сост. Ли Июй. – Пекин, 2006. – 390 с.)
10. 俄汉语言文化习俗探讨 // 刘光准，黄苏华著. – 北京：外语教学与研究出版社，1999年. (Изучение культурно-языковых обычаев русского и китайского языков // Лю Гуанчжунь, Хуан Сухуа. – Пекин, 1999. – 231 с.)
11. 汉语与文化交际 // 杨德峰编著. – 北京：北京大学出版社，1999年. (Китайский язык и межкультурная коммуникация // Ян Дэфэн. – Пекин, 1999. – 215 с.)
12. 中华五千年历史故事 // 尹红卿，曹鸿骞主编. – 北京：当代世界出版社，2006年. (Рассказы о пятитысячелетней истории Китая // Под ред. Инь Хунцин, Цао Хунцянь. – Пекин, 2006. – 571 с.)
13. 王国安. 论汉语文化词和文化意义，载 对外汉语教学研究 // 陈阿宝主编. – 太原：山西人民出版社，2002年，第360-370页. (Ван Гоань. О культурных словах [культуремах] и культурных смыслах китайского языка // Сборник статей по преподаванию китайского языка как иностранного, под ред. Чэнь Абао. – Тайюань: Народное издательство провинции Шаньси, 2002. С. 360-370.)

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nikolai N. Voropaev, PhD
Department of East and South-East Asia Languages,
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
voropaev@vokitai.ru

Принята к публикации: 15.09.2019 г.

MODERN ORIENTAL STUDIES
СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
INTERNATIONAL SCIENCE JOURNAL / МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СИНГАРМОНИЗМ ГЛАСНЫХ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА

THE HARMONY OF VOWELS OF THE TIBETAN LANGUAGE

***Комарова Ирина Нигматовна**, канд. филол. наук*
старший научный сотрудник
Отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии
Институт языкознания РАН
tianyu@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья представляет анализ сингармонизма гласных – исключительное суперсегментное явление, которое относится к типологически значимым грамматическим и фонологическим характеристикам тибетского языка и реализуется независимо от места образования в слове. Модификации гласных проявляются не только в аффиксальных морфемах производных слов подобно известным классическим типам в тюркских и алтайских языках при доминирующей в слове корневой морфеме, но непосредственно в самих корневых морфемах сложных слов. Цельнооформленность слов осуществляется по признаку подъема гласных.

Сингармонические модели, реализуемые в производных и сложных словах лхасского диалекта тибетского языка, подтверждают, что существует тесная взаимосвязь между суффиксальными и корневыми морфемами, а также непосредственно между корневыми морфемами, образуя единое слово.

***Ключевые слова и фразы:** сингармонизм гласных, тибетский язык, китайский язык, модификации тибетских гласных, суффиксальные морфемы и корневые морфемы, производные и сложные слова.*

***Для цитирования:** Комарова И.Н. Сингармонизм гласных тибетского языка. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(1): 16-20*

ABSTRACT

This paper presents an analysis of the harmony of vowels – exclusive super segmental phenomenon that represents the typologically important grammatical and phonological features of the Tibetan language realizing in spite of the place in the word. Modifications of the vowels can be developed not only in the affixal morphemes of the derivative words like the well-known classical types in the Turkic and Altaic languages where the dominating role in the word belongs to the root morpheme but directly in the root morphemes of the compound words.

The models of the vowel harmony realizing in the Lhasa dialect of the Tibetan language confirm that there are close correlations between the suffixal and root morphemes in the derivative words and also between the root morphemes in the compound words usually forming the common word.

***Key words and phases:** the harmony of vowels, Tibetan language, Chinese language, the modification of the Tibetan vowels, suffixal and root morphemes, the derivative and compound words.*

***For citation:** Komarova I.N. The Harmony of vowels in the Tibetian language. Modern Oriental Studies. 2019; 1(1): 16-20*

Современный тибетский язык относится к китайско-тибетской семье языков, тибето-бирманской подгруппе.

Грамматическая и фонологическая системы тибетского языка обладают типологическими характеристиками, которые свойственны агглютинативным и флективным языкам. А по определенным типологическим критериям тибетский язык принадлежит к языкам изолирующего строя.

Для тибетского языка характерны следующие типологические параметры, свойственные агглютинативным языкам (ср. татарский язык): а) совпадение графического, фонетического и морфологического слогоделения при агглютинативно сочлененных морфемах в словах и словоформах khong1 ‘он’ – khong1ki?3 ‘он’ эргатив, ki?3 – эргативный показатель, маркирующий субъект действия; б) прозрачность границ корневой и аффиксальной морфем:

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / КОМАРОВА ИРИНА НИГМАТОВНА, TIANYU@MAIL.RU / УДК 314.7

khong1 'он' – khong1la 'у него', локативный показатель la2 отделен от корневой морфемы; в) сингармонизм гласных.

К типологически значимым чертам лхасского диалекта тибетского языка (ТЯ) помимо фонологически значимого тона относится такое суперсегментное явление, как сингармонизм гласных. «Сингармонизм – не просто фонетическое явление и тем более не только разновидность ассимиляции, а фундаментальное структурно-типологическое явление, затрагивающее не только все уровни фонетического яруса структуры языка, но и ярус морфологический» [Реформатский 1966].

Обычно «...гармонизируются морфемные объединения, которые характеризуются аг-глютинативным сцеплением» [Виноградов, Реформатский 1969]. Эта особенность ТЯ прежде фрагментарно освещалась в некоторых научных исследованиях зарубежных тибетологов [Goldstein 1977; Simon 1974; Hu Tan 1984].

С изолирующими языками (ср. китайский язык) тибетский язык типологически сближают следующие исключительные особенности: строго фиксированная структура слога с иерархическим делением на инициаль и финаль, представленных парадигмами с различным набором согласных и гласных фонем; в слогах моделей CVC, CV, CV инициаль представляют двадцать девять согласных фонем ph. p, th, t, kh, к, kyh, ку, zh, ch, z, c, j, q, m, n, ng, ny, l, w, r, y, x, h, s, sh, hy, lh, f в слогах всех пяти фонологических моделей CV, CV:, V:, VC, CVC финаль включает семнадцать кратких и долгих гласных фонем а, а:, о, о:, и, и:, i, i:, е, е:, у:, ø, ø:,ε, ε:, ə и только восемь согласных фонем выступают в качестве терминали т, п, ng, k, ?, r, w, p, так как в тибетском языке имеется тенденция к открытости слога; б) ограниченная возможность монофонемной структуры слога, репрезентировать морфемы или одноморфемные слова; г) наличие системы четырех тонем, противопоставленных по признакам: ровный / неровный, восходящий / нисходящий. Будучи важным фонологическим средством, тон связан с такими языковыми уровнями как лексический и грамматический: khang1 'дом', khang2 'который', khang3 'снег', khang4 'удовлетворять'; sung1 'защищаю' (наст, вр.) – sung4 'защищал' (прош. вр.); sing1 'выбираю' (наст, вр. изъяв, накл.) – sing4 'выбирай' (повел, накл.).

Прежде чем обратиться к описанию гармонических последовательностей гласных в тибетском языке, целесообразно рассмотреть основные типы словообразования, поскольку именно при их реализации наблюдаются явления сингармонизма.

Основными морфологическими способами словообразования в тибетском языке являются аффиксация, словосложение и редупликация. Производные слова, а также сложные слова и повторы характеризуются сложными и многообразными отношениями с такими языковыми уровнями, как фонологический, морфологический и лексический.

Словообразованию тибетского языка посвящен ряд исследований отечественных и зарубежных ученых (Ю.Н. Рерих 1984, Ю.М. Парфионович 1970, А. Рона Таш 1989, Ху Тань 1988, Цюй Айтан 1991 и др.).

Рассмотрение способов словообразования позволило уточнить, что в тибетском языке преобладает суффиксация. Суффиксы pa1, po1, mo2, wa2, wo2, ya?3, ngεn1 и др. способны обозначать предметность, процессуальность, признаковость, встречаясь в составе разных лексико-грамматических классов: qang1pa1 'любитель вина цян' (qiang1 – ячменный алкогольный напиток, сущ.), je:1po1 'любимый' (прил.), te2wa1 'счастье' (сущ.), qu1wo1 'река' (сущ.), па2уа?4 'болезнь' (сущ.), lep1ngεn1 'ученик' (сущ.).

При словосложении образуются слова, состоящие из двух или нескольких лексически значимых компонентов и характеризующиеся двусторонней структурно-семантической связью с исходными лексическими единицами. При словосложении соединение лексических единиц также имеет агглютинативный характер. Можно выделить сложные слова:

1) атрибутивной модели, состоящие из именных морфем: се1xing1 'огород' < се1 'овощи' + xing1 'поле'; qəp1khung 'канал' < qəp4 'вода' + khung1 'отверстие'; qəp1ser1 'гной' < qəp4 'вода, жидкость' + ser1 'желтый'; ри2та:1 'червяк' <ри2 'насекомое' + та:1 'красный';

2) сложные слова объектно-предикативной модели, состоящие из именной и глагольной морфем: sung1xe?4 'доклад' < sung1 'речь' + xe?4 'говорить'; chak2tong1 'эхо' < cha-?3 'голос, звук' + tong1 'оставлять'; xa1zi1 'вилка' < xa1 'мясо' + zi2 'держать'.

3) сложные слова субъектно-предикативной модели, образующиеся при сложении именных или именной и глагольной морфем: ngo2ca1' 'краснеть (от стыда)' < ngo2 'лицо' + ca1 'жаркий'; qəp1kho:1 'кипяток' < qəp4 'вода' + khø:1 'кипеть'; nam2lang4 'рассвет' <пат2 'ночь' + lang3 'подниматься, поднимать'.

Тибетские повторы, являясь продуктивным способом словообразования, представляют различные лексико-грамматические классы слов: qam1qam1 'прогулка' (сущ.), tem2teml 'гибкий' (прил.), qε:1qε:1 'беспорядочно' (наречие), kyhor1kyhor1 'махать, качаться' (глагол).

Редуплицированные образования представлены двумя типами: тождественные повторы с одинаковым фонемным и тонемным составом (ten1ten1 'обязательно', sung1sung1 'защищать') и дивергентные повторы, состоящие

из компонентов, которые подверглись различным морфологическим сингармоническим преобразованиям и не совпадают материально.

Гармония гласных заключается в артикуляционном сближении гласных звуков обоих слогов слов по нескольким признакам, в частности, сингармонический характер связи морфем в тибетском слове организует вокалическую структуру по признакам ряда или подъема гласных.

В следующих примерах производных слов зафиксированы явления сингармонизма гласных в аффиксальных морфемах [а-ə]: chu2 + pa1 > chu2pə1 ‘лодочник’, nyi2 + та1 > nyi2mə1 ‘солнце’, pang2 + ku2 > pəng2ku1 ‘муха’.

Трансформациям могут также подвергаться корневые морфемы сложных слов.

В структурах сложных слов наблюдается оформление слова с помощью сингармонизма гласных [а-ə], [о-u]: hla1 ‘бог, дух’ + y:2 ‘страна, район’ > hlə1y:1 ‘рай, земля обетованная’; thong1 ‘смотреть’ + qung1 ‘мало’ > thung1qung1 ‘презирать, пренебрегать’; па?3 ‘черный’ + qu1 ‘вода’ > пək2qu1 ‘река Накцю’.

Суперсегментная организация повторов не обходится без сингармонизма гласных [а-ə]: ram2 + гит1 > гət2гит1 ‘мелочь’; хат2 + xim2 > хəm2xim1 ‘затяжной’; kyang2 + kying2 > kyəng2kying1 ‘высокомерный’.

В производных словах, сложных словах и дивергентных повторах наблюдается тесная взаимосвязь между составляющими компонентами с точки зрения сингармонизма гласных.

Гармония гласных заключается в артикуляционном сближении гласных звуков обоих слогов по некоторым признакам, в частности, сингармонический характер связи морфем в тибетском слове организует вокалическую структуру слов по признаку подъема гласных. Обратимся к составу вокализма в тибетском языке.

В тибетском вокализме 17 монофтонгов: [i, i:, y, y:, u, u:, e, e:, ε, ε:, o, o:, ø, ø:, a, a:, ə].

Тибетский вокализм характеризуется признаками: а) трех рядов (переднего, среднего, заднего); б) трех степеней подъема (высокого, среднего, низкого); в) лабиализацией гласных и г) двумя модальными признаками (долготы и назализации). Таким образом, для вокализма Лхасы характерна почти симметричная система, в которой различаются три ступени подъема и три тембровых класса. В нижнем подъеме различаются только два тембровых класса. Симметрично представлено противопоставление гласных по признаку огубленности: по этому признаку гласные переднего ряда противопоставляются гласным заднего ряда. Однако противопоставление по признаку «огубленность – неогубленность» свойственно только гласным верхнего и среднего подъема.

Тибетский сингармонизм отличается тем, что модификации подвергаются как аффиксальные, так и корневые морфемы.

Как показало исследование, в двусложных словах имеет место как прогрессивная, так и регрессивная ассимиляция, при которой устойчивыми являются только гласные высокого подъема [i, i:, y, y:, u, u:], которые влияют на гласные среднего или низкого подъема [a, a:, e, e:, o, o:, ø, ø:] первого слога или, наоборот, второго слога слова.

В тибетских двусложных словах существует девять моделей сочетаемости гласных высокого, среднего и низкого подъема.

Есть пять исходно сингармонических устойчивых моделей сочетаемости гласных:

[u+i]	гл. выс. подъема + гл. выс. подъема	ku1si 1	‘мерзнуть’
[e+ε]	гл. ср. подъема + гл. ср. подъема	khe1phen1	‘польза’
[o+a]	гл. ср. подъема + гл. низ. подъема	kho1rang1	‘он’
[a+o]	гл. низ. подъема + гл. ср. подъема	kyamu2co1	‘море’
[a+a]	гл. низ. подъема + гл. низ. подъема	ka:1ma 1	‘звезда’

В четырех вокальных моделях, претерпевших преобразования сингармонического характера, наблюдаются следующие чередования гласных:

Приведем примеры:

гл. выс. подъема + гл. ср. подъема	→	гл. выс. подъема + гл. выс. подъема
гл. выс. подъема + гл. низ. подъема	→	гл. выс. подъема + гл. ср. подъема
гл. ср. подъема + гл. выс. подъема	→	гл. выс. подъема + гл. выс. подъема
гл. низ. подъема + гл. выс. подъема	→	гл. ср. подъема + гл. выс. подъема

[o→u] : (khung2 + то2) > khung2mu1 ‘средний палец’;

[o→u] : (lo1 + уи) > lu1yu1 ‘трахея’;

[a→ə] : (zhum1 + ta2) > zhum1təl ‘револьвер’;

[a→ə] : (ka1 + tu?3) > kə1tu?4 ‘страдать’.

Гласные [o, a] независимо от места реализации в слове подвергаются действию качественной модификации, а в последнем примере чередование гласных [a→ə] представляет собой чередование гласных, принадлежащих к одному и тому же ряду, но различным уровням подъема: низкий подъем → средний подъем.

Двусложные слова, фиксируемые в словарях в своей графической форме, сохраняющей исходные негармонические, последовательности гласных, демонстрируют тем не менее на фонетическом уровне сингармонические преобразования слов нескольких видов: гласные среднего подъема устремляются к высокому подъему, а гласные низкого подъема подтягиваются к среднему подъему.

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / КОМАРОВА ИРИНА НИГМАТОВНА, TIANYU@MAIL.RU / УДК 314.7

Переход гласных при суперсегментной сингармонической организации возможен на одну (следующую) ступень подъема.

В первом слоге двусложного слова:

1) гласные среднего подъема не сочетаются с гласными высокого подъема второго слога, поэтому однорядные гласные среднего подъема чередуются с гласными высокого подъема:

гласные ср. подъема + гласные выс. подъема → гласные выс. подъема + гласные выс. подъема [o+i] → [u+i], [o+i] → [u+i], [o+u] → [u+u], [ø+y] → [y+y];

2) гласные низкого подъема не сочетаются с гласными высокого подъема второго слога, поэтому однорядные гласные низкого подъема чередуются с гласными среднего подъема:

гласные низ. подъема + гласные выс. подъема → гласные ср. подъема + гласные выс. подъема: [a+i] → [ə+i], [a+i:] → [ə+i:], [a+u] → [ə+u].

Во втором слоге двусложного слова:

1) гласные среднего подъема не сочетаются с гласными высокого подъема, поэтому однорядные гласные среднего подъема чередуются с гласными высокого подъема:

гласные выс. подъема + гласные ср. подъема → гласные выс. подъема + гласные выс. подъема: [i+o] → [i+u], [u+o] → [u+u], [i+ø] → [i+y];

2) гласные низкого подъема не сочетаются с гласными высокого подъема, поэтому однорядные гласные низкого подъема чередуются с гласными среднего подъема:

гласные выс. подъема + гласные низ. подъема → гласные выс. подъема + гласные ср. подъема: [i+a] → [i+e], [i:+a] → [i:+e], [u+a] → [и+ə].

Исходя из вышеизложенного, негармоническими сочетаниями гласных, имеющими шансы чередоваться с гласными более высокого уровня подъема и переходящими соответственно на более высокую степень подъема, являются: в первом слоге [o+i], [o+i:], [o+u], [ø:+y], [a+i], [a+i:], [a+u], во втором слоге [i+o], [u+o], [i+ø], [i+a], [i:+a], [u+a].

Таким образом, мы наблюдаем следующую картину: в первом и во втором слогах двусложных слов гласные среднего подъема чередуются с гласными высокого подъема, а гласные низкого подъема чередуются с гласными среднего подъема:

[a-ə] kha1 'рот, порт' → chu2kə1 'порт, переправа';

[o-u] ko2 'голова' → ku2ru?4 'череп';

[ø-y] chø?3 'беседа' → chy2ty:1 'обсуждение';

[e-i] ke2 'добро, молитва' → ki2chu?4 'ученик, послушник'.

Всякий раз вне зависимости от места реализации в слове гласным высокого подъема [i, i:, u, u:, y, y:] принадлежит «пальма первенства», и они задают тон в двусложном слове, способствуя передвижению гласных на более высокий близлежащий уровень по подъему, что и определяет тип тибетского сингармонизма: компактностный сингармонизм гласных или сингармонизм гласных по подъему.

Проф. Ху Тань зафиксировал редкие случаи обратного воздействия гласных среднего подъема на гласные высокого подъема [Hu Tan 1984]:

[u – o]: phu2 'ребенок' → pho2mo1 'девочка';

lu?3 'норма, порядок' → lok2sø:1 'нормы поведения, порядок';

[i – e] nyi:1 'два' → nye:2tong1 'две тысячи';

mi2 'человек → me2ze1 'жизнь'.

В двусложных словах также встречаются негармонические последовательности гласных, которые, следуя законам тибетского сингармонизма гласных, должны были бы участвовать в процессе чередований, но избегают этого, сохраняя константную негармоническую структуру. При этом гласные высокого и среднего подъема, а также высокого и низкого подъема мирно сосуществуют: ngu2xo:1 'плакать', ngu:1khang1 'банк', qu1khang1 'бассейн, ванна'.

Подобные негармонические структуры в индонезийском языке отметила Л.Г. Зубкова: «...слова, имеющие негармоническую вокалическую структуру... свидетельствуют о неустойчивости гармонии гласных в индонезийском языке [Зубкова 1970].

Данные, которые приводились выше, относятся к лхасскому диалекту ТЯ. Что касается архаичного, атонального диалекта Амдо, не особенно затронутого фонетическими инновациями и почти сохранившего стечения согласных в начале и конце слога, то явление сингармонизма гласных в нем не наблюдается. Например: xayi 'ребенок', amnyi 'отец', laju 'перец', thurma 'палочки для еды' [Hu Tan 1988, 83].

Отличия тибетского сингармонизма гласных от сингармонизма гласных классического типа, представленного, например, в алтайских языках, можно свести к двум параметрам: общему характеру сингармонизма и месту его реализации в двусложном слове. «Неравенство корней и аффиксов в тюркских языках – не только факт, следующий из общих положений о самостоятельности корней и несамостоятельности аффиксов вообще, а данный и предложенный в их конкретной структуре: в тюркских языках нет аффиксальной препозиции, все слова начинаются корнем, а корень не только морфологически доминирует в слове..., но как «инициаль слова» линейно задает тон всему слову» [Реформатский 1966].

В тюркских языках, а также в монгольском, калмыцком, бурятском и др. есть два вида гармонии гласных: по признаку ряда и лабиальная по признаку огубленности. Например, после корневой морфемы с передними (или задними) гласными непременно выступают аффиксальные морфемы, содержащие гласные переднего (или заднего) ряда. Иными словами, в сингармонических моделях классического типа ведущая роль принадлежит корневой морфеме, вокалический состав аффиксальной морфемы определяется гласными корня: тофаларский язык – ирик 'гнилушка', ириктери 'гнилушек'.

А.А. Алексахин писал о сингармонизме китайского языка: «Тональный и слогоматричный виды сингармонизма – это типологическая характеристика фонетической цельнооформленности слова китайского языка путунхуа и китайских диалектов».

Сингармонизм может осуществляться посредством различных фонетических явлений, но суть их в одном – в фонетическом взаимообусловленности (правой части от левой в составе целого) частей в составе целого [Алексахин 1999]. В лхасском диалекте тибетского языка место реализации сингармонизма гласных может происходить как в корневой морфеме, так и в аффиксальной морфеме.

Сингармонизм гласных является одним из средств цельнооформленности слова, выступая «маркером единства слова в синтагматическом плане» [Виноградов, Реформатский 1969]. Рассмотрение сингармонизма тибетских гласных на более широком типологическом пространстве позволило установить, что сингармонические модели, реализуемые в двусложных и производных словах лхасского диалекта тибетского языка, на суперсегментном уровне образуют тесную взаимосвязь между морфемами различного типа – между корневыми морфемами, а также между корневыми и суффиксальными морфемами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексахин А.А. Роль сингармонизма в создании фонетической целостности слов китайского языка путунхуа // Общее и восточное языкознание. Ин-т языкознания РАН. «Современный писатель», – 1999, – С. 151.
2. Виноградов В.А., Реформатский А.А. Сингармонизм, ударение и просодия слова // Вопросы языкознания, – 1969, № 1. – С. 123.
3. Зубкова Л.Г. О гармонии гласных в индонезийском языке // Языки Юго-Восточной Азии. М. – 1970. – С. 228.
4. Комарова И.Н. Тибетское письмо. М. – 1995.
5. Парфионович Ю.М. Тибетский письменный язык. М. – 1970.
6. Рерих Ю.Н. Тибетский язык. 1961.
7. Реформатский А.А. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма // Исследования по фонологии. АН ССР, Ин-т русского языка. Изд-во «Наука», Москва. – 1966 – С. 198.
8. Amdø:1 kha1 kɛ?4 lop1 dep/ Qinhai minzu chubanshe. Xinin. 1989. (Учебник разговорного диалекта Амдо. Цинхай, Изд-во национальностей Синин. – 1989). (на тиб., кит. яз.).
9. Goldstein M.C. Modern Literary Tibetan.Berkeley. Los Angeles. Oxford. – 1991.
10. Hu Tan. You shendiao Zang yu he wushendiao Zang yu zhi bijiao // Languages and History in East Asia. Festschrift for Tatsuo Nisida on the Occasion of his 60th Birthday. Kyoto, 1988 (Ху Тань. Сопоставление тональных и атональных диалектов тибетского языка // Языки и история Восточной Азии. Юбилейный сборник, посвященный 60-летию со дня рождения Тацуо Нисида. Киото. – 1988).
11. Qu Aitang. Han-Zang yuyan yanjiude lilun he fangfa. Zhongguo zangxue chubanshe. Beijing, 2000. (Цюй Айтан. Теория и методы исследования тибетского языка. Изд-во исследований по тибетологии. Пекин, 2000).
12. Róna Taš A. Some Remarks on Vowel System of the Tibetan and Buddhist Studies Commemorating the 200th Anniversary of the Birth of Alexander Csoma de Körös. Budapest. – 1984.
13. Wang Zhijing. Zang yu Lasa kouyu yufa. Zhongyang minzu daxue chubanshe. Beijing, 2000. (Ван Чжицзин. Грамматика разговорного лхасского диалекта тибетского языка, Изд-во Центрального университета национальностей, на кит. яз.).

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Komarova Irina Nigmatovna, Ph.D.
senior research worker
Department of East and South-East Asia Languages,
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
tianyu@mail.ru

Принята к публикации: 15.09.2019 г.

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / НАЗАРОВА САЙЁРА АНВАРОВНА, ZAYIDOVA@GMAIL.COM / УДК 372.881.1:378.1.6

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ: АНАЛИЗ ДЕЙСТВУЮЩИХ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

CURRENT STATE OF TEACHING CHINESE LANGUAGE: ANALYSIS OF EXISTING CURRICULUM PROGRAMS AND EDUCATIONAL -METHODOLOGICAL LITERATURE

Назарова Сайёра Анваровна, *(Ph.D.),*
доцент, зав. каф. китайского языка и литературы
Ташкентского государственного института востоковедения.
zayidova@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье произведен анализ учебных программах и учебно-методической литературы по дисциплине "Китайский язык", а также выделены приоритетные направления, требующие дальнейших доработок в аспекте исследуемой проблемы.

Ключевые слова и фразы: *учебная программа, учебник, коммуникативные навыки, технология развития критического мышления через чтение и письмо, китайский язык.*

Для цитирования: *Назарова С.А. Современное состояние обучению китайскому языку: анализ действующих учебных программ и учебно-методической литературы. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(1): 21-23*

ABSTRACT

The article analyzes the curriculum programs and the educational literature on the discipline "Chinese language", and also identified priority areas, that requiring further refinement in the aspect of the investigated problem.

Key words and phrases: *curriculum, textbook, communication skills, technology for the development of critical thinking through reading and writing, Chinese.*

For citation: *Nazarova S.A. Analysis of existing curriculum programs and educational-methodological literature. Modern Oriental Studies. 2019; 1(1): 21-23*

Учебная программа является основным государственным документом, определяющим содержание дисциплины, его объем, последовательность изложения учебного материала, сферу знаний, умений и навыков, подлежащих усвоению по данному учебному предмету.

Рассмотрим, каким образом реализуются вопросы изучения иноязычной лексики в учебных программах, а также в учебно-методической литературе по китайскому языку, и выделим приоритетные направления, требующие дальнейших доработок в аспекте исследуемой проблемы.

В учебной программе по китайскому языку для специальности № 5120100-Филология и обучение языкам (восточные языки), указано на необходимость формирования фонетических, лексических, грамматических и идеографических знаний, навыков и умений по китайскому языку, соответствующих целям специальности филологов-китаеведов.

В задачи Программы по дисциплине «Основной восточный язык» (Китайский язык) входит формирование графических, орфографических, лексико-грамматических знаний и навыков, знаний словообразовательных элементов и правил образования заимствованных слов, а также умения использовать лексику письменной речи и знать основные особенности диалектической лексики.

Основная теоретическая часть Программы составлена в соответствии с предъявляемыми требованиями к каждому уровню обучения китайского языка. Все уровни содержат пункты «Языковые знания», «Языковые умения» и «Тактика». В раздел «Языковые знания» фонетика, иероглифика, слова, грамматика, диалог и тексты. В разделе «Языковые умения» отражены виды речевой деятельности, аудирование, говорение, чтение и письмо.

Таким образом, мы считаем, что в задачах Программы в достаточно полной мере обозначены основные элементы, формирующие лексические навыки, знания и умения. Между тем в программном материале основной теоретической части об этом нет сведений, за исключением параграфа, отражающего иероглифику и лексику. В нем представлена

ограниченная информация о количестве тем лексики, необходимых для усвоения по каждой ступени обучения китайскому языку, а также о роли иероглифики в культуре Китая и вероисповедании его народа. Кроме того, очень мало сведений об употреблении идиоматических выражений в лексическом пласте китайского языка, что, на наш взгляд, является недостатком, так как идиомы отражают различные стороны действительности, делают речь более экспрессивной, помогают образно и точно передать мысль.

Нами также отмечалось, что учебная программа не предусматривает использование инновационной образовательной технологии развития критического мышления через чтение и письмо, так как применение технологии РКМЧП способствует развитию интеллектуальных способностей студентов в аспекте исследуемой проблемы.

В Программе «Лексикология китайского языка» содержится довольно обширный материал по исследуемой нами проблеме. Так, предлагается знакомство студентов с процессом формирования лексической системы китайского языка, в том числе с лексико-семантическим значением слов, основными словосочетаниями (моносемами, полисемами, омонимами, антонимами и синонимами), лексикографией и сведениями о словарях китайского языка.

Согласно задачам этой программы, студенты данным курсом осваивают строение слова, состав слога, выделение грамматических и лексических значений, способы заимствования и изменения смысла слов, умение выделять и изменять лексику и мн. др.

Данный курс рассчитан лишь на один учебный семестр в количестве 76 часов студентам-филологам 2-х курсов вузов и является специальной дисциплиной «Лексикология китайского языка».

В Международной программе по обучению китайскому языку, разработанной Штаб-квартирой Институтов Конфуция «Ханбан» [3.С. 5], систематизированы и описаны объекты и содержание обучения китайскому языку. Главной целью программы является оказание содействия учебным заведениям и преподавателям в разработке учебных планов и материалов. Международная программа ориентирована на учащихся школ и лицеев, обучающихся подготовительных курсов, слушателей Институтов Конфуция, студентов. Она способствует синтетическому применению языка, содержит языковые знания и навыки, культурные сведения [3]. Языковые знания, включающие в себя фонетику, иероглифы, слова и грамматику, описаны отдельно в виде дополнительного справочного материала. Языковые навыки (аудирование, говорение, чтение и письмо) описаны по ступеням и более детально разъясняются также отдельно.

В целом Международную программу по обучению китайскому языку следует отнести к категории материалов-справочников, в связи с чем ее можно использовать в качестве опорного материала при составлении основной учебной программы по китайскому языку.

Анализ Международной программы показал, что в ней не содержится технологических этапов инновационной образовательной технологии развития критического мышления через чтение и письмо, а также не учтены такие когнитивные процессы, которые способны совершенствовать оценочное мышление студентов-филологов. В этом плане большую познавательную функцию несет учебник. По определению Р.К. Миньяр Белоручева, учебник – это «комплексное средство обучения, способное в той или иной степени реализовывать функции учителя в их совокупности. В содержание учебника входят упражнения, справочный и иллюстративный материал» [4. С. 30].

На сегодняшний день учебно-методические комплексы, учебные и рабочие программы высших учебных заведений Республики Узбекистан, обучающих китайскому языку как основному в аудиториях с узбекским и русским языком обучения, основаны на учебнике «Новый практический курс китайского языка» под редакцией Лю Сюн [2], который состоит из учебника, сборника упражнений, пособия для преподавателей, компакт-диска, DVD-диска для занятий, к 5- и 6-му томам прилагаются только пособия для преподавателей.

Учебный комплекс состоит из шести томов и включает 70 уроков. Первые четыре тома – элементарный уровень, они включают в себя 50 уроков, а пятый и шестой тома – средний уровень, содержат 20 уроков. Объем лексического материала первых шести уроков не превышает 20 новых слов, начиная с 8-го урока, количество новой лексики достигает 30–35 слов, дополнительных слов – около 10. Общее количество лексики шести томов данного учебника составляет три тысячи слов, что соответствует уровню HSK 5 (С 1 по CEFR). Содержание каждого урока включает в себя текстовый материал, новые слова, комментарии, разговорную практику, чтение и пересказ, упражнения по фонетике и произношению, грамматику, иероглифику, культурные сведения.

На наш взгляд, хотя данный учебник избегает традиционного механического и монотонного изложения материала, он все же имеет ряд недостатков, требующих доработок. Это ограниченное количество фразеологических единиц, оборотов, которые являются составной частью лексической компетенции и одним из ведущих инструментов обогащения и красноречивости речи филологов. Мы считаем, что представленная система упражнений в учебниках не полностью учитывает те положения, которые направлены на совершенствование полноценной лексической компетенции. Полагаем, что упражнения должны активизировать ассоциативное и лингвокреативное мышление, учитывать интеллектуально-познавательные потребности студентов.

Важную роль в формировании практических умений и навыков студентов по современному китайскому языку призван сыграть сборник упражнений. Проанализируем сборник для самостоятельных упражнений учебника «Новый практический курс китайского языка» [2],

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

предназначенный для внеаудиторных занятий. В нем содержатся упражнения, направленные на развитие коммуникативных навыков, а также на формирование речевых навыков: чтения, письма, аудирования, говорения. Система упражнений выстроена по принципу от простого к сложному. Вместе с тем, делается только упор на систематическое изучение иероглифики с учетом ее трудностей в усвоении.

В сборнике упражнений для имитации происходящих ситуаций в жизни представлены иллюстрации из газет, рекламные объявления, табло расписаний, меню заведений общественного питания и т.д.

Лексические упражнения не содержат задания, совершенствующие знания словообразовательных моделей, не в достаточной мере приводятся упражнения, направленные на развитие парадигматических и синтагматических связей слов. Наряду с этим отсутствуют лексические задания с интегрированным способом обучения, который предусматривает работу с графическими органайзерами, направленную на развитие навыков вдумчивого подхода, выработку самосознания и оценочной рефлексии.

На сегодняшний день довольно популярным является учебник по китайскому языку «Курс китайского языка» (汉语教程) [1]. Всего в комплекте 6 учебников. С 1- по 25-й уроки рекомендовано изучать 2 учебных часа, с 26- по 30-й – по 4 учебных часа (один учебный час – 40 минут). Первый и второй учебники состоят из 15 уроков. Третий и четвертый учебники включают с 1- по 20-й уроки. В каждом учебнике «Курса китайского языка» по 10 уроков. Рекомендуемое время для каждого урока – 4 учебных часа (2 пары).

Пятый и шестой учебники включают с 1- по 26-й уроки. В каждом учебнике по 13 уроков. Рекомендуемое время для одного урока – 6–7 учебных часов.

«Курс китайского языка» (汉语教程) состоит из 76 уроков, включают фонетику, грамматику, лексику, иероглифику, содержат упражнения к каждому уроку. Данный учебник направлен на поэтапное формирование коммуникативных навыков у студентов при обучении китайскому языку, посредством четырех аспектов речевой деятельности – аудирования, говорения, чтения, письма.

В учебнике «Курс китайского языка» синтезирован опыт всех методов преподавания: от грамматико-ориентированного подхода до обучения разговорному языку. Одинаковое внимание уделено как развитию навыков коммуникативной речи, так и овладению основами структуры языка. Наличие ситуативных заданий и определенного количества коммуникативных упражнений способствует формированию умений говорения, чтения и письма. Наряду с преимуществами учебник «Курс китайского языка» имеет определенные недостатки. В частности, отсутствует разъяснительный материал по употреблению в предложении синонимов, идиом, приводятся задания на применение графических органайзеров, не предусматривается использование инновационной образовательной технологии развития критического мышления через чтение и письмо.

Результаты анализа учебных программ по специальности «Филология и обучение языкам (восточные языки)», а также учебников по китайскому языку показали следующее:

Учебники по китайскому языку соответствуют современным требованиям коммуникативного обучения, однако, считаем, что должны быть подготовлены новые учебники по китайскому языку, носящие воспитательный характер, с учетом культурных ценностей народов Республики Узбекистан и КНР. Они должны быть направлены на оптимизацию процесса овладения лексическими единицами с учетом его особенностей и структуры с использованием технологии развития критического мышления через чтение и письмо. В частности, необходимо включить задания аналитического характера, дополнительно обогатить лексический материал синонимами, антонимами, омонимами и фразеологизмами.

В учебных программах по китайскому языку как основному восточному языку для всех уровней обучения предусматривается научность, систематичность и последовательность процесса. Однако наличие ряда недостатков в аспекте исследуемой проблемы – не в полной мере отражаются вопросы относительно формирования лексических навыков, умений и знаний, не предусматривается использование инновационных образовательных технологий в процессе обучения китайскому языку – вызывает необходимость в доработке учебных программ в рамках нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курс китайского языка. Ян Цзичжоу. – Пекин: Изд-во Пекинского университета языков, 2009.汉语教程. 杨寄洲。北京语言大学出版社。2009。– 168 с.
2. Лю Сюн. Новый практический курс китайского языка. – Пекин: Изд-во Пекинского университета языков, 2011. 新实用汉语课本。刘珣主编。北京：北京语言大学出版社，2011.– 131 с.
3. Международная программа по обучению китайскому языку//Foreign language teaching and research press. – Пекин, 2009. – 129 с.
4. Миньяр-Белоручев Р.К. Методический словник. – М.,1996. – 144 с.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nazarova Sayyora Anvarovna,
PhD (Pedagogical), associate Professor,
Department of Chinese Language and Literature, Chair,
Tashkent State Institute of Oriental Studies (TSIOS, Uzbekistan)
zayidova@gmail.com

Принята к публикации: 15.09.2019 г.

MODERN ORIENTAL STUDIES
СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
INTERNATIONAL SCIENCE JOURNAL / МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

汉俄心理动词的界定与分类

Хо Ольга,
Shanghai International Studies University
霍·奥丽佳
上海外国语大学
khokhoolga@qq.com

АННОТАЦИЯ

Во время изучения глаголов многие ученые выдвигали концепцию психологических глаголов и классифицировали их. Однако в целом, изучение психологических глаголов началось позже, исследователи начали понимать важность психологических глаголов в начале прошлого века. В последнее время изучению психологических глаголов уделяется большое внимание, поскольку в сравнительном изучении китайских и русских психологических глаголов все еще имеются лакуны. Поэтому объектом исследования в данной работе являются глаголы китайской и русской умственной деятельности. Автор сначала выделяет психологические глаголы, затем обобщает семантическую классификацию китайских и русских психологических глаголов и, наконец, делает попытку еще больше разделить китайские и русские психологические глаголы в соответствии с характеристиками двух языков.

Ключевые слова: *китайский язык, русский язык, психологические глаголы, семантическая классификация психологических глаголов, значение психологических глаголов*

Для цитирования: *Хо Ольга. Психологические глаголы: определение и классификация в китайском и русском языках. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(1): 24-27.*

摘要: 在研究动词的探索时期，不少科学家提出了心理动词的概念，并对其进行了分类研究，但总体来说，心理动词的研究起步晚，人们开始认识到心理动词的重要性是从上个世纪中叶开始。最近心理动词的研究得到广泛关注，但是汉俄心理动词对比研究尚有空缺，因此本文的研究对象是汉俄心理活动动词。笔者首先尝试界定心理动词，然后对汉语和俄语心理动词语义分类做出综述 ，最后根据两种语言的特点试图对汉俄心理动词做出进一步划分。

关键词：汉语言；俄语言；心理动词；心理动词语义分类；心理动词界定

ABSTRACT

During the exploration of verbs, many scientists put forward the concept of psychological verbs and classified them. However, in general, the study of psychological verbs started late, people began to realize that the importance of psychological verbs is from the last beginning in the middle of the century. Recently, the study of psychological verbs has received extensive attention because there are still vacancies in the comparative study of Chinese and Russian psychological verbs. Therefore, the research object of this paper is the Chinese and Russian mental activity verbs. The author first tries to define the psychological verbs, then summarizes the semantic classification of Chinese and Russian psychological verbs, and finally tries to further divide the Chinese and Russian psychological verbs according to the characteristics of the two languages.

Key words: *Chinese language; Russian language; Psychological verbs; Semantic classification of psychological verbs; definition of psychological verbs*

For citation: *Kho Olga. Psychological verbs definition and classification in chinese and russian languages. Modern Oriental Studies. 2019; 1(1): 24-27.*

序言

人们的情绪是心理活动中一种十分复杂的现象。情绪，在日常生活起着很大的作用，在人们的活动中也占有很重要的地位，是人们生活的重要组成部分。情绪伴随着人们身体的任何表现，是人们精神状态的反映。这种反映表明人们对任何事情或情况重要性的认识。情绪是为了满足个人的要求，调整人们心理活动或人们行为的主要作用之一。

人的心理活动抽象而有复杂，“心理”具有特征性与多样性，比如：不同的人对同一事物的心理反应有异同，这种异同是个性化的反应；在不同的时候或者在不同的条件下同一的人对同一的事物也会有不同的反应，这是与心理多

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ХО ОЛЬГА, KHOKHOOLGA@QQ.COM / УДК 811.581

样化有关的；由于心理反应跟人的体验有关，所以在同一的时候同一个人对同一的事物会有不同的反应等。心理活动由心理学家以“思维”、“情感“、感觉”、“感情”等总名称来解释。心理活动没有固定的模式，也没有具体的表现，它是比较抽象的概念。

人的心理活动具有多样性，涉及到人们的感情、经验、生理作用、行为、认知方式等方面，所以其在各个学科，如心理学、生物学、医学、哲学、社会学、语言学等学科都引起学者的兴趣。

材料与研究方法

“心理”研究由于没有客观性的研究方法，也没有跨文化与跨科学的对比方法，所以研究“心理”具有一定的矛盾性。

从哲学学者的角度来看，心理活动是现实世界的反映。哲学也研究人的情绪，这是跟逻辑思想有关的也是具有独立性的。心理学家把人的心理活动看作心理反应，认识反应与体会反应等。同时，社会学研究人在日常生活中的心理活动。民族学研究心理活动的普遍性。语言学研究人的心理活动在语言上的表现。

科学家试图从不同的角度用不同的想法来解释“心理”的性质与作用，解释这样复杂的概念比较难，因为心理活动起源与表现跟人全身体的系统（感觉、大脑、生理过程、面部表情、言语等）有关系。

苏联心理学家列维托夫（Н.Д. Левитов）提出人的心理活动可以分为三种形态：心理过程、心理状态与个性心理特征。心理过程是不断变化的，个性心理特征是相对稳固的，而心理状态则是介于二者之间的，既有变化、又有稳固，是心理过程与个性心理特征统一的表现。心理过程都是在一定的心理状态的背景中进行的，都表现为一定的心理状态，如：注意的分心与集中；思维的明确性、迅速性和“灵感”状态；情绪的激动与沉着；意志的果断与犹豫等。心理状态是个别心理过程的结合、统一，是综合的心理现象，所以它往往成为个性特征的表现，反映出一个人的个人性格，因而心理状态的特征又往往成为一个人的个性心理特征的表现。所以，一个人在特定时刻的心理状态，是当前事物引起的心理过程、过去形成的个性特质和以前的心理状态相结合的产物[朱智贤, 1989, 75 页]。

科学家已经对人类生活情感的性质和重要性做出了解释，主要内容就在于，在情感的表达过程中，身体所有的机能都参与其中，发挥作用，比如生理反映、智力、体力系统、面部表情等。而在身体机能中起到突出作用的是语言，通过语言将这种情感表达出来，对人类有直观的影响[Минибаева, 2002, C. 26]。这种情感解释的理论基础在于心理学的研究成果，如情感的多重性和多样性，以及“情感”概念的定义和分类的相关理论。这些相关理论许多情绪科学家也都在继续补充和发展。在心理活动与语言学的研究中，至今没有统一的理论，因为心理活动很复杂，而且在语言学的研究中，之前并不重视心理活动的作用。现在心理活动情感领域对语言学的研究也在不断深入[Фомина, 1966, C. 66]。

特罗希纳（И.А. Трошина）认为 “сфера эмоциональных переживаний человека – одна из важнейших составляющих его внутреннего ядра, которая формирует опосредованную реальность, т.е. то, что человек может выразить через язык, иными словами, языковую картину мира”人的情感体验的领域是他内心最重要的组成部分之一，其形成调解的现实是通过语言来表达，换句话说，就是“语言世界图景”，所以人们的情感能够比较充分地以语言表达出来[Трошина, 1995, C. 65]。“语言世界图景”是由洪堡特提出的，他认为思维影响并决定语言，同时语言影响思维和思维方式[洪堡特, 1997, 24页]。

除了这些之外，心理学实验结果作为人心理活动的研究基础，多次性与多样性的实验结果在确定人的心理活动的概念、作用、类别、特征等方面也不利于创造统一的理论。福米纳（З.И. Фомина）认为“在语言学不够看重心理活动研究是心理活动语言理论研究不足的原因之一” [Фомина, 1966, C. 67]。

科学家认为“认知活动与人的心理活动有很密切的关系、认知过程调整心理活动” [Arnold, 1960, p. 296]。认知语言学研究并看重心理活动的原因：第一、心理活动是人在日常生活中很重要的一部分（设计人体与文化领域），第二、心理活动对语言有很大的影响，可以说心理活动起着语言形成与组织的作用。“为了了解人的心理活动作为世界客观现实的概念是怎么在语言中表现出来，首先应该了解心理活动作为超语言概念的存在与构成（性质）” [Клобуков, 1998, C. 118]。

语言不仅是人思维与交际的工具，也是人的心理活动很重要的表现之一。语言的符号、概括、记载与交往功能使抽象的心理活动变成比较具体的语言表达。认知语言学将心理活动从其概念与语言的世界观来看，研究人怎么能将世界的认识在语言上表现出来。人的心理活动在语言表达中通过不同方法表现，其中最主要的表现就是语言的词汇。

“表示心理反应的词汇里有名词、形容词、动词等，这些词在语义与语用方面比较接近，但是在语法方面不同，所以这些词在心理活动的表达中各有个的特色” [Адамчук, 1996, C. 189]。属于不同词类的词与词之间有相互的关系，所以“由于同样的特性它们能相互代替” [Фомина, 1966, C. 66]。心理活动本质跟主题与客体有关系。“动词比别的词适合反映人的心理活动，因为动词一定与主体或者客体有联系” [Уфимцена, 1986, C. 240]。表示心理反映的动词是心理动词。心理动词是心理活动或者心理现象在语言中的反映。情绪与语言的关系，语言学家从两个角度来看：第一，将语言看作本质情绪的语言；第二，将语言看作人类情绪的反映[Bamberg, 1997, p. 220]。语言不仅允许人们表达自己的情感、情绪等而且使人们理解其他人的感受。

由于心理活动多样性所以自然地产生各种各样的心理动词。在心理动词中（Psychological Verbs），“心理”这个词

不同于心理学的“心理”（Psychology）。心理学的“心理”范围比较宽泛。由于心理活动十分复杂而且语言也不是万能的，所以人的心理活动不能全面地在语言中表现出来，而心理活动与语言相互影响相互联系，可以说语言是心理的组成部分。

表示心理活动的词汇在其所指的方面上具有语境性，因为人们的情绪跟主体与客体有关，所以动词是最适应最适合表达心理活动的词类。

心理动词是与人不同的心理活动有关系，所以鉴定具有表情功能的动词之前应该了解一下什么是“emotion”（情绪、情感、感情）、“fillings”（感觉、情感）与“psychological states”（心理状态）。

1）“Emotion”（情绪）被描述为针对内部或外部的重要事件所产生的突发反应，一个主体对同一种事件总是有同样的反应[Fox, 2008, p. 16]。情绪持续时间很短，产生的情绪包含语言、生理、行为和神经机制等互相协调的一组反应。人类的情绪也来自生物性能，特别是在演化中被强化。因为情绪可以为一些远古人类常常面临的问题提供简单的解决方法（如产生恐惧并决定逃离）[Ekman, 1992, p. 171]。

2）“Feeling”（感觉）是对客观现实个别特性（声音、颜色、气味等）的反映，由来自物质世界的一定刺激直接作用于有机体的一定感觉器官，如；光线引起视觉，声波引起听觉；刺激在感官内引起的神经冲动，由感觉神经传导于大脑皮层的一定部位所产生的感觉。

“感觉是感官、脑的相应部位和介于其间的神经三部分所联成的分析器统一活动的结果；无机界没有感觉，只有跟感觉类似的特性，即单纯的物理或化学反映；随着生命出现，产生了生物反映模式，即刺激感应性；刺激感应性包括感觉的萌芽；正是在刺激感应性基础上发展起来的感觉；动物感觉能力在进化中随分析器的专门化发展；人类的感觉在复杂的生活条件下和变革现实活动中得到高度发展；人与动物的感觉不同，动物的感觉只是自然发展的结果，人的感觉则包括社会发展的产物。感觉属于认识的感性阶段，是一切知识的源泉；它同知觉紧密结合，为思维活动提供材料；感觉因感官的不同分为视觉、听觉、味觉、嗅觉、肤觉、运动觉、机体觉、平衡觉等”[文雅丽, 2007, 82页]。可以用感觉去感受时间改变，感觉与时间应该是相对的，过分使用逻辑思考，因为自己一些时候难以理解表面上不合逻辑的事情，容易被人误导逻辑，但事实上那些事情是符合逻辑的事情，所以不能过份使用逻辑思考，要用逻辑加感觉去思考。这样理解才能全面充分。

3）“Psychological states”（心理状态）是指人在某一时刻的心理活动水平。心理状态犹如心理活动的背景，心理状态的不同，可能使心理活动表现出很大的差异性，心理状态是联系心理过程和心理特征的过渡阶段。

研究结果

心理动词在日常生活交际中是常用的动词。心理动词是语言动词的特殊小类，其具有语义、语法、交际功能等特征。心理动词的使役性、换位性、及物性、体貌性、反身性等同时相交。语言学家们从不同角度（句法、形式、语义、语用）来尝试界定心理动词。

在奥热戈夫（С.И. Ожегов）俄语详解词典里“эмоциональный”（充满情感的，表示情感的）的意思是“……означает вызванный, насыщенный эмоциями, выражающий их，（表示引起某种感情的，充满感情的，表现感情的意思）” [Ожегов, 1992, С. 898]。在俄语中存在好几个表示心理动词的定义：“глаголы, обозначающие психическое состояние субъекта （直译：意味着主体心理状态的动词）；“глаголы, обозначающие нравственное состояние”（直译：精神状态动词）；“глаголы эмоций”（直译：情绪动词）；“глаголы эмоционального состояния”（直译：心理状态动词）；“глаголы внутреннего психического чувства”（直译：心理感觉动词）；“глаголы психических процессов” （直译：心理过程动词），“глаголы чувств”（直译：情感动词）；“глаголы эмотивы”（直译：心理动词）”。

汉语中与人的心理活动有关系的动词被称为心理动词（马氏文通）。1898年马建忠在«马氏文通»中提出心理动词的概念，这类动词是与人的心理活动有关系的动词。

心理动词早期的分类基本上依据其概念或意义。比如胡裕树、范晓认为表示情感、意向、认识、感觉、思维等方面的心理活动或心理状态的动词都是心理动词，但是袁明军认为表示人的内心行为与状态的动词属于心理动词，而思维动词表示大脑中进行的活动不是真的表示内心的活动” [胡裕树, 范晓, 1995, 243页]。李英哲、郑良伟的心理动词的范围广一些，有说动词、认知动词、想象动词、询问动词、感谢类动词” [李英哲, 郑良伟, 1990, 148页]。

博边科（Л.Г. Бабенко）在他的 «俄语中表示心理活动的词汇»里提出，语言词汇具有义素系统，包含心理活动义素的动词被称为心理活动动词，以心理动词能够表达：1）心理状态волноваться（担心）、скучать（想念）、злиться（发怒）；2）态度ненавидеть（恨）、жалеть（安慰）、обижать（欺负）；3）影响смешить（逗笑）、 мучить（折磨）、злить（激怒）；4）外部表现的情绪смеяться（笑话）、целовать（亲吻）、стонать（呻吟）；5）心理状态形成过程пресытиться（讨厌/烦）、мрачнеть（愀怆）[Бабенко, 1989, С. 184]。

本文借用俄语中的 “глаголы эмотивы” 与汉语中的“心理动词”这两个术语来探究两种语言的心理活动动词的语义特征。为了界定本论文研究的范围，笔者依据心理动词的语义特征，将心理动词分类为两个类别，心理活动动词和心理认知动词。

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

表1心理动词分类

心理动词					
心理活动动词			心理认知动词		
状态类	态度类	意愿类	感觉类	思维类	判断类
含恨	鄙视	羡慕	自觉	沉思	断定
吃惊	小看	向往	意识	理解	假定
费心	包容	心甘	觉得	了解	决断
爱护	宽容	休想	感到	明知	决定
珍惜	谅解	愿意	察觉	明白	决心
迷恋	忍让	希望	发觉	假想	决意
操心	原谅	想	感受	梦想	判断
发怒	体谅	如愿	警觉	想	确定
愤恨	佩服	失望	预感	记得	确认
关怀	尊崇	企盼	等	承想	以为
等	等	等		等	等

心理认知动词跟人认知活动有关：判断类心理认知动词正是在大脑活动判断的基础上形成的，思维类心理认知动词在人脑对外部世界进行综合、判断、分析等复杂和高级心理活动形成的，理智类心理认知动词在思维基础上形成的，感觉类心理认知动词是在客观事物的个别性在人脑中反应形成的。

心理活动动词跟人心理活动过程有关：心理活动动词的来源于情感、情绪与意志过程。人们在活动过程表现出对事物表现某种态度、情感或情绪等，就在这种基础上形成状态动词、态度动词和意愿动词。情绪类心理活动动词 — 人对外界世界表现出来的情绪，情感类心理活动动词 — 人对外部世界刺激产生的情感，态度类心理活动动词 — 人表现出对事物的某种态度，意愿累心理活动动词 — 人从事某种活动的愿望。

本文的心理活动动词的定义为心理活动动词是跟人心理活动过程，即指心理状态、态度、意愿有关的动词。

结论

心理动词分类体系没有统一的判断标准，所以每个研究结果的心理动词的数量不同，范围也有差异。通过语言表现出来的心理状态、态度、过程、外部表现的情绪等心理活动确定心理动词的特征。虽然已经有一些比较深刻的对心理动词研究结果，但是心理动词统一的界定难度很大。

心理动词近十年来吸引了众多语言学家的关注。由于许多语言学家对心理动词进行多方面的研究，所以心理动词成为动词的重要分类。虽然心理动词受到各层面的研究（语义、语法、句法、认知等），但是还存在一些研究不够深的问题。

参考文献

1. 朱智贤等编. 心理学大辞典. 北京师范大学出版社，1989，75 页.
2. Минибаева. С.В. Текстовое представление эмоционального состояния «страх» (на материале малой прозы Чехова А.П.). Уфа, 2002. 26 с.
3. Фомина. З.И. Эмоционально-оценочная лексика современного немецкого языка: Автореферат докт. фил. наук. М., 1996. 66 с.
4. Трошина.И.А. Функционально-семантический подход в изучении проблемы языковой эмотивности. Волгоград: Сб. науч. тр. ВГПУ – Перемена, 1995. С. 60–68.
5. 洪堡特.论人类语言结构的差异及某对人类精神发展的影响. 北京商务印书馆, 1997，24页.
6. Arnold.M.B. (1960) Emotion and Personality. Psychological Aspects. New-York: Columbia Univerrsity Press. 296 p.
7. Клобуков.П.Е. Эмоции, сознание, культура: (особенности и отражения эмоций в языке). Вып. 4, М: Язык, сознание, коммуникация, 1998. С. 110–123.
8. Адамчук.Т.В. Тематизация эмоций в тексте (на материале современного английского языка). Саранск, 1996. 189 с.
9. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики. М: Наука, 1986. 240 с.
10. Bamberg. M. (1997) Emotion Talk(s): The Role of Perspective in the Construction of Emotions / The Language of Emotions: Conceptualization, Expression and Theoretical Foundation. Ed. By Susanne Niemeier, Rene Dirver. pp. 209-225.
11. Fox.Elaine. (2008) Emotion Science: An Integration of Cognitive and Neuroscientific Approaches. New York: Palgrave MacMillan. pp. 16–17.
12. Ekman.Paul. (1992) An argument for basic emotions. Cognition & Emotion. pp. 169–200.
13. 文雅丽. 现代汉语心理动词研究. 北京语言大学，2007, 82页.
14. Ожегов.С.И., Шведова.Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. М: Азъ, 1992. 898 с.
15. 胡裕树, 范晓. 动词研究. 河南大学出版社，1995，243页.
16. 李英哲, 郑良伟. 使用汉语参考语法. 河南大学出版社，1990，148-172页.
17. Бабенко.Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Издательство Урал. университета, 1989. 184 с.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Olga Kho, PhD, Senior lecturer,
Shanghai International Studies University, Graduate Institute of Interpretation and Translation
Shanghai, Hongkou district, Dalianxi str. 550, China
khokhoolga@qq.com

Принята к публикации: 10.09.2019 г.

MODERN ORIENTAL STUDIES
СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
INTERNATIONAL SCIENCE JOURNAL / МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ТРАНСЛЯЦИЯ КОСМОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ БОЕВЫХ ИСКУССТВ ЯПОНИИ

THE TRANSLATION OF COSMOLOGICAL AND ETHICAL REPRESENTATIONS OF CHINESE CIVILIZATION ON SOCIO-CULTURAL PRACTICES OF JAPANEESE MARTIAL ARTS

Лестев Антон Евгеньевич, *канд. ист. наук*
ООО «АЕЛ Эксперт», Институт культуры мира (ЮНЕСКО)[1]
lestev@ael-expert.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос трансляции космологических и этических представлений китайской цивилизации на воинскую культуру Японии, а также рецепция китайских социокультурных практик японскими школами боевых искусств. Использованы методы культурной и интерпретативной антропологии. Выделены основные направления влияния китайской культуры на японские боевые искусства: стратегия, ритуалы, методы тренировки, специфические техники, а также философские понятия боевых искусств. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что китайские учения являлись богатым источником социокультурных практик, рецепция которых была осуществлена школами боевых искусств. Китайские учения наполнили воинские традиции стратегическим, философским и морально-нравственным содержанием. При этом автор полагает, что японцы творчески переосмыслили китайские учения на основе своего практического опыта. Кроме того, в качестве важного отличия между китайской и японской культурой автор выделяет различное социальное положение воина и отношение к воинскому делу.

Ключевые слова: *боевые искусства, история Японии, воинская культура, социокультурные практики, китай-ская мысль, будо, стратегия.*

Для цитирования: *Лестев А.Е. Трансляция космологических и этических представлений китайской цивилизации на социокультурные практики боевых искусств Японии. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(1): 24-27.*

ABSTRACT

The article discusses the translation of cosmological and ethical representations of Chinese civilization into the warrior's culture of Japan, as well as the reception of Chinese sociocultural practices by Japanese martial arts schools. The methods of cultural and interpretive anthropology are used. The main directions of the influence of Chinese culture on Japanese martial arts are highlighted: strategy, rituals, training methods, specific techniques, as well as philosophical concepts of martial arts. According to the results of the study, the author concludes that Chinese teachings were a rich source of sociocultural practices, the reception of which was carried out by martial arts schools. Chinese teachings filled warrior's traditions with strategic, philosophical and moral content. Moreover, the author believes that the Japanese have creatively rethought Chinese teachings based on their practical experience. In addition, as an important distinction between Chinese and Japanese culture, the author emphasizes the different social status of the warrior and his attitude to military duty.

Key words: *martial arts, history of Japan, military culture, sociocultural practices, Chinese thought, budo, strategy.*

For citation: *Lestev A.Ye. The translation of cosmological and ethical representations of Chinese civilization on sociocultural practices of Japaneese martial arts. Modern Oriental Studies. 2019; 1(1): 24-27.*

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

Китайский фактор сыграл значительную роль в развитии Японии. В культурном плане Япония оказалась в роли реципиента различных философских и религиозных учений из Китая. Китайские учения наполнили воинские традиции стратегическим, философским и морально-нравственным содержанием. Философское осмысление пути воина привело к выработке идеи о роли боевых искусств в самосовершенствовании человека и о долге защищать культуру.

В работе повсеместно использован основополагающий метод интерпретативной антропологии К. Гирца. Метод «плотного описания» в трактовке К. Гирца был использован для символического прочтения социокультурных практик и традиций боевых искусств и выявления скрытых смыслов, заложенных в них. При описании типов школ, возникших на разных этапах истории Японии, использовался историко-типологический метод. Идеографический метод использован при описании уникальных культурных явлений.

Влияние китайской культуры всегда было источником для развития и эволюции японской культуры. Контакты между японскими островами и Китаем, а также культурный обмен между ними существовал уже в период Яёй (III в. до н.э. – III в. н.э.), соответствующий бронзово-железному веку. В захоронениях этого периода на севере Кюсю были найдены бронзовые мечи, являющиеся образцами мечей *цзянь* китайского производства доциньского периода, лезвия мечей были острыми, что может говорить об их применимости в бою, также вместе с оружием находили и формы для отливки мечей [Ма, 2012, с. 12]. Японские правители посылали к китайскому императору посольства, что для китайцев означало признание со стороны молодого японского государства своего вассального статуса по отношению к Китаю. Среди товаров, поставляемых из Китая в Японию начиная с III в. н.э., одним из главнейших были различные виды мечей *дао* и *цзянь*. Мечи поставлялись как по неофициальным каналам, так и привозились в качестве ответных даров с возвращавшимся посольством. В сокровищнице при храме Тодай-дзи, где хранятся драгоценности японских императоров VIII века, сохранилось много образцов мечей китайского производства, которых невозможно найти в современном Китае [Ма, 2012, с. 20]. Китайская традиция оказала большое влияние на развитие кузнечного дела в Японии. К VIII веку искусство изготовление мечей в Японии достигло такой высоты, что поставки мечей из Китая больше не требовались. В свою очередь, из-за пренебрежения китайских чиновников военным делом и сопутствующими ремеслами искусство изготовления мечей в самом Китае пришло в упадок, и, начиная с X века, японские мечи начинают завозиться в Китай, приобретая славу лучших мечей Востока [Ма, 2012, с. 26].

Рис. 1: Фотография куклы Сёки, изображающей героя китайского мифа, изгнавшего злого духа, приносящего болезни и несчастья. Выставка «Куклы Японии» в Казани

Влияние китайской стратегии на японское искусство войны по летописи «Сёку Нихонги» («Продолжение анналов Японии») началось с того, что Киби-но Макиби, плававший дважды в Китай в качестве посла (первый – 716-735 гг., второй – 752-754 гг.), привез целую коллекцию книг, среди которых были знаменитые военные трактаты: «Сунь-цзы», «Лютао», «У-цзы», «Саньлюэ» и другие [Горбылёв, 2010, с. 68]. Согласно летописи Киби-но Макиби был не просто коллекционером книг, он изучил наставления, содержащиеся в военных трактатах, и применял их на практике в войнах с врагами японских императоров и в обучении воинов. В «Нихон гэндзайсё мокуроку» («Каталог книг, имеющихся в настоящее время в Японии», 891 г.) упоминаются уже шесть различных списков трактата «Сунь-цзы» [Горбылёв, 2010, с. 69]. Киби-но Макиби также был известным коллекционером оружия, привозя из поездок различные образцы луков и стрел [Ма, 2012, с. 24].

Существует мнение, что китайские военные трактаты могли попасть в Японию гораздо раньше, а именно в период с I в. н.э. по VI в. н.э. вместе с китайскими и корейскими иммигрантами. В «Нихонги» под 527 г. А. Горбылёв находит скрытую цитату из «Сунь-цзы», когда император Кэйтай наставляет главнокомандующего своей армии Мононобэ-но Аракапи-но Опомурази: «Доблесть достойного полководца состоит в том, чтобы распространять добродетель и насаждать снисходительность, управляя людьми, проявлять сдержанность. В бою же он – как быстрая река, в сражении он – как буря… Сам награждай и наказывай…» [Горбылёв, 2010, с. 69].

Китайские учения проникали в Японию одновременно, зачастую воспринимались японцами не по отдельности, а комплексно, образуя сложную синкретическую систему религиозных практик, ритуалов и морально-нравственных учений. Даосские поиски бессмертия и ритуалы оказали сильное влияние на аскетические практики и на культ гор в японской традиции. Учение о пути «Инь и Ян», использовавшееся для расчета благоприятных сроков и направлений [Трубникова, 2010, с. 12], получило своё особое развитие в трактатах о стратегии и тактике боевых искусств. В правительстве императора Момму (697 – 707 гг.) занимали официальные должности семь мастеров инь-ян, знаток календаря и астролог, а конфуцианские праздники отмечались наряду с синтоистскими и буддийскими [Китагава, 2005, с. 55]. Конфуцианская мораль, требование почтительности и верности подданного правителю оказали влияние на формирование системы отношений «слуга-господин» в воинском сословии.

С другой стороны, китайская модель устройства государства и постепенный переход функций правителя в область совершения ритуала привели к кризису системы власти в Японии. Вместе с китайскими учениями в Японию проникла мысль о том, что профессия воина является недостойным занятием, а совершенномудрый способен управлять империей посредством ритуала. Японский историк Рай Дзё писал, что императоры перепоручили набор войск и ведение войны двум родам Тайра и Минамото, при этом сами императоры презирали военное дело, считая его низким, а представители воинских родов не допускались ко двору и в сферу управления государством: «Самое ужасное, что военных третировали как слуг-холопов. О них отзывались презрительными фразами: «Это всего лишь воевода. Это всего лишь дружинник только». Когда случалось обсуждать их военные заслуги и присуждать награды, то нередко бывало, что наград жалели и не давали вовсе» [Мендрин, 1999, Т. 1, с. 60]. Таким образом, представления конфуцианских книжников о военном деле как о «низком» сослужило плохую службу для императорского двора. Разрыв между придворной аристократией и воинскими родами становился всё больше, а реальной власти у императора становилось всё меньше. И если род Тайра во главе с Киёмори, узурпировав фактическую власть, попытался встроиться в существовавшую систему государственной власти, то род Минамото под предводительством Ёритомо после своей победы полностью отстранил императорский двор от управления страной, создав новый орган власти бакуфу – военное правительство.

Японские полководцы, представители воинских родов и мастера боевых искусств обратили своё внимание на китайские трактаты о военном искусстве. Копии таких трактатов хранились как большое сокровище, а их знатоки ценились и приглашались на службу к известным даймё.

Известный полководец времен войны Тайра и Минамото Минамото-но Ёсицунэ был знатоком китайского стратегического трактата «Лютао», полное название которого «Тай-гун Лю Тао» или «Шесть секретных учений Тай-гуна» [Горбылёв, 2010, с. 69]. Автором считается Тай-гун-ван (Люй Шан, Цзян Цзы-я) - ближайший советник основателей древнего китайского царства Чжоу Вэнь-вана и его сына У-вана.

Одна из историй основания школы Касима син рю также связана с трактатом «Тай-гун Лю Тао». По этой версии Мацумото Бидзэн-но ками Ки-но Масамото получил от божества Касима (Такэмикадзути-но ками) свиток, что когда-то был преподнесен храму Касима самим Минамото-но Ёсицунэ. Свиток этот содержал трактат «Тай-гун Лю Тао» (в Главе 1.1 была описана история с получением свитка «Писания Тэнгу»). Об истории похищения «Тай-гун Лю Тао» у Мастера Киити подробно рассказывает «Сказание о Ёсицунэ». Несмотря на то, что в «Сказание о Ёсицунэ» описано как Ёсицунэ обманом выкрал трактат и скопировал его без ведома Мастера Киити, по версии последователей Касима син рю Мастер Киити передал свиток и учение Минамото-но Ёсицунэ, а тот впоследствии пожертвовал его храму Касима.

«Шесть секретных учений Тай-гуна» также многократно цитируется в трактате по искусству *ниндзюцу* «Бансэнсюкай» («Десять тысяч рек, впадающих в море») авторства Фудзибаяси Ясутакэ.

В эпоху сражающихся царств (Сэнгоку дзидай) использование методов китайской стратегии приобрело огромную ценность. Даймё начали привлекать специалистов по искусству военной стратегии и тактике, практически во всем полагаясь на них. Этих специалисты назывались *гумпайся* (обладатель *гумпай* – большого металлического предмета похожего на веер). На гумпай стратеги записывали статистическую информацию, таблицу времени, часы приливов и отливов, все остальное, что могло пригодиться в сражении. Гумпайся непременно должны были быть сведущими в «семи классических военных книгах» («У-цзин»), древних китайских военных трактах [Варли, 1999, с. 89].

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

Огромное влияние на развитие искусства шпионажа и разведки (*ниндзюцу*) оказала тринадцатая глава «Сунь цзы бинь фа» «Использование шпионов» [Сунь-цзы, 2016, с. 329]. Авторы знаменитых японских трактатов по искусству *ниндзюцу* «Сёнинки» (Записи об истинном ниндзюцу) авторства Фудзиноиссуйси Масатакэ и «Нинпидэн» (Тайная передача знаний ниндзя) авторства Хаттори Хандзо, возводят свое искусство к китайскому искусству шпионажа.

На 13-ю главу «Сунь цзы бинь фа» опирается раздел «Сёнинки» под названием «Китайские шпионы» (т*окан*), перечисляющий различные виды шпионов: местные агенты, внедрённые агенты, двойные агенты, агенты, жертвующие собой или «обречённые» агенты и агенты, которых можно использовать повторно. Вот как описывается происхождение синоби (шпионов) в «Сёнинки»: «Говорят, что синоби происходят из Китая, где их искусство было впервые использовано еще во время правления императора Хуанди» [Фудзиноиссуйси, 2011, с. 23].

Фудзибаяси Ясутакэ в «Бансэнсюкай» многократно цитирует «Сунь-цзы», «Ши цзи» («Исторические записки» 109–91 гг. до н.э.) Сыма Цаня, «Вопросы танского Тай-цзуна и ответы Ли Вэй-гуна», «Три стратегии Хуан Ши-гуна» и уже упоминавшийся трактат «Шесть секретных учений Тай-гуна».

Очевидно, мастера искусства шпионажа подробно изучили китайские стратегические трактаты, находя в них необходимые знания по самым различным вопросам от методов проникновения на вражескую территорию до способов распознавания засады. При этом китайские формулы не просто переписывались из трактата в трактат, но были по-своему творчески переосмыслены и опробованы мастерами ниндзюцу на практике.

Среди первых воспринятых китайских учений было космологическое учение об устройстве мироздания на основе концепции жизненной энергии «Ци», по-японски «Ки». Согласно этому учению всё в мире состоит из Ки, принимающей различную форму: разряженная Ки – дух, сгустившееся – вещество [Горбылёв, 2002, с. 40]. Приходя в движение, изначальное Ки поляризуется, приобретая свойства «Инь» (отрицательного, тёмного, женского, скрытого) начала и «Ян» (положительного, светлого, мужского, явного) начала. По-японски эта дуальная система называется «Ин-Ё». В ходе превращений энергия Ки создаёт пять первоэлементов *усин* (по-японски *гогё*): дерево, огонь, землю, металл и воду.

Учение о Ки оказало сильное влияние на теорию и практику боевых искусств. С ним связаны техники *сапро* (техники убийства) и *капро* (методы реанимации). Теория *сапро* и *капро* основана на учении о движении Ки в человеческом организме и наличии жизненно важных точек. Используя технику атэми (ударов по телу) мастера поражали уязвимые места на теле человека для достижения различных целей: вызвать болевой шок, добиться потери сознания или отвлечь внимание соперника. В соответствии с теорией китайской медицины точки на теле человека подразделялись на уровни Ин и Ё, отвечающие за различные пути движения энергии по телу человека. В наставлении школы дзю-дзюцу Ёсин-рю «Иллюстрации к «Объяснения [строения] тела» описаны различные приёмы нанесения атэми в соответствии со знаниями китайской медицины: «Убийство [ударом] в точку «мацукадзэ» – это удар в дыхательное горло, отсящийся к уровню Ян (Ё-но курай). [Проходящий здесь] канал – это путь движения, по которому ци (ки) поднимается вверх и опускается вниз» [Горбылёв, 2002, с. 42]. Та же теория легла в основу разработки методов *капро* – реанимации человека. Сугавара Садамото в своей книге «Новый учебник по дзюдо, объясняющий сокровенные секреты» приводит целый раздел под названием «Искусство убийства и реанимации (саккацу-дзюцу)», который был составлен на основе древних свитков школ дзю-дзюцу: «Записи устной передачи способов убийства и реанимации школы Синсин-рю», «Иллюстрированное руководство школы Син-но синдо-рю». Основные секреты мастерства и способы воздействия на точки передавались от мастера к ученику устно, в свитках были описаны лишь общие указания: «Кидзё. Говорится в устной передаче. Это самый первый способ при общей реанимации. Техника выполнения: мять запястьями, надавливать, потирая снизу вверх область от кикайсэкимон (ниже пупка на 3 сун) до самого пупка. Выполнять, вкладывая силу в свои руки. Есть еще один способ: направить большие пальцы обеих рук вверх, отогнуть кончики пальцев и потирать область ниже пупка на 3 сун до пупка» [Сугавара, 2007, с. 111].

При помощи знаний о течении энергии Ки мастера лечили целый ряд травм и болезней. В книге Сугавара приводит способы оказания неотложной помощи при: вывихе челюсти, вывихе плеча, вывихе локтевого сустава, вывихе сустава в запястье, вывихе сустава на пальце, вывихе бедра, вывихе коленного сустава, вывихе лодыжки, переломе плеча, переломе голени, приготовление наружных средств лечения, а также действия при ранении, кровопотери, кровотечении, головокружении, отравлении, обморожении, мышечном спазме, случае, когда пища застряла в пищеводе. Там же есть рецепт традиционной японской мази: «японский перец 7,5 г, кора красной восковницы 3,75 г, выжимка, оставшаяся при приготовлении сакэ 18,75 г, красная бузина 7,5 г, уксусная кислота 5 капель, белок куриного яйца. Указанные ингредиенты смешать, нанести на пораженную область. Сверху накрыть японской бумагой и забинтовать» [Сугавара, 2007, с. 117]. Среди случаев лечения отравления описаны такие экзотичные как отравление рыбой фугу, отравление крабами, укус собаки, укус мыши, укус лошади и укус ядовитой змеи.

Все это наглядно иллюстрирует, что система медицинских знаний японских воинов и мастеров боевых искусств была не узконаправленной, а обширной и развитой.

Большую роль в развитии теории саппо и каппо сыграл импорт китайских книг по медицине в Японию. Книга «Ваньбао цюаньшу» («Полная книга десяти тысяч сокровищ»), датируемая началом эпохи Цин, оказала большое влияние на технику школы Синкёку-рю в княжестве Сэндай, из которой она попала в школы дзю-дзюцу Асаяма итидэн-рю и Ягю синган-рю. Книга «Саньцай тухуэй» («Собрание иллюстраций трёх основ») была издана в Японии в эпоху Эдо под новым названием «Вакан сансай дуэ» («Японское и китайское собрание иллюстраций трёх основ»). Эта книга оказала влияние на разработку теории школы Ёсин-рю, а главы этой книги, относящиеся к иллюстрации внутренних органов и каналов движения Ки, без изменений приведены в ряде книг и наставлений по дзю-дзюцу [Горбылёв, 2002, с. 39].

Медицинские знания самураев и ниндзя при этом не ограничивались знаниями о теории движения жизненной энергии, они также владели практическими знаниями о лечебных растениях и о способах оказания первой помощи. Интересные сведения дает нам средневековое наставление по ниндзюцу, написанное в XVII веке Фудзиноиссуйси Масатакэ. В разделе «Как подготовиться к тайной деятельности» одним из основных инструментов являются лекарства от червей (*кусури* или *яку*): «Кусури – это снадобье, которое мы называем «убийца червей». Это важный предмет. Причина для его ношения [постоянно с собой] состоит в том, что если вы заболеете, прибыв на место своей деятельности, вы не сможете выполнить свою задачу» [Фудзиноиссуйси, 2011, с. 39]. Валерий Момот поясняет, что в те времена самыми распространенными болезнями среди японцев были расстройство желудка и пищевые отравления из-за употребления в пищу сырых морепродуктов. Данные расстройства в основном приписывались наличию червей, поскольку при употреблении в пищу сырой рыбы риск заразиться червями-паразитами очень высок. Помимо этого в набор снадобий ниндзя входили и другие лекарства, а также яды [Фудзиноиссуйси, 2011, с. 76]. Интересен также отрывок из главы «Знание о том, как проникать в охраняемые дома», в котором ниндзя притворяется больным: «Дождавшись благоприятного момента, можно притвориться больным у входа в дом, в который необходимо проникнуть, сделав вид, что ослабли и попросить лекарство, подогретой или обычной воды для питья. Болезни, которыми можно пользоваться [для этого]: боль в желудке, вызванная глистами, солнечный удар, приступ гастрита с внезапной рвотой, пищевое отравление, эпилепсия, диарея. Не советуется симулировать опьянение» [Фудзиноиссуйси, 2011, с. 53]. Сам способ и варианты симулирования болезней говорят о том, что ниндзя, для того чтобы выглядеть убедительно и правдоподобно, должен был, как минимум, знать симптомы этих болезней. Рекомендованный список болезней, очевидно, тоже был не случаен. С симптомами этих болезней японцы были хорошо знакомы и могли помочь страждущему самостоятельно, впустив его для этого в дом. Известный американский специалист в области истории боевых искусств Донн Ф. Дрэггер писал: «Познания ниндзя в медицине были таковы, что они стали сами себе врачами», они знали обезболивающие, лекарства от отравлений, кишечных расстройств, общих недомоганий, для обработки раны, чтобы не было заражения, использовались специальные плесневые грибки, ниндзя искусно умели ампутировать конечности, как для того, чтобы избежать плена, так и для предотвращения развития гангрены [Дрэгер, 2002, с. 54].

Среди историй об основании и происхождении школ японских боевых искусств есть и связанные с изучением китайского искусства кулачного боя и медицины. Основатель дзюдо профессор Кано Дзигоро в своей исторической статье о происхождении дзю-дзюцу привел несколько наиболее интересных версий. Школу Ёсин-рю, по версии профессора Кано, создал Миура Ёсин, врач из портового города Нагасаки. В основе его теории была идея гармоничного развития и использования разума и тела при помощи дзю-дзюцу: «Этой школе начало положил Миура Ёсин, врач из портового города Нагасаки, что в провинции Хидзэн. Он стал знаменит в начальные времена правления сёгунов Токугава. Полагая, что многие заболевания проистекают из того, что люди не используют совместно разум и тело, он придумал несколько приёмов дзюдзюцу. Вместе с двумя своими учениками, которые учились у него медицине, он создал 21 способ захвата противника, а позднее нашел еще 51 способ» [Кано, 2011, с. 228]. В данной истории обращает на себя внимание соседство боевого искусства и медицины, история намекает на то, что именно благодаря своим знаниям в медицине Миура Ёсин сумел придумать свои, зачастую, смертельно опасные приемы. Другая история о создании школы Ёсин-рю говорит о враче из Нагасаки по имени Акияма Сиробэй, который отправился в Китай для изучения медицины, где он также изучил три приема *хакуда* (искусство, состоявшее из ударов руками и ногами) и 28 способов реанимации человека, находящегося бессознательном состоянии. В дальнейшем он разработал 303 приёма дзю-дзюцу. По легенде просветление Акияма Сиробэя произошло, когда он смотрел на ветви ивы, которые прогибались под тяжестью снега, но не ломались: «Однажды во время снежной бури он увидел иву, ветви которой были засыпаны снегом. Тогда как сосны стояли прямо и ломались под натиском бури, ива поддавалась тяжести снега на ее ветвях, но не ломалась под нею. «Именно таким должно быть дзюдзюцу!» - решил Акияма. Поэтому он назвал свою школу Ёсинрю – “Школа сознания

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ / ЛЕСТЕВ АНТОН ЕВГЕНЬЕВИЧ, LESTEV@AEL-EXPERT.RU / УДК 94:(091)(=950)±796.81

ивы"» [Кано, 2011, с. 229]. Многие исследователи часто отождествляют Миура Ёсин с Акияма Сиробэй, считая их одним человеком, хотя есть вероятность, что это два разных человека, т.к. в некоторых вариантах легенды Акияма Сиробэй жил в XI веке [Богуш, 2011, с. 220]. Похожая история создания и у школы Дайто-рю айкидзюдзюцу, данная школа отличается от многих школ дзю-дзюцу большим арсеналом болевых контролей и ударов в жизненно важные точки, основанных на знании анатомии. Легенды приписывают основание Дайто-рю потомку императора Сэйва – Минамото-но Ёсимицу (1056 – 1127 гг.). Ёсимицу изучал анатомию человека, определяя наиболее эффективные способы ударов, захватов и болевых приемов, по одной из версий делал он это на трупах убитых в бою воинов [Жальбер, 1995, с. 9].

Учение о Ки было воспринято представителями школ различной направленности: от конфуцианских мыслителей до последователей синто. Среди профессиональных врачей известен Кайбара Экикэн, происходивший из сословия самураев, он был классическим врачом-неоконфуцианцем, был специалистом в традиционной китайской медицине. Кайбара Экикэн оставил после себя значительное сочинение, известное в России под названием «Уроки жизни самурая». Основная идея книги в соблюдении умеренности во всем и правильного отношения к телу, основываясь на учении о жизненной энергии Ки, Кайбара Экикэн предлагает предотвратить болезни или даже исключить их, чтобы не пришлось лечить, но книга также содержит и методы лечения разных болезней. Сочинение Кайбара Экикэна также содержит главу, посвященную медицинской деонтологии: «Если человек, изучающий медицину, понимает, что он не родился с правильным менталитетом или талантом к такой работе, он должен немедленно оставить эту сферу деятельности. Человек без таланта не будет хорошо понимать Путь Медицины. Он только сделает много ошибок и причинит вред возлюбленным Небес, а это – серьезное преступление» [Кэйбэра, 2010, с. 260].

Среди современных мастеров боевых искусств есть те, кто продолжают древние традиции и те, кто создал на основе традиционных учений свои. Основатель айкидо Уэсиба Морихэй являлся последователем синкретического синтоистского учения секты Омото-кё. В своих лекциях он постоянно обращался к синтоистским текстам и историям из Кодзики, а также практике котодама (душа слов) и мисоги. При этом свои объяснения Уэсиба основывал также на учении о жизненной энергии Ки: «Айки – это меч Сусаноо, тело Ки» [Глисон, 2009, с. 62]. В новой философии синто, включившей элементы и понятия других учений, богу Суса-но-о в качестве символа приписывают звезды, которые символизируют науку и материальное начало. На Суса-но-о была возложена миссия развивать материальное начало и очищать возникающую при этом карму, но он отказался и был изгнан с Равнины Высокого Неба. Уэсиба Морихэй считал миссию Суса-но-о-но мико-то своим личным долгом, а айкидо – средством совершить это великое очищение. Уэсиба пишет: «Айкидо есть второе открытие Ама-но-ивато (каменной двери неба)» [Глисон, 2009, с. 62], и еще: «открыть каменную дверь (совершить ивато-бираки) – значит создать общество, в котором тело служит средством для выполнения миссии души и духа. Упорядочивая своё дыхание, приведи под контроль свою ки и твердо встань на путь самореализации. Опираясь на него, практикуй технику такэмусу айки и заключи истинное тело вселенной в своем дыхании» [Глисон, 2009, с. 63].

В словах О-сэнсэя Уэсиба мы видим идею усмирения своей природной энергии (силы), контроль над ней для развития духа. Усмирение Суса-но-о, который и представляет эту необузданную энергию, буйство природной силы, искупление вины и очищение кармы – это миссия Суса-но-о, его путь самосовершенствования и улучшения мира. Человек же, по мнению Уэсиба, способен через управление своей энергией Ки объединиться с энергией Вселенной или же в случае боевого противостояния объединиться с Ки противника, предугадывая его действия.

Ученик Уэсиба, один из известнейших мастеров айкидо XX в. Тохэй Коити создал свое учение о Ки, организовал Общество КИ и разработал свой стиль айкидо. Тохэй в своих объяснениях полностью отошел от эзотерических и религиозных примеров, выделив учение о Ки в самостоятельную дисциплину. При помощи специальных техник дыхания, концентрации и правильного мышления Тохэй помогал людям избавиться от бессонницы, упадка сил, депрессии и учил их жить гармонично, продолжая тем самым многовековую восточную традицию учения о жизненной энергии [Тохэй, 2011].

Воздействие при помощи Ки на противника получило широкое применение в качестве одного из психологических методов воздействия. В поединке нашел применение резкий выкрик, называющийся *киай*. Современные мастера также демонстрируют, как от киай противник теряет ощущение пространства, впадает в ступор, теряя возможность атаки и защиты, или же просто начинает бояться что-либо предпринять. Японский мастер Киба Косиро писал про *киай* следующее: «*Киай* может иметь огромное воздействие. Сосредоточьтесь и выкрикните *киай*, мгновенно вызывая в себе прилив физической силы и храбрости и понижая силу и храбрость противника; в этом случае Вы сможете нокаутировать противника» [Киба, 2013, с. 40].

В «Бансэнсюкай» можно встретить совет ниндзя по обнаружению вражеского отряда: «Вы всегда сможете увидеть ки, поднимающееся выше верхушек деревьев или леса, если там скрывается военный отряд. Если в отряде больше ста человек, то ки будет постоянным» [Фудзибаяси, 2015, с. 131]. В данном случае Ки также можно понять как дыхание, изменение потоков воздуха от теплого дыхания большой группы людей.

Учение об *Ин-Ё* тесно связано с учением о Ки и сопутствовало ему в техниках *сапро* и *капро*. В теории *ниндзюцу* теория *Ин-Ё* применялась к различным ситуациям. Существовали явные (*Ё*) методы проникновения на вражескую территорию и скрытые (*Ин*) методы. В зависимости от выбора тактики *ё-дзюцу* или *ин-дзюцу* ниндзя выполнял различные поручение от сбора разведывательной информации до совершения поджогов и убийств. В соответствии с учением об *Ин-Ё* определяли благоприятные места для строительства замка или расположения армии. Мастер Тэнсин Сёдэн Катори Синто рю сэнсэй Отакэ Ритсукэ писал о необходимости исследовать баланс между инь и ян, чтобы определить правильное местоположение дома. «Например, концепция инь и ян использовалась всякий раз, когда воин думал о строительстве нового дома или, если он становился богатым и могущественным, о сооружении собственного замка. В таких ситуациях он исследовал баланс между инь и ян, чтобы определить правильное местоположение дома» [Рейд, Кроучер, 2006, с. 167]. Также эта концепция получила своё отражение в названии технических действий. В школе Катори Синто рю существует стойка с мечом «*ин-но камаэ*», а также раздел из пяти *ката* «*гогё-но тати*» («меч пяти первоэлементов»), каждое ката которого призвана реализовывать принцип одного из первоэлементов в тактике ведения боя.

Как уже говорилось, учение Конфуция проникло в Японию вместе с китайской моделью устройства государства. Начиная с VII века, изучение конфуцианства становится непременным атрибутом образованного человека. В воинской среде проводниками конфуцианства становились буддийские монахи, а также мастера боевых искусств, которые наряду с воинскими искусствами преподавали юношам клана конфуцианское учение. Конфуцианство хорошо подходило для обучения представителей доминирующего воинского сословия, которым предстояло в мирное время исполнять обязанности чиновников. Военное правительство времен сёгуната Токугава решило выбрать в качестве идеологии и подобающего учения для воинов неоконфуцианство философа династии Сун Чжу Си (1130-1200).

Философия Чжу Си подчеркивала обязанность человека соблюдать лояльность и преданность, продиктованные чувством сыновнего почтения к родителям и долгом перед господином. Такое учение в Японии было известно под названием Тэй-сю (или Сю-си). Именно к учению Чжу Си восходят многие положения этических учений японских воинов под общим термином кодекс бусидо. Однако, в среде мастеров боевых искусств учение Чжу Си не получило распространение, в чем наметился разрыв в философских воззрениях между самураями, служившими чиновниками, и мастерами боевых искусств.

Последователи школ боевых искусств во главе учения ставили идею самосовершенствования человека. Именно таким учением оказалось направление конфуцианства, созданное философом Ван Янмином (1472-1529). Философия Ван Янмина утверждала, что только путем постоянных физических усилий человек может научиться контролировать свой разум и что это и есть «истинное учение». Такое обучение, прежде всего, направлено на достижение «образцовых выдающихся знаний и добродетели». Во многих отношениях система Ван Янмина соответствовала философии дзэн-буддизма, получившего распространение среди самураев. Правительство бакуфу пыталось предотвратить распространение философии Ван Янмина, чтобы не допустить свободомыслие в среде самураев и продолжать их контролировать. Ван Янмин, будучи ученым, имел страсть к изучению стратегии и тактики, что в целом объясняло, почему его учение оказалось воспринято мастерами боевых искусств. Хаяси Радзан (1583-1657), конфуцианский наставник сёгуна, писал про изучение стратегии Ван Янмином: «Действительно, благовоспитанный и родовитый человек не посвятит свою жизнь изучению подобных вещей». Такая позиция характерна для многих ученых и аристократов древнего Китая, откуда она вместе с конфуцианством перекочевала в Японию. Однако в отличие от Китая в Японии правящим классом стал класс воинов, а не аристократов, поэтому такое отношение к военному делу со стороны последователей учения Чжу Си вызывало отторжение в среде мастеров боевых искусств [Дрэгер, 2001, с. 31].

Среди последователей философии Ван Янмина следует отметить известного японского конфуцианского ученого Накаэ Тодзю (1608 – 1648 гг.), прославившегося, в том числе, своими работами по осмыслению военного дела и его назначения. Накаэ Тодзю писал: «Тонкая чувствительность и способность к решительным действиям – это не два качества, но одно, разделяющееся на просвещенность и воинственность» [Клири, 2016, с. 58]. По мнению Накаэ Тодзю истинное предназначение военного дела в защите культуры, а пренебрежение им приведёт к упадку культуры. Важной идеей японской школы Оёмэй (Ван Янмина) была концепция возможности познания мира и «пути мира» через познание собственной сущности («сердца») посредством «самоуглубления» [Радуль-Затуловский, 2013, с. 328]. На основании этой идеи

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ / ЛЕСТЕВ АНТОН ЕВГЕНЬЕВИЧ, LESTEV@AEL-EXPERT.RU / УДК 94:(091)(=950)±796.81

мастера боевых искусств разработали принцип познания собственной сущности (а значит и мира) через практику боевых искусств.

Конфуцианские идеи присутствуют уже в первых трактатах и наставлениях о «пути воина», написанных главами кланов, например в «Тикубасё» (1383 г.) Сиба Ёсимаса или в «Правилах Имагавы Рёсюна» (1412 г.). В своих правилах Имагава формулирует важность конфуцианского обучения: «в Четырех книгах и Пяти Классических текстах, а также в трудах по военному делу четко написано, что в деле защиты страны тот, кто не обладает Знаниями, будет неспособен руководить» [Имагава, 2007, с. 311].

Конфуцианство, возводившее в категории высших императивов понятия о долге и служении, стало важным инструментом в контроле над воинским сословием. Оно стало одним из главных источников новой культуры служилого сообщества, подвергшегося, по словам Икэгами Эйко, процессу одомашнивания [Ikegami, 1997, p. 329]. Японский профессор Кадзусигэ Сингу высказал по этому поводу интересную мысль: «Вовсе не исключено, что именно Сёгун создавал большую часть табу ради гарантии своего политического доминирования. С этой точки зрения, Сёгун периода Эдо был умелым фрейдовским психоаналитиком. И я бы предложил считать такую манипуляцию социальной динамикой своего рода традицией японского правительства» [Кадзусигэ, 2012, с. 90]. Идея абсолютного долга и решимости в его исполнении несмотря даже на смерть стала основой психологической подготовки воинов. Такая психологическая подготовка была вплетена в воспитание воина, основанного на так называемом кодексе бусидо, положения которого описаны в нескольких наиболее известных произведениях японских воинов: «Хагакурэ» Ямамото Цунэтомо, «Будосёсинсю» Тайра Сигэсукэ (Юдзан Дайдодзи) и др.

Конфуцианство оказало сильное влияние на внутренний этикет школ боевых искусств. Учитель является для своих учеников непререкаемым авторитетом, которому ученики прислуживают и помогают не только во время тренировок, но и в жизни. Роль учителя боевых искусств была настолько значительной, что даже сёгуны или даймё, обучающиеся у мастеров, были вынуждены выказывать им подобающее уважение. Так один из известнейших полководцев эпохи Сэнгоку дзидай (воюющих провинций) Такэда Сингэн пожаловал своему учителю Камиидзуми Исэ-но-ками Фудзивара но Хидэцуна (1505 – 1577) первый иероглиф своего имени *Син* (также читающийся как *нобу*) – награда, являющаяся высочайшей честью, которую мог оказать князь своему подданному. Камиидзуми смог беспрепятственно оставить службу у Сингэна, дабы углубиться в постижение воинских искусств, занимаясь их практикой и преподаванием [Friday, Seki, 1997, p. 28].

Даосское учение в Японии не было выделено в отдельную школу или религиозное направление, но воспринималось в контексте изучения конфуцианства и буддизма. Среди историй о применение даосских практик существует история о преодолении Хакуином Экаку (1686 – 1769 гг.) духовного и телесного расстройства, вызванного долгими дзэнскими медитациями, при помощи методов даосов [Клири, 2016, с. 219]. Впоследствии Хакуин стал известным наставником дзэн, а его самурайское происхождение нашло своё отражение в тематике его произведений, в которых встречаются наставления самураям [Клири, 2016, с. 220].

Даосские сочинение «Дао дэ цзин» и «Чжуан цзы» также были известны японцам. Однако концепция «Дао» (путь) была воспринята ими в конфуцианской трактовке. В даосской интерпретации Дао невыразимо, безымянно и ему невозможно дать определение, в отличие от такой точки зрения конфуцианская интерпретация говорит, что Дао многогранное, сложно понятие, которое можно выразить и которое обладает именем, хотя и является трансцендентальным по отношению к природе и человеку. Именно эти древние китайские понятия о Дао легли в основу того, что японцы называют «до» или «мити», что также переводится как путь. «До» в японской интерпретации есть «дорога» или «путь», по которым следуют в течение жизни.

Концепция До предполагает практическую, активную деятельность для каждодневного совершенствования себя и достижения лучшей жизни. В основе пути лежит духовное начало, которое проявляется и воплощается в обучении, проводимом по сложившейся схеме. Каждодневная тренировка в избранном деле служит для исправления собственного поведения и устранения дурных привычек, что в свою очередь ведет к духовному развитию человека. Следует отметить, что концепция До не несет в себе религиозной составляющей и направлена на совершенствование человека в рамках социальной структуры.

Все ключевые понятия, такие как бусидо (путь воина), будо (боевой путь), дзюдо (мягкий путь), айкидо (путь объединения энергии ума и тела), кюдо (путь лука), кэндо (путь меча) несут в себе концепцию До.

ВЫВОДЫ

Таким образом, влияние китайского фактора на развитие японской культуры сложно переоценить. Хотя, безусловно, нельзя говорить о том, что японские боевые искусства произошли от китайских. Китайские учения наполнили воинские традиции стратегическим, философским и морально-нравственным содержанием. В канонах классических школ боевых искусств китайские учения, отнесённые к военным аспектам жизни, составляют целые

разделы. В соответствии с ними выбиралось место для строительства замка, объяснялся долг служения, применялись тактические приёмы на поле боя. При этом стоит сказать, что японцы творчески переосмыслили китайские учения на основе своего практического опыта. Поэтому неслучайно, что именно в средневековой Японии искусство шпионажа ниндзюцу достигло такого развития. Главным различием между Китаем и Японией оставалось отношение к воинам и военному делу. В то время как в Китае под влиянием конфуцианских учёных ратное дело стало считаться низким и недостойным для благородного мужа, в Японии ведущие мыслители посвящали свои трактаты различным сторонам воинской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ма Минда. Историческое исследование китайско-японско-корейских обменов в области фехтования мечом // Хидэн (боевые искусства и рукопашный бой) : науч.-метод. сб. Вып. 8. М., 2012. С. 4–132.
2. Горбылёв А.М. Ниндзя : боевое искусство. М. : Яуза : Эксмо, 2010. 480 с.
3. Трубникова Н.Н. Традиция «исконной просветленности» в японской философской мысли. М. : РОССПЭН, 2010. 414 с.
4. Китагава Дж.М. Религия в истории Японии. СПб.: Наука, 2005. 588 с.
5. Мендрин В.М. История сёгуната в Японии : Нихон гайси : в 2 т. М.; СПб. : Рос. Гос. б-ка : Летний сад, 1999. Т. 1 – 480 с. Т. 2 – 384 с.
6. Варли П., Моррис А., Моррис Н. Самураи. СПб. : Гиперион, 1999. 128 с.
7. Сунь-цзы // Военный канон Китая. Сунь-цзы. Сунь Бинь / сост. и пер с кит. В. Малявин. М. : РИПОЛ классик, 2016. С. 137–356.
8. Фудзиноиссуйси М. Сё:нинки. Записи об истинном ниндзюцу. Харьков : НТМТ, 2011. 152 с.
9. Горбылёв А. Саппо – «смертельная техника» дзюдзюцу // Япония. Путь кисти и меча. 2002. № 2. С. 37 –44.
10. Сугавара С. Новый учебник по дзюдо, объясняющий сокровенные секреты (Гокуи дзукай дзюдо син кёхан). М. : Изд. Дом «Будо-спорт», 2007. 137 с.
11. Дрэгер Д. Ф. Ниндзюцу – искусство невидимок. Ростов н/Д : Феникс, 2002. 160 с.
12. Кано Д., Линдсэй Т. Дзюдзюцу. Древнее самурайское искусство боя без оружия // Хидэн (боевые искусства и рукопашный бой) : науч.-метод. сб. Вып. 6. М., 2011. С. 221–240.
13. Богуш Д.А. Каппо. Японская техника реанимации в практике боевых искусств. Киев : Ника-Центр, 2011. 208 с.
14. Жальбер К. Предисловие // Алан Флоке. Айкибудо. Тверь : Мартин : Полина, 1995. С. 8–14.
15. Глисон У.Духовные основы айкидо. М. : Эксмо, 2009. 208 с.
16. Тохэй К. Ки в повседневной жизни. СПб. : Вектор, 2011. 192 с.
17. Киба К. Кукисин рю будзюцу со : сё. Харьков : НТМТ, 2013. 180 с.
18. Фудзибаяси Я. Бансэнсюкай (Десять тысяч рек, впадающих в море). Том Ё-нин (Сокрытие на свету). Харьков : НТМТ, 2015. 148 с.
19. Рейд Г., Кроучер М. Путь воина : Парадокс боевых искусств. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006. 272 с.
20. Дрэгер Д. Ф. Классические будо. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2001. 240 с.
21. Клири Т. Военный канон Японии. Первоисточники. М. : ПОСТУМ, 2016. 432 с.
22. Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 456 с.
23. Имагава С. Правила Имагавы Рёсюна // Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве. М. : Эксмо, 2007. С. 308-318.
24. Ikegami E. The taming of the samurai. Honorific individualism and the making of the modern Japan. Harvard : Harvard university press, 1997. 428 p.
25. Кадзусигэ С. Фрейд, Лакан и Япония // Лакан в Японии. СПб. : Алетейя, 2012. С. 89-101.
26. Friday K., Seki H. Legacies of the sword. The Kashima-Shinryu and samurai martial culture. Honolulu : University of Hawai'I press, 1997. 234 p.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES (IN ENGLISH)

1. Ma, Minda. (2012) Istoricheskoe issledovanie kitaisko-yaponsko-koreiskikh obmenov v oblasti fekhtovaniya mechom [A historical study of Sino-Japanese-Korean exchanges in the field of fencing with a sword] // Khiden (boevye iskusstva i rukopashnyi boi) : nauch.-metod. sb. [Hiden (martial arts and hand-to-hand combat)]. Vol. 8. Moscow. pp. 4–132.
2. Gorbylev, A.M. (2010) Nindzya : boevoe iskusstvo [Ninja: martial art]. Moscow: Yauza: Eksmo. 480 p.
3. Trubnikova, N.N. (2010) Traditsiya «iskonnoi prosvetlennosti» v yaponskoi filosofskoi mysli [The tradition of "primordial enlightenment" in Japanese philosophical thought]. Moscow: ROSSPEN. 414 p.
4. Kitagawa, J.M. (2005) Religiya v istorii Yaponii [Religion in the history of Japan]. St. Petersburg: Nauka. 588 p.

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

5. Mendrin, V.M. (1999) Istoriya segunata v Yaponii : Nikhon gaisi : v 2 t. [The history of the shogunate in Japan: Nihon Gaishi: in 2 volumes]; St. Petersburg: Letnii sad. Vol. 1 - 480 p. Vol. 2 - 384 p.
6. Varley, P., Morris, A., Morris, N. (1999) Samurai. St. Petersburg : Hyperion. 128 p.
7. Sun Tzu (2016) // Voennyi kanon Kitaya. Sun'-tszy. Sun' Bin' [Military Canon of China. Sun Tzu. Sun Bin] / comp. and lane with a whale. V. Malyavin. Moscow: RIPOL classic. pp. 137–356.
8. Fujinoissuishi, M. (2011) Se:ninki. Zapisi ob istinnom nindzyutsu [Sho: Ninki. Records of true ninjutsu]. Kharkov: NTMT. 152 p.
9. Gorbylev, A. (2002) Sappo – «smertel'naya tekhnika» dzyudzyutsu [Sappo - "deadly technique" of jujutsu] // Yaponiya. Put' kisti i mecha [Japan. The path of the brush and sword]. No. 2. pp. 37–44.
10. Sugawara, S. (2007) Novyi uchebnik po dzyudo, ob"yasnyayushchii sokrovennye sekrety (Gokui dzukai dzyudo sin kekhan) [A new judo textbook explaining the innermost secrets (Gokui zukai judo shin kyokhan)]. Moscow: Publ. House "Budo-sport". 137 p.
11. Draeger, D. F. (2002) Nindzyutsu – iskusstvo nevidimok [Ninjutsu - the art of the invisible]. Rostov-on-Don: Phoenix. 160 p.
12. Kano, D., Lindsay, T. (2011) Dzyudzyutsu. Drevnee samuraiskoe iskusstvo boya bez oruzhiya [Jujutsu. The ancient samurai art of combat without weapons] // Khiden (boevye iskusstva i rukopashnyi boi) : nauch.-metod. sb. [Hiden (martial arts and hand-to-hand combat)]. Vol. 6. Moscow. pp. 221–240.
13. Bogush, D.A. (2011) Kappo. Yaponskaya tekhnika reanimatsii v praktike boevykh iskusstv [Kappo. Japanese resuscitation technique in the practice of martial arts]. Kiev: Nika-Center, 2011. 208 p.
14. Jalbert, K. (1995) Predislovie [Foreword] // Alan Floquet. Aikibudo. Tver: Martin: Polina. pp. 8-14.
15. Gleason, W. (2009) Dukhovnye osnovy aikido [Spiritual foundations of Aikido]. Moscow: Eksmo. 208 p.
16. Tohei, K. (2011) Ki v povsednevnoi zhizni [Ki in everyday life]. St. Petersburg : Vector. 192 p.
17. Kiba, K. (2013) Kukisin ryu bujutsu so: sho. Kharkov: NTMT. 180 p.
18. Fujibayashi, Y. (2015) Bansensyukai (Desyat' tysyach rek, vpadayushchikh v more). Tom E-nin (Sokrytie na svetu) [Bansensyukai (Ten thousand rivers flowing into the sea). Tom Yo-Ning (Concealment in the light)]. Kharkov: NTMT. 148 p.
19. Reid, G., Croucher, M. (2006) Put' voina : Paradoks boevykh iskusstv [Way of the Warrior: The Paradox of Martial Arts]. Moscow: FAIR-PRESS. 272 p.
20. Draeger, D. F. (2001) Klassicheskie budo [Classic budo]. Moscow: FAIR-PRESS. 240 p.
21. Cleary, T. (2016) Voennyi kanon Yaponii. Pervoistochniki [Military Canon of Japan. Primary sources]. Moscow: POSTUM. 432 p.
22. Radul-Zatulovsky, Ya. B. (2013) Konfutsianstvo i ego rasprostranenie v Yaponii [Confucianism and its spread in Japan]. Moscow: LIBROCOM. 456 p.
23. Imagawa, S. (2007) Pravila Imagavy Resyuna [The rules of Imagawa Ryosyun] // Kodeks Busido. Khagakure. Sokrytoe v listve [Bushido Code. Hagakure. Hidden in the foliage]. Moscow: Eksmo. pp. 308-318.
24. Ikegami, E. (1997) The taming of the samurai. Honorific individualism and the making of the modern Japan. Harvard: Harvard university press. 428 p.
25. Kazushige, S. (2012) Freid, Lakan i Yaponiya [Freud, Lacan and Japan] // Lakan v Yaponii [Lacan in Japan]. SPb. : Aletheia, 2012. pp. 89-101.
26. Friday, K., Seki, H. (1997) Legacies of the sword. The Kashima-Shinryu and samurai martial culture. Honolulu: University of Hawai'I press. 234 p.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Anton Lestev, PhD
Director of LLC "AEL Expert", Head of academic programs in Institute for Culture of Peace (UNESCO)
420087, Kazan, Kurchatova str., 8-54, Russia
lestev@ael-expert.ru

Принята к публикации: 15.09.2019 г.

MODERN ORIENTAL STUDIES
СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
INTERNATIONAL SCIENCE JOURNAL / МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

БИОГРАФИЯ ДУАНЬФАНА ИЗ «ЦИН ШИ ГАО»

BIOGRAPHY OF DUANFANG FROM "QING SHI GAO"

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, *д.и.н., профессор,*
Российская Федерация, г. Казань, ИМО КФУ
dmitrymartynov80@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлен первый перевод на русский язык официальной биографии сановника Дуаньфана (1861 – 1911) из «Черновой истории Цин» (Цин ши гао). Личность и наследие Дуаньфана стали предметом исторического изучения в 2000-е годы, после выпуска в свет корпуса основных исторических материалов. Дуаньфан являлся яркой фигурой позднего периода династии Цин, принадлежа к стану «консервативных реформаторов» наряду с Чжан Чжидуном и Юань Шикаем. Он реализовал ряд важных для Китая общественных и социальных проектов, в первую очередь, в сфере образования (основал Цзинаньский университет). Дуаньфан понимал необходимость реформирования политической сиситемы Китая, и после Русско-японской войны и длительной поездки в США и Европу стал убежденным сторонником конституционной монархии. Однако после смерти императрицы Цыси в 1908 г. под формальным предлогом он был уволен, и был убит националистами во время Синьхайской революции.

Жизнь и деятельность Дуаньфана хорошо документированы, и потому позволяют многоплановое исследование. В статье рассмотрены традиционные методы китайского исторического письма, и сопоставлены с действительными событиями биографии Дуаньфана. Сделаны выводы о сочетании в корпусе биографий «Цин ши гао» известных элементов модерна, хотя и затушёванных политическим заказом. Применение биографического метода было типичным для традиционной китайской историографии, которая носила сильнейшее дидактическое значение. Специфика китайской биографии состоит в том, что жизнь человека как главный предмет жизнеописания, в русле культуры Срединного государства не могла быть достоянием посторонних.

Ключевые слова и фразы: *история Китая, династия Цин, Синьхайская революция, Дуаньфан, Цыси, Гуансюй, Пуи.*

Для цитирования: *Мартынов Д.Е. Биография Дуаньфана из "Цин Ши Гао". Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(1): 38-42.*

ABSTRACT

The article presents the first translation into Russian the official biography of the dignitary Duanfang (1861 – 1911) from the "Draft History of Qing" (Qing shi gao). The identity and legacy of Duanfang became the subject of historical study in the 2000s, after the publication of basic historical sources. Duanfang was a prominent figure in the late Qing Dynasty, belonging to the camp of "conservative reformers" along with Zhang Zhidong and Yuan Shikai. He implemented a number of important social projects for China primarily in the field of education (he founded Jinan University). Duanfang understood the need to reform the political system of China, and after the Russo-Japanese War and a long trip to the United States and Europe, he became a staunch supporter of the constitutional monarchy. However, after the death of Empress Cixi in 1908, under a formal pretext, he was dismissed and was killed by nationalists during the Xinhai Revolution.

Duanfang's life and work are well documented, and therefore allow multifaceted research. The article discusses the traditional methods of Chinese historical writing, and compared with the actual events of the biography of Duanfang. Conclusions are drawn about the combination in the body of biographies of "Qing shi gao" of the numerous elements of modernity, although obscured by a political order. The application of the biographical method was typical for traditional Chinese historiography, which was of the strongest didactic value. The specificity of the Chinese biography is that human life as the main subject of biography, in line with the culture of the Middle State, could not be the property of strangers.

Key words and phrases: *History of China, Qing Dynasty, Xinhai Revolution, Duanfang, Cixi, Guangxu, Puyi.*

For citation: Martynov D.E. Biography of Duanfang from "Qing Shi Gao". Modern Oriental Studies. 2019; 1(1): 38-42.

VOL. 1 №1 2019

ISSN: 2686-9675

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ / МАРТЫНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, DMITRYMARTYNOV80@MAIL.RU / УДК 94(510).091±929

ВВЕДЕНИЕ

В 2000-е гг. в историографии КНР были сняты негласные запреты на исследования истории династии Цин (1644–1912) со стороны монархического лагеря. При АОН КНР функционирует комиссия по написанию сводной истории династии Цин, в рамках деятельности которой издаются многочисленные документы и первоисточники. В числе лиц, деятельность которых вызывает пристальный интерес, оказался Дуаньфан (端方, 1861–1911), «знаменной» сановник ханьского происхождения (ханьцзюнь 汉军). Объяснений такого интереса много даже с сугубо политической точки зрения. Карьера Дуаньфана в сфере большой политики началась в дни Ста дней реформ 1898 г. (戊戌变法), причём он поддержал Кан Ювэя и Лян Цичао. Чудом избежав расправы, Дуаньфан вторично был вынужден выбирать сторону во время Ихэтуаньского восстания (义和团运动). Примечательно, что именно благодаря игнорированию приказов о поддержке ихэтуаней в Шэньси, губернатор Дуаньфан смог навести порядок, и именно ему пришлось принимать императрицу Цыси и лишённого власти императора Гуансюя в Сиани [8, p. 48–49]. В дальнейшем он проявил себя как успешный и вместе с тем лояльный властям сановник, который находился в фаворе у Цыси, и при этом мог решать собственные экономические и политические задачи. В 1905–1906 гг. Дуаньфан входил в состав большой миссии Цин по исследованию политического строя стран Запада, что было связано с грядущей конституционной реформой. Именно Дуаньфан был одним из апологетов конституционно-монархического строя, и с этого времени возобновил переписку с Лян Цичао, который жил в эмиграции в Японии. Именно Лян был главным консультантом Дуаньфана, общий объём их переписки превышал 2 000 000 иероглифов [8, p. 183]. На посту генерал-губернатора Цзянсу, Цзянси и Аньхоя Дуаньфан развернул широкую программу преобразований, причём диапазон его инициатив, поистине, поражает. В числе его нововведений – основание первого общественного парка и публичной библиотеки в Нанкине, введение сертифицирования мясной продукции, поддержка студентов, отправляемых на обучение за границу. Дуаньфан основал Цзинаньский университет, поначалу – как школу для обучения детей хуацяо. Именно в Нанкине впервые в истории Китая прошли выборы и собралась санкционированная властями Конституционная ассоциация.

Дуаньфан старался переманить в монархический лагерь деятелей революционного движения, в частности, на службу к нему поступил Лю Шипэй (刘师培, 1884–1919), один из апологетов анархизма в Китае. Ранее именно благодаря усилиям Дуаньфана был арестован и осуждён великий философ Чжан Бинлинь (章炳麟, 1869–1936), который открыто призывал к физическому истреблению маньчжуров. После разрыва Чжан Бинлиня с кругом Сунь Ятсена, он даже пытался обратиться к Дуаньфану, но не смог найти общего языка с ним [8, p. 212–219]. При подавлении восстаний и антигосударственной деятельности Дуаньфан был беспощаден: на посту губернатора провёл зачистку 4 уездов, устроил «охоту» на бежавших руководителей восстания. После покушения Сюй Силиня на губернатора Аньхоя в 1907 г., Дуаньфан принёс его сердце в жертву покойному [8, p. 178–179].

После смерти Цыси (1908 г.) и опалы князя Гуна, политическая карьера Дуаньфана прервалась. Он был обвинён в неритуальном поведении на похоронах императрицы, и снят с должности губернатора столичной провинции Чжили (ныне Хэбэй). Это было связано с борьбой придворных группировок. Из-за нерешительности регента Цзайфэна, отправившего в отставку Юань Шикая и Дуаньфана, инициатива властей была утрачена, ханьские элиты радикализировались, а маньчжурская власть не была в состоянии предложить им приемлемого проекта будущего. После начала Сычуаньского восстания в 1911 г. Дуаньфан был отправлен для его подавления, и был убит собственным офицером.

После гибели Дуаньфана, Цинский двор возвёл его в достоинство князя и пожаловал посмертным титулом. В результате его биография была включена в официальную историю. Переводу и комментированию этой официальной биографии посвящена наша работа.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Последнюю официальную историю монархического Китая – «Цин ши гао» (清史稿) – постигла нелёгкая судьба. Законченная в 1927 г., она так и осталась «Черновым сводом», ибо оказалось невозможно полностью соблюсти все правила её составления [1, с. 99]. Тем не менее, хотя бы формально, она была построена по тому же шаблону, что «Записки историка» Сыма Цяня. Особенно это касается раздела жизнеописаний.

Собственно, создателем жанра официальной биографии в истории Китая оказался именно Сыма Цянь. Сочетание иероглифов 传记 означает «передачу сведений», причем не только о человеке, но и о событиях. Поэтому в сочинении Сыма Цяня повествования о сопредельных Китаю странах и народах также помещены в этом разделе. Специфика китайской биографии в том, что жизнь человека как главный предмет жизнеописания, в русле культуры Срединного государства не могла быть достоянием посторонних. В результате десятки тысяч «биографий» во всех 25 образцовых историях практически не содержат личных сведений. Сыма Цяня, по сути, интересовали деяния героя, и то, как он исполнял предписываемые конфуцианством нормы поведения и обязанности подданного. Иными словами, главная тема лечжуань (列传, «Жизнеописания знаменитых») – человек в определенной

исторической ситуации. Биография служила наглядным уроком социального поведения, утверждавшей основные принципы жизни, соотносимые с государственной доктриной [1, с. 109–110].

Типичная биография в официальной хронике представляет собой назидательный текст, и в этом отношении больше напоминает западную агиографию. Это определяло и организацию материала. В этом плане представление обо всем жизненном пути героя или его служебной карьере было вторичным, и специально такой задачи составитель исторического свода не ставил [1, с. 110]. В «Цин ши гао» биографии строились по проверенным лекалам. Тем интереснее сопоставить её краткие данные с альтернативным корпусом источников по интересующей нас персоне.

Историкам Дуаньфана «повезло» в том смысле, что его личный архив сохранился в полном объёме. Он находится в фонде пекинского Первого исторического архива КНР (979 единиц хранения – переписка, деловая документация, и частные документы). Для предмета нашего исследования особенно ценным является собрание телеграмм: за 1901–1911 гг. сохранились копии каждой полученной и отправленной им телеграммы. Некоторые тексты чрезвычайно объёмны, включая до 10 000 иероглифов. В 2005 г. 400 важнейших телеграмм были опубликованы. Собрание официальных меморандумов трону было напечатано на Тайване в 1967 г. в 4-х томах (端忠敏公奏稿), но в КНР входит в число запрещённых цензурой книг. На основе этих материалов, а также больших собраний документальных источников, были опубликованы, как минимум, две объёмных монографии (в которых нашлось место и для увлечений Дуаньфана-коллекционера) [3][6]. В Калифорнийском университете (Сан-Диего) в 2008 г. была защищена диссертация Чжан Цзюнь (Elya J. Zhang), специально посвященная сетевым структурам, с помощью которых Дуаньфан достиг высшей власти [8]. Подготовленная ею монография “Webs of Power: Three Governors and the Networking of Political Resources, 1900-1915” так и не вышла из печати.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Перевод двойной биографии братьев Дуаньфана и Дуаньцзиня из 469-й цзюани «Цин ши гао» выполнен нами по электронной версии полными иероглифами [4] [5]. Объём текста без знаков препинания составляет всего 498 иероглифов (63 иероглифа для Дуаньцзиня). Разбивка на абзацы имеет смысловой характер, и более дробна, чем в оригинале. Секции-главки выделены курсивом.

[Перевод]

<…>

9. Дуаньфан по имени Уцяо[1] [был] из рода Тотекэ (托忒克)[2] маньчжурского Белого знамени (滿洲正白)[3]. По заслугам [дяди][4] был принят в Государственную академию[5] и выдержал экзамен на цзюйжэня[6], купил должность юаньвайлана[7], [и далее] был повышен до ланчжуна[8].

В 24-м году Гуансюй (1898 г.)[9] был рекомендован возглавить строительство дороги в Чандао (霸昌道). Когда в столице было учреждено Бюро сельского хозяйства, промышленности и торговли (农工商总局), он был назначен его главой и пожалован высшим чиновным рангом[10]. После Высочайшего указа о наставлении к добру, последовал предначертанному[11]. [Во время искоренения ихэтуаней] был назначен финансовым контролёром (按察使) в Шэньси и повышен до комиссара по гражданским и финансовым делам (晋布政使), а далее до генерал-губернатора. Удостоившись расположения [бежавших в Шэньси] императора и Западной государыни[12], был вознаграждён подготовкой для них походной резиденции. [Далее] был перемещён комиссаром в Хэнань, и возвышен до генерал-губернатора Хубэя.

В 28-м году [Гуансюй] (1903 г.) удостоен звания наместника Хубэя и Хунани (Хугуан). В 30-м году (1905 г.) перемещён в Цзянсу и возвышен до [временного] наместничества над Лянцзяном (Цзянсу, Цзянси и Аньхой), а оттуда переведён в Хунань. [На этих постах] он питал особое благорасположение к просвещению и основал новые школы заморского учения[13], а также отправил множество учеников за границу. На следующий год (1906 г.) был призван на аудиенцию и назначен генерал-губернатором Чжэцзяна и Фуцзяни, но не вступил в должность. Взамен его включили в комиссию для изучения политического строя всех

[1]Значение первого имени – «Прямой»; второе имя – Уцяо, дано по названию одного из императорских дворцов эпохи Тан. Его литературный псевдоним Таочжай (陶斋) также связан с архитектурой и учёными занятиями: «Кабинет Радости» (вариант: «Кабинет любования керамикой»).

[2]Чаще: Тохоло (托活罗). Фамилия его предков Тао (陶) [6, с. 1].

[3]Имеется в виду маньчжурская Восьмизнаменная армия. Белое знамя входило в число трёх «старших». К этому подразделению маньчжурского народа-войска относились знаменитые завоеватели Китая – регент Доргонь (1612–1650) и полководец князь Додо (1614–1649), а также начальник личной охраны императрицы Цыси и дед последнего императора Китая – Жунлу (1836–1903).

[4]Дядя Дуаньфана по отцовской линии – Гуйцин (桂清), умерший в 1879 г., был учителем императора Тунчжи (同治, 1861–1875) [6, с. 2].

[5]Гоцзыцзянь (国子监, «Училище сынов государевых») – высшее учебное заведение в империи, готовившее государственных чиновников верхнего эшелона. В Пекине существует с 1306 г., составляя единый комплекс с храмом Конфуция.

[6]举人 – вторая из трёх конфуцианских учёных степеней.

[7]员外郎 – сверхштатный помощник (министра, директора департамента, начальника отдела в министерстве и т. п.) Поскольку в Цинскую эпоху эта должность чаще всего продавалась, термин приобрёл нарицательное значение.

[8]郎中 – охранник внутренних врат дворца; маньчжуры были военным сословием.

[9]Гуансюй (光緒) – девиз правления императора Цзайтяня (1875–1908).

[10]Был введён в число чиновников трёх высших рангов, присуждаемых не по выслуге, а императорским указом.

[11]Эта высокопарная фраза означает, что Дуаньфан не пострадал после сентябрьского переворота императрицы Цыси, положившему конец Ста дням реформ 1898 г. Бюро Дуаньфана было ликвидировано, а сам он спасся только благодаря заступничеству Жунлу и крупным взяткам [6, с. 13–14].

[12]Императрицы Цыси.

[13]洋学 – в эпоху Цин распространённое название естественных наук, которые требовались для подготовки современных кадров модернизируемого Китая.

VOL. 1 №1 2019

ISSN: 2686-9675

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ / МАРТЫНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, DMITRYMARTYNOV80@MAIL.RU / УДК 94(510).091±929

государств Запада и Востока[14]. После возвращения подал меморандум с описанием основного в политической системе Европы и США, и отсюда началось Высочайшим соизволением конституционное движение. В 32-й год (1907 г.) перемещён наместником Лянцзяна, где основывал учебные заведения, учредил полицию, провёл военную реформу и тренировал войска, а также подавил восстания на Янцзы и заработал репутацию всеобщего благодетеля.

10. В начальный год Сюаньтун (1908 г.)[15] он был направлен в провинцию Чжили, дабы поклониться гробу усопшей императрицы [Цыси] и присутствовать на похоронах. В погребальной процессии передвигался верхом и тем совершил святотатство, в чём его обвинил заместитель министра промышленности и торговли Ли Цзэхай, подал жалобу и потребовал отстранить от службы. Цензор Цзин Ютан обвинил его в преступлении, входящем в список Десяти зол[16]. Второй цензор Чжан Жэньцзюнь оправдывал его, о чём подал отдельный меморандум. [В результате Дуаньфану] пришлось уйти в отставку без порицания и покаяния – ему было оказано снисхождение[17].

11. В третий год [Сюаньтун] (1911 г.) [императорским указом Дуаньфану] присвоено звание шилана[18] и военного губернатора Сычуани, [осуществляющего надзор] за железной дорогой Гуанчжоу – Ханькоу. В то время решением правительства дорога была национализирована, и продолжена через Хунань, но дальнейшая трасса вызвала громкие споры. За Сычуань ратовала Хубэйская группировка, и, воспользовавшись моментом, добилась своего. Дуаньфан поспешно отправился в Ханькоу, и далее выступил на Сычуань, ибо получил известия, что наместник Чжао Эрфэн[19] действовал излишне поспешно[20]. Государевым указом он был назначен командующим карательной армии, и поставлен расследовать дела вместо него (т.е. генерал-губернатора Чжао Эрфэна). Узнав о самовластье начальников уездов, через которые проезжал, созывал к себе старейшин, возвещая о великом и добродетельном правлении (威德). Когда добрались до Цзычжоу, Хубэйская армия, [которой командовал Дуаньфан], подняла бунт. Возглавил восставших офицер по имени Лю Ифэн (刘怡凤), который ворвался к начальнику и говорил дерзко, но Дуаньфан пал несдавшимся[21].

12. Дуаньфан по натуре был независимым и не связывал себя мелочами. Очень любил бронзовые ритуальные сосуды и каменные стелы, живопись и каллиграфию[22]. [Коллекционированием в основном] занимался в регионах Цзяна и Ао[23], не любил пиров, а в изящной словесности талант его был равен древним, и почти достиг славы Жуань Юаня[24].

13. Его младший брат Дуаньцзинь (端锦) носил второе имя Шуцзюн (叔绱), [служил] магистратом в Хэнани. Участвовал в путешествии по западным и восточным странам для исследования транспорта, и составил краткое описание железных дорог Японии. Вместе со старшим братом был назначен в Сычуань, во время мятежа прикрывал Дуаньфана своим телом, громогласно обличал порочность бунтовщиков, и был убит ими[25].

Получив известия [о гибели братьев], попечитель наследного принца и распорядитель ритуала присвоил Дуаньфану посмертный титул «Верный и Способный» (忠敏); Дуаньцзинь удостоился титула «Верный и Милостивый» (忠惠). <…>

[14]За 7 месяцев – с декабря 1905 до июля 1906 г., комиссия Дуаньфана посетила 14 государств, включая Японию, США, Германию, скандинавские страны и Россию [6, с. 116–141].

[15]Сюаньтун (宣统) – девиз правления императора Пуи в 1909–1912 гг.

[16]十罪 – преступления, на которые не распространялись обыкновенные смягчающие обстоятельства, и по приговорам на которые не принимались апелляции. В первую очередь сюда входили разнообразные формы непочтительности, а также злоумышления на особу государя, в том числе магического и символического характера (Дуаньфана обвиняли в том, что он протянул телефонный кабель через геомантическое ограждение гробницы) [8, p. 223–225].

[17]Дело Дуаньфана в действительности происходило в 1909 г., когда он был назначен губернатором столичной провинции Чжили. Обвинения были надуманными, и выдвинуты из-за конфликта окружения регента Цзайфэна (отца малолетнего императора Пуи) с партией реформаторов-монархистов, которую возглавлял Дуаньфан [8, p. 226–233].

[18]侍郎 – заместитель министра.

[19]赵尔丰 (1845–1911) – генерал-губернатор Сычуани и последний цинский амбань Тибета, брат Чжао Эрсюня, который управлял непосредственно в Чэнду. Братья были известны крайней жестокостью при подавлении восстаний. Жизнеописание Чжао Эрфэня содержится в той же цзюани «Цин ши гао», что и Дуаньфана.

[20]Арест руководства Общества по защите железных дорог спровоцировал в Сычуани всеобщее восстание [2, с. 523–524].

[21]На самом деле Дуаньфан упрашивал сохранить ему жизнь на том основании, что его предки – не маньчжуры, а этнические китайцы из Чжэцзяна [7, p. 202–203].

[22]Дуаньфан собрал огромную коллекцию древнекитайских бронз и нефритов, а также гадательных надписей и эпиграфики. Собирал он и традиционную китайскую живопись. Этим вопросам специально посвящена монография Ло Чжао [3].

[23]Древние названия Хубэя и Цзянсу.

[24]阮元 (1764–1849) – китайский интеллектуал широкого профиля: историк науки, филолог, философ, математик, антиквар, библиофил, каллиграф. Удостоился высшей ученой степени цзиньши на дворцовых экзаменах 1789 г., один из первых этнических китайцев, занимавших высшие посты губернатора и генерал-губернатора. Также известен как выдающийся просветитель, основатель конфуцианских академий в Ханчжоу и Гуанчжоу. В 1816 г. осуществил образцовое издание конфуцианского «Тринадцатиканония» (十三經注疏), также известен как составитель «Биографий астрономов-математиков» (畴人傳), шестикратно переизданных в 1799–1955 гг.

[25]Головы братьев были отрублены, и в керосиновой банке отправлены руководству Учанского восстания. Глава гарнизона Ли Юаньхун вернул тела для захоронения в Пекин [3, с. 30].

ВЫВОДЫ

Текст «Цин ши гао», посвящённый Дуаньфану, впервые переведён на русский язык. Его анализ показывает следование традиционным лекалам официальной биографии. В тексте объёмом 498 иероглифов представлен базовый сюжет – карьера образцового служивого-конфуцианца. Однако ввиду того, что биография составлялась в 1920-е гг., элементы новизны очевидны. Требовалось отразить реалии империи Цин (например, покупка должностей) и новых вызовов эпохи. Поскольку длительное путешествие на Запад с целью усвоения ценностей, чуждых конфуцианству, не могло быть игнорировано, составитель постарался только упомянуть о нём. Наиболее сложными были описания «смут», противоречащих традиционной доктрине династического цикла. В сущности, роль Дуаньфана как в событиях 1898 г., так и революционного 1911 г. была полностью фальсифицирована. Как следует из сохранившихся документов, Дуаньфан не желал назначения руководителем Ханькоуской железной дороги и всячески оттягивал свой отъезд из Пекина, хотя в биографии сказано прямо противоположное. Его путь к героической гибели обставлен как агиография образцового служивого, и предельно краткое жизнеописание брата главного героя служит, чтобы оттенить подвиг великого сановника. В действительности, кончина Дуаньфана не содержала никаких героических элементов.

Корпус биографий в официальных исторических хрониках китайских династий содержал наибольшее количество конкретных исторических фактов, и служит бесценным историческим источником. Сопоставление текстов ле чжуань с корпусом других источников позволяет раскрыть конкретные исторические задачи, которые ставились перед историками-составителями, и проанализировать механизмы достижения политических и пропедевтических целей. Это особенно важно, ввиду большого интереса к глобальным процессам разрушения империй в первые десятилетия XX в., а также почти полной неизученности как «Цин ши гао», так и личности Дуаньфана в российской историографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб.: Филол. ф-тет СПбГУ, 2002. 288 с.
2. История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. / отв. ред. Тихвинский С. Л.; Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука–Вост. лит., 2014. Т. VI: Династия Цин (1644 –1911) / отв. ред. О. Е. Непомнин. 886 с.
3. Ло Чжао (罗覃). Лянвэй Чжунго ишупин шоуцаньцзя дэ цзяохуй: Дуаньфан юй Фу Кайсэнь =两位中国艺术品收藏家的交汇: 端方与福开森 (Сотрудничество двух коллекционеров в Китае: Дуаньфан и Джон Фергюсон). Цзинань: Шаньдун хуабао чубаньшэ, 2013. 183 с.
4. Цин ши гао: Раздел «Жизнеописания», 256 = 清史稿:《列傳二百五十六》// 中國哲學書電子化計劃.
5. URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=207431 Режим доступа: свободный.
6. Цин ши гао: Цзюань 469 = 清史稿/卷469 //维基文库. URL: https://zh.wikisource.org/zh/清史稿/卷469 Режим доступа: свободный.
7. Чжан Хайлинь (张海林). Дуаньфан юй Цинмо синьчжэн =端方与清末新政 (Дуаньфан и «Новая политика» в эпоху Поздней Цин). Нанкин: Наньцзин дасюэ чубаньшэ, 2007. 577 с.
8. Rhoads E.J. M. Manchus and Han: ethnic relations and political power in late Qing and early republican China, 1861–1928. Seattle & London: University of Washington Press, 2000. X, 394 p.
9. Zhang Jun. Spider Manchu: Duanfang as Networker and Spindoctor of the Late Qing New Policies, 1901–1911: Ph.D. dissertation. San Diego: University of California, 2008. XII, 282 p.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES (IN ENGLISH, CHINESE, RUSSIAN)

1. Doronin, B.G. (2002) Istoriografiya imperatorskogo Kitaya XVII–XVIII vv. [Historiography of Imperial China in 17-18 centuries]. Saint-Petersburg, Russia: Phil. Faculty of St. Petersburg State University publ. 288 p. (In Russian)
2. Nepomnin, O.E., ed. (2014) Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremyon do nachala XXI veka: v 10 t. [The history of China from ancient times to the beginning of the 21 century in 10 vols.]. Vol. 6: Qing dynasty (1644–1911). Moscow: Nauka publ. & Vostochaya literatura. 886 p. (In Russian)
3. Luo Zhao (2013) Lianwei Zhongguo yishuping shoucanjia de jiaohui: Duanfang yu Fu Kaisen [The intersection of two Chinese art collectors: Duan Fang and Fu Kaisen]. Jinan: Shandong huabao chubanshe. 183 p. (In Chinese)
4. Qing shi gao. Lie zhuan, 256 [The draft history of Qing, Biographies] URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=207431 (In Chinese)
5. Qing shi gao: juan 469 [The draft history of Qing, Scroll 469] URL: https://zh.wikisource.org/zh/清史稿/卷469 (In Chinese)
6. Zhang Hailin (2007) Duanfang yu Qingmo xinzheng [Duan Fang and the New Deal in the Late Qing Dynasty]. Nanjing: Nanjing daxue chubanshe. 577 p. (In Chinese)
7. Rhoads E.J. (2000) Manchus and Han: ethnic relations and political power in late Qing and early republican China, 1861–1928. Seattle & London: University of Washington Press. 394 p.
8. Zhang Jun (2008) Spider Manchu: Duanfang as Networker and Spindoctor of the Late Qing New Policies, 1901–1911: Ph.D. dissertation. San Diego: University of California. 282 p.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitry Martynov, Full Professor, Dr.Sci.
Department of Altaic and Chinese Studies
Kazan Federal University
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18, Russia
dmitrymartynov80@mail.ru

Принята к публикации: 15.09.2019 г.

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ / ШУЛЬГА ДАНИИЛ ПЕТРОВИЧ, ALKADDAFA@GMAIL.COM / УДК 902/904 (516)

ИЗОБРАЖЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ НА НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКАХ КИТАЯ[1]

PETROGLYPHIC IMAGES OF VEHICLES IN CHINA

***Шульга Даниил Петрович**, канд. ист. наук*
Кафедра Международных отношений и гуманитарного сотрудничества
Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства
и госслужбы при Президенте РФ
alkaddafa@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные находки наскальных изображений колесниц в Северном Китае, а также петроглифы с лодками с юга КНР.

***Ключевые слова и фразы:** петроглифы, колесницы, лодки, Китай, Восточная Азия.*

***Для цитирования:** Шульга Д.П. Изображение транспортных средств на наскальных рисунках Китая. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1 (1): 43-45.*

ABSTRACT

The article examines the main rock paintings finds of chariots in Northern China, as well as petroglyphs with boats from the south of PRC.

***Key words and phrases:** petroglyphs, chariots, boats, China, East Asia.*

***For citation:** Shulga D.P. Petroglyphic images of vehicles in China. Modern Oriental Studies. 2019; 1(1): 43-45.*

В легендах и мифах Поднебесной изобретение колесного транспорта то приписывается Си Чжуну во времена Ся, то самому Жёлтому императору. На основании данных археологии и их анализа, ныне доминируем мнение, что телеги и колесницы попали в Китай приблизительно в III тыс. до н.э. (бронзовый век), проникнув на Центральную равнину из степей Евразии. Что касается нарративных и эпиграфических источников под данному вопросу, то уже в гадательных надписях цзягувэнь эпохи Шан существует несколько знаков со значением «повозка». Очевидно, уже тогда перемещение на колёсном транспорте было весьма распространено.

Наскальные изображения колесниц сосредоточены в первую очередь в северной части Поднебесной (Синьцян-Уйгурский АР и АР Внутренняя Монголия) (рис. 1–1, 4, 5). Данный феномен неудивителен, так как именно здесь преобладает степной ландшафт, благоприятный для перемещения на колесном транспорте. Также именно эта часть Китая ближе всего к Южному Уралу – признанному центру распространения колесниц. Главный район сосредоточения наскальных рисунков на севере Синьцзяна – Китайский Алтай [1] (рис. 1–3). Самые ранние наскальные изображения транспортных средств были найдены в в Утубулаке и возле озера Барда. Колёса здесь изображены без спиц (очевидно, во времена создания еще использовался цельный деревянный круг). У транспортного средства нет ни одной оглобли, так что конструкция повозки весьма примитивна. Судя по этому, возраст петроглифов около 4 тыс. лет или чуть меньше. Надо отметить, что в столь отдаленную эпоху описываемый регион находился вне культурного круга Центральной равнины [7, с. 15–40].

Обширный материал дают петроглифы с гор Иньшань во Внутренней Монголии [5, с. 41]. Хронологически, очевидно, время их создания относится к эпохе ранних кочевников. Петроглифы показывают, что у номадов был развит колесный транспорт и налажено его производство. Видно, что одновременно использовались различные типы повозок, от хозяйственных до церемониальных. Количество спиц в транспортных средствах не одинаково, но в основном варьируется от четырёх до девяти. Сразу оговоримся, что петроглифы Иньшаня, как и наскальное искусство вообще, очень сложно датировать. Например, между здешними колесницами и знаками с гадательных надписей цзягувэнь есть масса сходств. Так что довольно достоверно

[1]Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»

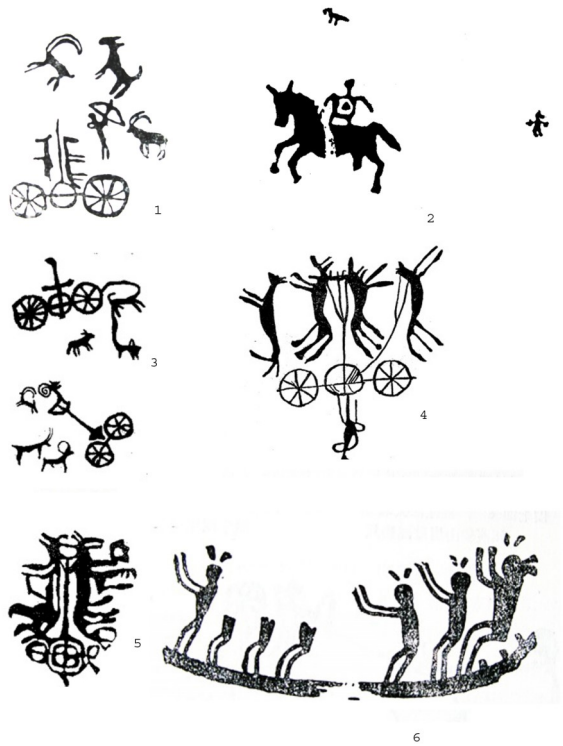


Рисунок 1: 1 – изображение с памятника Толиньгоу в горах Иньшань, уезд Дэнкоу Автономного района Внутренняя Монголия; 2 – изображение с памятника Мамая в Буи-мяоском автономном уезде Гуанлин (关岭布依族苗族自治县); 3 – изображение колесницы на петроглифах СУАР; 4 – изображение колесниц на петроглифах Монголии; 5 – наскальные изображения из городского округа Улан-Цаб во Внутренней Монголии; 6 – изображение с памятника Хуашанья в уезде Нинмин Гуанси-Чжуанского АР.

можно говорить лишь о том, что иньшаньские писаницы относятся к I тыс. до н.э. Опишем одно из наиболее характерных изображений. У транспортного средства есть оглобля, колёса, повозка, ось, размер и внешний вид двух колёс отличается. На левом колесе восемь спиц, а на правом девять; кузов округлой формы, как бы сквозь него проходит ось. С каждой стороны длинной оглобли находится лошадь. В верхнем правом углу картины стоит охотник, в руках он держит длинный лук и целится в диких копытных. Из этого видно, что транспортные средства могли предназначаться для преследования и транспортировки добычи (рис. 1–1). На наскальных изображениях транспортных средств с гор Иньшань повозку за собой влекут лошади [4, с. 2–14]. Лошадей на территории современной Китайской народной республики, очевидно, одомашнили в бронзовом веке. Обнаруженные наскальные изображения транспортных средств в степях Северного Китая не только предоставляют нам визуальную информацию для исследования транспортных средств древних номадов, но и позволяет изучить развитие, проникновение повозок и колесниц из Уральского и Сибирского регионов в Поднебесную. Петроглифы очевидно подтверждают взаимное влияние различных субрегионов Евразийской степной зоны. Возможно, это также косвенно связано со становление ранних торговых маршрутов, на базе которых, вероятно, впоследствии сложилась северная ветвь Шёлкового пути [2].

Китай, хотя и вряд ли может быть назван родиной колесниц, обладал ими уже в эпоху Шан и, потом, при династии Чжоу. Поднебесной трудно конкурировать в этой связи с Месопотамией, однако на Центральной равнине боевые повозки довольно быстро стали мерилом военного могущества. В книге «Планы Сражающихся царств» в разделе «планы Чжуншань» пишется о ситуации среди пяти государств, случившейся в середине эпохи Чжаньго. Царство Ци проводило недружелюбную политику по отношению к царю Чжуншаня, основываясь на том, что «наша страна может выставить 10 000 колесниц, а Чжуншань может выставить 1000 колесниц, как же можно говорить о равенстве наших царств?». Данный отрывок также показывает, что в Китае переход от колесницы к верховой лошади был продолжительнее, чем у северных и западных соседей [7].

При этом, разумеется, в хозяйстве «варваров» использование повозок продолжалось очень долго. На западе казахстанских степей с VIII в. до н. э. повозки, запряженные лошадьми, очевидно, были основным средством перевозки скарба при перекочёвках, хотя в военной сфере уже, видимо, доминировали всадники. В «Истории» Геродот сказал, что у кочевых народов имелись двухколёсные, четырехколесные, шестиколёсные транспортные средства, в которые запрягались кони, верблюды или быки. Сверху повозку закрывали войлоком. Очевидно, что скотоводы развивали подобные средства передвижения с весьма раннего периода. По мере распространения верховой лошади колесницы сменяются изображениями воинов-наездников, причем не только на севере, но и в центральных районах Китая, например, в Гуйчжоу (рис. 1–2) [3]. Интересно отметить, что в некоторых случаях (как было и с колесницами) мы имеем дело со всадникам не в качестве воинов, а в качестве охотников (рис. 2–2, 3, 4).

Если на севере Поднебесной основным видом транспорта были повозки и лошади, юг страны в гораздо большей степени зависел от рек, как источника рыбы (рис. 2–6, ср. рис. 2–5) и транспортных артерий (рис. 1–6). Наиболее яркий петроглиф в этой связи – изображения лодки из Гуанси-Чжуанского АР (уезд Нинмин, наскальные рисунки гор Хуашань). Лодка обозначена широкой линией, загнутой по краям. На борту семь человек, их лица повернуты налево (три фигуры сохранились не полностью). Изображение в форме корабля часто встречается на древних медных барабанах в южном Китае, так что по аналогии можно предположить, что описанный петроглиф датируется втор. пол. I тыс. до н.э. (например, по аналогии с барабаном, найденном в Шичжайшане, пров. Юньнань).

VOL. 1 №1 2019

ISSN: 2686-9675

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ / ШУЛЬГА ДАНИИЛ ПЕТРОВИЧ, ALKADDAFA@GMAIL.COM / УДК 902/904 (516)

Рисунок 2: 1 – изображение в горах Иньшань, Автономный район Внутренняя Монголия; 2 – изображение с памятника Цзанбэйцзялиньшань в Тибете; 3 – изображение с памятника Тогэлакэ-Булабу (托格拉克布拉布), уезд Токсун, СУАР; 4 – изображение с памятника Хуайтоутала, пров. Цинхай; 5 – изображение рыбаков с петроглифов Индии; 6 – изображение с памятника Матанбасюаньгуанцзан (麻塘坝悬棺葬) у уезде Гун, пров. Сычуань.

Кроме Гуаньси, наскальные изображения водного транспорта есть в прибрежных районах юго-востока Китая. Например, в Макао обнаружено весьма схематичное наскальное изображение «корабля» с мачтой.

Гораздо более выразительная композиция предстает перед нами на острове Гаолан (городской округ Чжухай, пров. Гуаньдун), где длина «картины» достигает 5 метров. Суда и люди на них детально переданы, вокруг них бурлят волны. Произведение, видимо, изображает большой флот лодок, идущих на парусах в море. Датировка гаоланских петроглифов весьма дискусионна, но, вероятно, относится к нач. II тыс. до н.э. [6].

Океан в истории юга КНР был важной частью культурной, экономической и социальной жизни как минимум с бронзового века. Море обеспечивало пищей и является основным каналом обмена товарами и инновациями. Море на юге, как колесный транспорт на севере, позволял установить контакт народам различных культурных ареалов и языков. Также столь непохожий, казалось бы, транспорт одинаково использовался для добычи пищи. Подтверждением этому, как мы увидели, служит наскальное искусство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wang Binghua. The Polychrome Rock Paintings in the Altay Mountains // Silk Road. 2005. №3 (1). Pp. 16–23.
2. Ань Ли. Бэйфан цаоюань яньхуа юй гудай юму миньцзу [安丽。北方草原岩画与古代游牧民族//岩画研究] Петроглифы северных степей и древние скотоводы // Яньху яньцзю (2012–2013). Иньчуан: Нинся яньхуа яньцзю чжунсин, 2013. С. 62–70.
3. Ван Лянфань. Гуйчжоу яньхуа [王良范。贵州岩画] Петроглифы Гуйчжоу. Гуйян: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 1997. 163 с.
4. Сяо Дунфа, Гао Лилай. Яньхуа гуюнь [肖东发、高立来。岩画古韵] Традиционное чтение петроглифов. Пекин: Сяндай чубаньшэ, 2014. 165 с. (на кит. яз.)
5. Тун Юншэн, Хуэй Фупин. Чжунго яньхуа дэ шиляо цзячжи [童永生、惠富平。中国岩画的史料价值//图书与情报] Ценность петроглифов Китая как исторического источника // Туши юй цинбао, 2011, №1. С. 140–144.
6. Хуан Яци. Тайпинъян шандэ ханхай чжэ – наньдао юйцзу яньхуа чжун дэ «чуань» син яньцзю [黄亚琪。太平洋上的航海者—南岛语族岩画中的"船"形研究//东南文化] Мореплаватели Тихого Океана – исследование петроглифов австронезийцев // Дуннань вэньхуа, 2016, №6. С. 76–83.
7. Чжан Тенань, Алифуцзян Нияз, Тань Нинчжи. Синьцзян Мохучахань муди [张铁男、阿里甫江•尼亚孜、谈宁执。 新疆莫呼查汗墓地]. Могильник Мохучахань в Синьцзяне. Пекин: кэсюэ чубаньшэ, 2016. 410 с. (на кит. яз.)

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Шульга Даниил Петрович, канд. ист. наук

Кафедра Международных отношений и гуманитарного сотрудничества

Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ

alkaddafa@gmail.com

Принята к публикации: 15.09.2019 г.

MODERN ORIENTAL STUDIES
СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
VOL.1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
INTERNATIONAL SCIENCE JOURNAL / МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЛИЯНИЕ ДАОССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА «КАЙХУСЁ» – ОБРАЗ ЖУРАВЛЯ

道家文化对《怀风藻》的影响 — 以鹤意象为中心

Янь Сю, *Master、Lecturer*
Hunan Normal University, College of Foreign Studies
enshu1981@hotmail.com

АННОТАЦИЯ / ABSTRACT

Журавль, как птица-счастья в китайских и японских стихах, является одним из важных образов. В китайской литературе у журавля имеется множество символических значений, среди которых «благоприятный», «бессмертный», «долголетие» и другие, часть из них происходят из даосской культуры. В «Кайхусё», репрезентативном сборнике китайской поэзии в древней японской литературе, взаимосвязью образа журавля между японскими и китайскими стихотворениями являются символы благополучия и бессмертия. Таким образом, сходство образов журавлей свидетельствует о связи китайской литературы и японского поэтического сборника «Кайхусё».

Ключевые слова и фразы: *Кайхусё, журавль, китайская литература, влияние.*

Для цитирования: *Янь Сю. Влияние даосской культуры на «Кайхусё» – образ журавля. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(1): 46-49.*

The crane, chanted as a lucky bird in both Chinese and Japanese poems, is one of the important images. In Chinese literature, cranes have many kinds of images, among which "auspicious", "immortal", "longevity"and other crane images all originate from Taoist culture. In Kaihūsō, the representative collection of Chinese poetry in Japanese Ancient Literature, the connectivity can be found in Japanese and Chinese poems In terms of the implication of the crane as an image of auspiciousness and immortality. Therefore, the similarity of crane images is the witness of the reception in Kaihūsō of the Chinese Literature.

Key words and phrases: *Kaihūsō； the crane；the Chinese literature；the influence*

For citation: *Yan Xiu. The influence of Taoist culture on Kaihūsō — Focusing on Crane Image. Modern Oriental Studies. 2019; 1(1): 46-49.*

摘要

鹤作为瑞鸟的象征是中日诗歌咏叹的重要意象之一。在中国文学中，鹤有多种意象，其中"吉祥"、"成仙"、"长寿"等鹤意象皆源自于道家文化。日本上代文学的代表性汉诗集《怀风藻》中，鹤的吉祥和成仙之意蕴与汉诗文相通。因此，鹤意象的相似性是《怀风藻》对汉文学尤其是道家文学积极受容的见证。

关键词：怀风藻、鹤、道家文化、影响

1.《怀风藻》概述

《怀风藻》是日本最早的汉诗集，成书于孝谦女帝天平胜宝三年（751）。收录了64名诗人的汉诗120首，编者不详。诗集名《怀风藻》意喻"缅怀先哲遗风"，"藻"疑出典于陆机《文赋》"藻，水草之有文者，故以喻文焉。"

《怀风藻》借用儒道老庄典故，文风浮华，讲究对仗，多处可见中国六朝以及先唐文学的影子。这体现了自奈良时代起日本文坛对汉文学的重视，也反映了当时尊尚汉风文化的潮流。当时的日本文人还不熟悉汉诗，在创作过程中尝试符合押韵、对仗、格式的要求，作品多风格单调而缺乏新意。《怀风藻》的作品虽不尽成熟，但可窥知日本于汉诗创作起步时期的世态，其在文学史上的价值备受学界关注。

《怀风藻》中收录鹤的相关汉诗共有六首，象征意义可分为两种：吉祥、成仙，均与道家文化有着千丝万缕的联系。之前的中日两国的古代文学研究中尚未见全面系统的研究。故而，本文以鹤意象为切入点，运用传统影响研究方法，探求道家文化对《怀风藻》的影响。

2. 中国文学中的鹤意象

在中国文学中，"鹤"一般指丹顶鹤，美名曰"仙鹤"，朱顶露眼、雪翅修趾，形貌潇洒，飘逸脱俗，鸣中律，舞应节，被称为仙人之骐骥，鸟中之仙子。

ISSN: 2686-9675

2.1. 鹤的常见意象

鹤在中国文学中的象征意义以正面和中性为主，如吉祥、成仙、长寿、情义、君子、信使、孝道等。

吉祥

在古代，鹤是仙禽，祥瑞，是吉祥的象征。一方面，鹤象征清平社会、太平盛世。《焦氏易林》曰“白鹤衔珠，夜食为明，膏润优渥，国岁年丰。”可见，鹤的祥瑞之征与特定的政治文化相联系，表达了古人对清平世界的理想和追求。《艺文类聚》云：“游云驻彩，仙鹤来仪，都人野老，云集雾会，结轸方衢，飞轩照日。”古人有语“有凤来仪”。凤，凤凰，传说中的百鸟之王。仪，配合。有凤来仪是吉祥的征兆。在这里“仙鹤来仪”也是相同含义。另一方面，鹤象征不凡之人或美好的事物。古人以梦鹤生子预示出生之人的非同凡响，如《玉芝堂谈荟·仙释将相诞生梦徵》记载：“张九龄母梦九鹤自天而下，飞集于庭，因生九龄。”如“凤鸣鹤唳”，形容优美的声音。“翡鸟翔于南枝，玄鹤鸣于北野。青鱼跃于东沼，白鸟戏于西渚。”（《艺文类聚》）翡鸟、玄鹤、青鱼、白鸟都是吉祥的物象，因此用排比句并列一起，形容所处地方风水上佳，祥瑞四现。

成仙

唐代康骈《剧谈录·严史君遇终南山隐者》：“既还辇毂，不喜更尝滋味，日觉气壮神清，有骖鸾驭鹤之意。”“骖鸾驭鹤”，驾驭鸾凤仙鹤，比喻成仙。“昔人已乘黄鹤去，此地空余黄鹤楼，黄鹤一去不复返，白云千载空悠悠。”（唐代崔颢《黄鹤楼》）黄鹤楼因其所在之黄鹤山而得名。传说古代仙人乔子安乘黄鹤过此（《齐谐志》）。又传说费文伟登仙驾鹤于此（《太平寰宇记》引《图经》）。“此山具鸾鹤，往来尽仙灵。”（《文选》）“望西南，有物飘然，降自云汉，俄顷已至，乃驾鹤之宾也。鹤止户侧，仙者就席。”指出“驾鹤之宾”就是“仙者”。有时鹤也指代仙人。如《明统一志》记载：“相传石翁山梁时望气者言有王气，凿之有双白鹤，飞鸣化为真人，乘霞而去。”描述了白鹤化为仙人、乘着云霞飞走的故事。《艺文类聚》也有记录“搜神记曰，辽东城门有华表柱，忽有一白鹤集柱头，时有少年，举弓欲射之，鹤乃飞，徘徊空中而言曰，有鸟有鸟丁令威，去家千岁今来归，城郭如故人民非，何不学仙冢垒垒。”记述的故事乃是仙人化为白鹤，劝人们学习修仙之术。《艺文类聚》还记录有故事“孙钟，富春人，与母居，至孝笃信，种瓜为业，忽有三年少来乞瓜，为钟定墓地，出门悉化为白鹤，孙权祖也。”古人认为，先人都已成仙，因此，在这里白鹤也是仙人的代称。

长寿

鹤是仙人的坐骑，仙人是长生不老的，自然而然，鹤也被赋予了长寿的意义，因此有“仙鹤”的说法。古人认为鹤“天寿不可量”。《淮南子》云“鹤寿千岁，以极其游。”鹤寿无量，人们常以“鹤寿”、“鹤龄”、“鹤算”作为祝寿之词。“低松犹百丈，少鹤已千年。”《艺文类聚》“养生要曰：鹤寿有千百之数”（《文选》）“神仙传曰：借问蜉蝣辈，宁知龟鹤年？”（《文选》）人们常说的松鹤延年、鹤发童颜等都表达了人们对长寿的单纯美好的希冀。鹤也常和松被画在一起，取名为“松鹤长春”、“鹤寿松龄”；鹤与龟画在一起，其吉祥意义是龟鹤齐龄、龟鹤延年；鹤与鹿、梧桐画在一起，表示“鹿鹤同春”。

情义

鹤是“义鸟”，对于亲情爱情都非常执着，常用以指代忠贞的爱情、缠绵的亲情或者深厚的友情。

《渚宫旧事补遗》有载，新阳太守将雌鹤和雄鹤分开，雌鹤送给湘东王，雄鹤就飞赴雌鹤身旁，“双鹤相逢，以舞共欣，可见其情”。李郁华《双鹤铭》曰：“生并栖兮中林，死同穴兮芳岑。相彼羽族兮而贞烈其心，世之不义愧斯禽。”“别鹤”是汉文学中常见意象。用以指夫妻分离，抒发别情。如“翩翩孤雁何所栖，依依别鹤半夜鸣。”“一为别鹤弄，千里泪沾衣”“镜想分鸾，琴悲别鹤，心如膏火，独夜自煎，思等流波，终朝不息。”“独鹤人笛悲”（《艺文类聚》）“白鹤噭以哀号兮，孤雌跱于枯杨。”（《文选》）如《江总集》曰：“庐山远法师未出家，善弩射，常于鹤窟射得鹤雏，后复伺鹤母，见将射之，鹤不动翔，观之已死于窠中。疑其爱子致死，破视心肠，皆寸绝，法师于是放弩，发菩萨心。”《文选》第十二卷有描写：“鹤子淋渗，群飞侣浴”，描述的是鹤父子共浴，表达了鹤的亲子之情。

君子隐士

鹤在古人眼里是君子、隐士的化身，即具有高尚品德的贤能之士或者超脱隐逸的隐士。《后汉书·杨震传》中杨赐上书汉灵帝说:“惟陛下慎经典之诫，图变复之道，斥远佞巧之臣，速征鹤鸣之士。”“鹤鸣之士”即从《周易》、《诗经》化用而来，指未出仕而德才兼备且有声望之人。《艺文类聚》提到：“《抱朴子》曰‘周穆王南征，一军尽化，君子为猿为鹤，小人为虫为沙。’”又《诗经》中的“九皋鹤”、《楚辞》中的“玄鹤”或喻为隐士，或比拟为洁白之君子。此外，君子未达且遭困厄之时，常以“雨淋鹤”相喻。《艺文类聚》中有云“依俙子陵之钓．髣鹤之偏叫”。子陵，指东汉高士严子陵，他拒绝光武帝刘秀之召，隐居垂钓而闻名古今。诗文把子陵和鹤一并提起，有用鹤比喻隐士的作用。《艺文类聚》还引用了魏晋石崇的思归引。“思归引，归河阳。假余翼鸿鹤高飞翔。”在这里鹤指代空有一身才能、一腔抱负却无处施展的有志之士。常用的成语中也有很多与鹤相关的。“惭凫企鹤”比喻惭愧自己的短处，羡慕别人的长处。“鹤立鸡群”一只鹤站在鸡群中，比喻一个人的才能或仪表超群出众。

信使

伊世珍《嫏嬛记》“西王母有三鸟，一曰青钟，二曰鹤，三曰燕子，常令三鸟送书于汉武帝也。”，可见，鹤与青钟、燕子一样，都是送书之使。除了神话中如此，人间亦有类似例子。《说郛》“晁采畜一白鹤，名素素。一日雨中忽忆其夫，试谓鹤曰`昔王母青莺、绍兰、燕子皆能寄书达远，汝独不能乎？鹤延颈向采，若受命状。采即援笔直书二绝，系于其足，竟至其夫，寻即归矣。”由于鹤的寄信传情之功能，所以诗中亦有直接以鹤寄心之说法，汤惠休《杨花曲》曰“黄鹤西北去，衔我千里心”。

孝道

鹤还常常是孝文化的链接。人若至孝，则能感鹤而下，体现了鹤的人情化、伦理化的色彩。古有陶侃悼母而有双鹤来吊的故事，故而悼念死者又被称为“鹤吊”。《晋书》中的吴隐之事母至孝，为执母丧，哀毁过礼，“每至哭临之时，恒有双鹤警叫。”《南史》中刘霏母胡氏卧病，雾以年老之躯，为其母颂观世音经数万遍。后母亡时，“雾庐于墓，哀坳过礼，常有双白鹤循翔庐侧。”此书又载，庚域母好鹤唉，域在位时便积极谋求，一片孝心，终于感鹤而下。《山西通志》中的郭安亦极有孝行，“前后庐墓六年，有白鹤旋绕之异。”

2.2. 道家文化中的鹤意象

而提到鹤文化，就不得不提到道家文化。道教作为发源于华夏大地的宗教流派，深深扎根于中华传统文化。它起源于战国时代诸子百家中的道家学派，并将道家的哲学思想逐步神化，形成了以尊道贵德、道法自然、返璞归真、修身养性、延年益寿、得道成仙等为教义的宗教思想。而鹤出尘脱俗的形象、宁静淡泊的寓意和长寿的象征都与道教的教义追求不谋而合。

丹顶鹤的色彩构成非常独特，整个身躯以白色为基调，二、三级飞羽和颈部为黑色。白色固有的一尘不染的品貌特质，常使人们从中体会到纯洁、神圣、光明、洁净、正直、坦率、缈缈的思想启迪。黑色常呈现出力量、永恒、刚正、神秘、高贵、坚强的意味。黑白两极色集中在丹顶鹤的身上，很容易使人联想到道教太极图中阴阳鱼黑白色彩对比所昭示的阴阳、虚实、无有、负正的对立意念，给人以神秘感和强烈锐利的美的冲击力。

在道教典籍中关于鹤的神话传说俯拾皆是，大部分可以归为两类：第一类，鹤为仙人座驾或是跨鹤成仙。古人把鹤视作仙禽，“*憩青田，饮瑶池，游紫府，*餐琅玕”，具有仙风道骨（《艺文类聚》）。道教认为，鹤是仙人座驾之一，是修行得道的标志，是神仙修为的具象化，是他们达到一定境界时神通的展现，象征着“胎圆功成”，常代指成仙。这类记载中最有名的就是仙人王子乔了，宋张君房《云笈七签》卷八十五中就说王子乔“果乘白鹤驻山头”。道教典籍《法海遗珠》卷十四中记载有“掌鹤灵官”这一职务，专门负责仙人的鹤驾。第二类，人化鹤而成仙或者仙人化为鹤身来到人间。《云笈七签》中记载了丁令威的故事，为“化鹤”故事的典型。《辽东诸丁谱》载，令威汉初学道得仙矣。（云笈七签·卷一百一十·洞仙传）丁令威成仙后可以随意变化身形，曾化为鹤身回乡。鹤既是仙人的坐骑，又是仙人的化身，自然也获得了人们的重视和青睐。由此可知，“吉祥”、“成仙”、“长寿”等鹤意象皆源自于道家文化。

在鹤文化的普及、推广方面，道家功不可没。汉统一中国后，道家借黄帝、老子的名义，形成黄老道家。东汉统治者有不少喜好黄老养生术。上有所好，下必甚焉，黄老道学在东汉蓬勃发展。老子被神化为天地万物的最高神灵，即太上老君。到了魏晋南北朝时期，道学取代儒学成为当时的主流思想，形成玄学思潮，把鹤文化推向更为兴盛的高峰。因此，自东汉开始，从帝王君主、将相公侯、文人雅士到平民百姓都对鹤喜爱之至。在文学领域中，中国古代文人以鹤为题材的创作涵盖了诗词歌赋文和笔记小说等各种文体。

3.《怀风藻》中的鹤意象

《怀风藻》中收录鹤的相关汉诗共有六首，象征意义可分为两种：吉祥、成仙。以下将对六首汉诗分组考证。

3.1. 吉祥

（1）006七言述志

天紙風筆畫雲鶴，山機霜杼織葉錦。

第006首是大津皇子的诗作，流传久远，脍炙人口。大津皇子（663—686）是天武天皇的长子，德才兼备，幼年好学，博览典籍，擅长汉诗、和歌。因对日本的汉诗、和歌兴盛贡献较大，“诗赋之兴，自大津始”这一持统纪的记述为人熟知。日本上代诗歌巨著《万叶集》与《怀风藻》留有他的辞世诗。

该诗采用七言二句无韵的古诗形式，诵咏方式特别。澤田総清指出“志”的出典“志，《舜典》‘诗言志’，《说文》‘心之所适谓之志’，《论语》‘子曰，吾十有五而志于学’，《孟子》‘夫志气之帅也’”东大寺讽诵文中记载「织叶锦时」，弘法大师「远江浜名淡海図」盛赞“天纸风笔画云鹤、山机霜杼织叶锦”。该联借用“云鹤”“叶錦”衬托了大津皇子的清澈、华美的内心。

“云鹤”一词更是常见于汉诗文中。

云鹤有奇翼，八表须臾还。（魏晋·陶潜·连雨独饮）

何惭云鹤起，讵减凤惊时。（南北朝·江洪·咏舞女诗）

后人承接下联“赤雀含書時不至、潜龍勿未安寝。”作者不明，学界推测是《怀风藻》的编纂者之作。“朱雀”是瑞鸟，《礼记》“人有至诚，天地不能隐。如文王有至诚，招赤雀之瑞也。”《史记》的注中引用纬书“赤雀含书”。《尚书》“季秋，赤雀衔丹书，入酆，止于昌户。昌拜稽首，受最曰：‘姬昌苍帝子。’”（据《艺文类聚》卷十引）《瑞应图》曰：“赤雀者，王者动作应天时，则衔书来。”（据《艺文类聚》卷九十九引）古人认为，世间有将为帝王的人兴起，就会有赤雀衔丹书出至，表示应天授命。周文王时，即有丹雀衔书入酆的事。后用为咏贤君德政之典。此处将“朱雀”与“云鹤”相提并论，可见也是将“云鹤”视为瑞鸟之意。

（2）040五言春苑應詔

聖衿愛良節，仁趣動芳春。素庭滿英才，紫閣引雅人。

水清瑤池深，花開禁苑新。戲鳥隨波散，仙舟逐石巡。

舞袖留翔鶴，歌聲落梁塵。今日足忘德，勿言唐帝民。

1. 胡志昂．大津皇子の詩と歌：詩賦の興り、大津より始れり［J］．埼玉学園大学紀要.人間学部篇(13),201312：333-348.
2. 澤田総清．懐風藻注釈［M］．大岡山書店,1933：53.

ISSN: 2686-9675

3.2. 成仙

（3）011五言遊龍門山　一首

命駕遊山水，長忘冠冕情。安得王喬道，控鶴入蓬瀛。

“龙门”暗含了诗人对仙境的向往。汉朝李膺登龙门的传说广为人知。诗中的龙门位于吉野山。古代日本盛行神仙思想，吉野一直被视为异境之地。此外，吉野宫的瀑布周围盛产水银，故而被视为长生不老的世界。

“王乔”即王子乔，周灵王的太子、王氏始祖，幼时天资聪颖，温良博学，不慕富贵，喜爱静坐吹笙，乐声优美如凤凰鸣唱。后得道驾鹤于氏山头升天。曹操集《陌上桑》“赤松王乔，亦云得道。”《历世真仙体道通鉴》云："王君名晋，字子乔。亦名乔，字子晋。周灵王有子三十八人，子晋太子也。生而神异，幼而好道。虽燕居宫掖，往往不食。端默之际，累有神仙降之，虽左右之人弗知也。"后得天台山浮丘公降授道要，修"石精金光藏景录神"之法，又于灵王二十二年，接之登嵩高山。后数年之七月七日，"乘白鹤谢时人，升天而去。"《列仙传·王子乔》记载“王子乔者，周灵王太子晋也。好吹笙作凤凰鸣，游伊洛间，道士浮丘公接以上嵩高山上。三十年后，求之于山上，见桓良，曰：‘告我家，七月七日，待我于缑氏山头’。至时，果乘白鹤驻山头。望之不得见，举手谢时人，数日而去。亦立祠于缑氏山下，及嵩高首焉。妙哉王子，神游气爽。笙歌伊洛，拟音凤响。浮丘感应，接手俱上。挥策青崖，假翰独往。”此后，鹤与成仙紧密相连。

“蓬瀛”指代蓬莱与瀛洲，意味仙人居住的海中之山，与方丈并称“三名山”。

该诗表达了诗人游览吉野的龙门山时，期待忘却世俗的事务烦忧，像王乔那样得道驾鹤升天，从而去往东海神山。日本诗史评价该诗“风骨苍老，不减皇考，祥诗意，壬申之乱后，潜晦形迹，纵情泉石歟。”《本朝百人一首》评价“葛野王者大友子也，可谓有皇考之遗风也。读此诗，则学仙之人也。未知果然乎。盖避时嫌以讬言于方外乎。”（澤田総清，1933）75

（4）031五言遊吉野　二首

飛文山水地，命爵薜蘿中。漆姬控鶴舉，柘媛接魚通。

煙光巖上翠，日影濬前紅。翻知玄圃近，對翫入松風。

“漆姬”与“柘媛”源自于日本的神话传说。相传漆姬驾鹤升天。“柘媛”是化为柘木树枝的仙女。相传，美稻每日在吉野川捕鱼。某日，他把挂在渔网上的柘木树枝带回了家。而后树枝化为美女，二人结为夫妇。但是最后，柘枝仍然返回了常世之国。（澤田総清，1933）120

011首、031都提到了“控鹤”，这在中国古典文学中常常出现：

七月有佳期，控鹤崇崖巅。（南北朝・高允生・王子乔行）

乘空向紫府，控鹤下蓬莱。（隋・鲁范・神仙篇）

驭风过阆苑，控鹤下瀛洲。（隋末唐初・慧净・与英才言聚赋得升天行）

王乔控鹤以冲天，应真飞锡以蹑虚。（晋・孙绰・游天台山赋）

“是以子晋笙歌，驭凤于天海，王乔云举，控鹤於玄都。”（《艺文类聚》第三十七卷）

“王子乔控鹤所经过处，暂游万里，少别千年。”（《文选》）

（5）032【其二。】

夏身夏色古，秋津秋氣新。昔者同汾后，今之見吉賓。

靈仙駕鶴去，星客乘查返。渚性掩流水，素心開靜仁。

“汾后”指“汾水的后土”（汾水附近的土地神），意指汉武帝在汾水河畔祭拜该神、举办酒宴词赋秋风的故事。“灵仙”指灵妙的仙人驾鹤升天，客人们从星空世界乘筏而归。基于中国的传说，渲染吉野这一仙境。

以上第011首、031、032皆源自于王子乔驾鹤吹箫升仙之传说。032中的「駕鶴」含义与011、031的“控鹤”相似，意为骑鹤。“驾鹤上汉，骖鸾腾天。”（《文选》）形容仙人驾鹤上天时的情景。

（6）075五言初春於左僕射長王宅讌

帝里浮春色，上林開景華。芳梅含雪散，嫩柳帶風斜。

庭煥將滋草，林寒未笑花。鶉衣追野坐，鶴蓋入山家。

芳舍塵思寂，拙場風響譁。琴樽興未已，誰載習池車。

075番的“鹤盖”是指用仙鹤的羽毛覆盖（王者，贵族）的马车。

鶴盖成阴。（文选・广绝交论）

盖如飞鹤，马如游鱼。（汉刘桢《鲁都赋》）

4. 结语

相较汉文学，怀风藻中的鹤代表的意象有两个特点：数量较少，内容较单薄。怀风藻中的鹤代表的意象为吉祥和成仙。云鹤、翔鹤和鹤盖都是取吉祥、祥瑞、吉兆之意。控鹤、驾鹤都是取成仙、仙人之意。这两种意象在汉文学中都属于常见意象，而鹤的其他意象，如长寿、情义、君子、信使、孝道等在怀风藻中未见到，说明怀风藻对汉文学的受容广度和深度都还不够。怀风藻中的鹤意象都能在汉文学中找到有联系的诗句，而且所取意象都与道家文化又有及其紧密的联系，是《怀风藻》对汉文学尤其是道家文学积极受容的见证。

基金项目： 2016年湖南省社科基地项目“中日思乡诗歌的比较研究”（16JD46）的中期成果。

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Yan Xiu、Master、Lecturer
Hunan Normal University, College of Foreign Studies
enshu1981@hotmail.com

Принята к публикации: 15.09.2019 г.

3. 小島憲之．上代日本文学と中国文学［M］.塙書房,1964：101.

MODERN ORIENTAL STUDIES
СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
INTERNATIONAL SCIENCE JOURNAL / МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ROLE OF THE SCRFC IN THE FORMATION OF THE IMAGE OF THE USSR IN DONGBEI REGION AFTER THE END OF THE SECOND WORLD WAR

РОЛЬ ВОКС В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА СССР В ДУНБЭЕ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Верченко Алла Леонидовна, *ст.н.сотрудник*
Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией
Институт Дальнего Востока РАН
veailan@yahoo.com

АННОТАЦИЯ

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) начало работу по пропаганде дружбы СССР с Китаем и распространению советской культуры на Северо-Востоке Китая сразу после освобождения его от японских захватчиков. Активное взаимодействие ВОКС с местными обществами китайско-советской дружбы позволило создать прочную основу для взаимопонимания и дружественных отношений между народами двух стран, на которой в 1949 г. было образовано Всекитайское Китайско-советское общество дружбы.

Ключевые слова и фразы: *ВОКС, СССР, Дунбэй, общества китайско-советской дружбы.*

Для цитирования: *Верченко А.Л. Роль ВОКС в формировании образа СССР в Дунбэе после окончания Второй мировой войны. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(1): 50-55.*

ABSTRACT

The All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (SCRFC) started to work on promoting friendship relations between the USSR and China and spreading Soviet culture in the North-East China (Dongbei) immediately after its liberation from the Japanese invaders. The active interaction of the SCRFC with local Chinese-Soviet friendship societies allowed to lay a foundation for mutual understanding and friendly relations between the people of two countries, which led to creating the All-China Chinese-Soviet Friendship Society in 1949.

Key words and phrases: *Society for Cultural Relations with Foreign Countries, USSR, Dongbei, Chinese-Russian friendship societies.*

For citation: *Verchenko A.L. Role of the SCRFC in the formation of the image of the USSR in Dongbei region after the end of the Second World War. Modern Oriental Studies. 2019; 1(1): 50-55.*

Освобождение Маньчжурии в августе 1945 г. в корне изменило ситуацию в регионе и положило начало широкому демократическому движению общественности, в результате которого в 11 городах Северо-Востока Китая были образованы общества китайско-советской дружбы: в Харбине, Чанчуне, Шэньяне, Даляне, Сыпине, Маньчжоули, Чифэне [1], уездах Чжаодун, Хулань, Ачэн и др. [16, 4-5]. Во главе обществ встали коммунисты. С самого начала эти общественные организации играли важную роль в работе с населением не только по линии ознакомления с достижениями Советского Союза . Через них расширялось влияние КПК в регионе, который в течение 14 лет находился под властью Японии, и где партии нужно было завоевывать доверие населения и поддержку линии на строительство демократического государства. Сразу после окончания войны в 1945 г. общества были единственным легальным каналом работы коммунистов в Дунбэе. В состав правлений избирались представители широких кругов общественности и руководители органов власти. Среди членов обществ были руководители органов власти, представители разных социальных слоев населения: писатели, художники, учителя, промышленники, купечество, рабочие, студенты, врачи, служащие [13, 4]. Например, в Харбине вице-губернатор Сунь Гэнъе стал заместителем председателя Общества, а губернатор Се Юйцинь оказывал содействие в работе общества дружбы, тесно взаимодействовал с представителями СССР в Дунбэе. Он высоко ценил отношения с советским консулом в Харбине. Уходя в отставку после передачи власти Гоминьдану, Се Юйцинь направил советскому консулу письмо, в котором благодарил за постоянное внимание

VOL. 1 №1 2019

ISSN: 2686-9675

ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ / ВЕРЧЕНКО АЛЛА ЛЕОНИДОВНА, VEAILAN@YAHOO.COM / УДК 902/904 (516)

к нуждам населения в период, когда «после владычества японцев страна осталась в состоянии полной разрухи». По словам Се, благодаря помощи советской стороны удалось «начать восстановительную работу» и «провести в жизнь много важных мероприятий» [2, 6].

Численность членов обществ китайско-советской дружбы за 1,5 месяца достигла почти 30 тыс. человек, в том числе: в Чанчуне – 6 тыс., в Харбине – 10 тыс., в Чифэне – 2, 5 тыс. [3, 1]. Базой для ведения работы по популяризации Советского Союза и роли Красной армии стали также постепенно восстанавливавшие работу кинотеатры, театры, библиотеки, книжные магазины, создаваемые вновь творческие союзы (союзы писателей, композиторов).

В этих условиях Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), учитывая важность использования такого канала, как общества, начало активно работать на Северо-Востоке сразу после его освобождения от японских агрессоров. На китайском направлении Общество занималось популяризацией культуры народов СССР в Дунбэе, обменом идеями и информацией, содействием развитию и укреплению дружбы и взаимопонимания между народами СССР и Китая. Поскольку связи с китайским обществами дружбы еще не были установлены на постоянной основе, работа началась через советские консульства, прежде всего, через Генконсульство в Харбине. Уже осенью 1945 г. Восточный отдел ВОКС начал направлять в его адрес материалы о Советском Союзе: книги, плакаты, журналы, брошюры, сборники песен, нот, советских пьес для постановки на сцене, пластинки. Позже добавились кинофильмы. Стоит отметить, что наряду с патриотической и политической литературой (работы В.И. Ленина, И.В. Сталина, М.И. Калинина, В.М. Молотова, А.Я. Вышинского), книгами о жизни в СССР, героизме советского народа в войне, советских партизанах, рождении советской власти, направлялась художественная литература, включая книги для детей и молодежи, песенники, учебники, в том числе русского языка, материалы для лекций и докладов, методические разработки для их подготовки. Книги бесплатно распространялись среди населения [4, 30]. Уже в первый год сотрудничества, в 1946 г., ВОКС направлял для обществ дружбы 36 наименований газет и журналов, в том числе: «Правда», «Известия», «Огонек», «Новое время», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Искусство», «Учительская газета». Материалы консульские работники передавали представителям обществ дружбы по акту. Часть книг предназначалась для библиотек при обществах дружбы. Большинство книг были напечатаны на русском языке, но были и на китайском, корейском и японском, и количество последних постоянно росло.

Свою лепту в агитпросветработу ВОКС по формированию образа СССР вносили политические органы советских войск, которые временно по договоренности с китайским правительством находились на территории трех провинций Северо-Востока Китая в течение трех месяцев после победы над Японией [5]. С помощью политотделов к февралю 1946 г. было издано и распространено до 100 млн экземпляров листовок, портретов, открыток, лозунгов, плакатов, брошюр об СССР, прочитаны доклады об СССР и Красной армии, показаны советские кинофильмы, организованы концерты в городах и сельских районах. Благодаря такой работе число жителей, симпатизировавших Советскому Союзу, значительно увеличилось [6, 12].

В начале 1946 г. общества китайско-советской дружбы в Дунбэе выпускали и распространяли среди населения 4 газеты и 3 журнала[6 12]. ВОКС направлял статьи из советской прессы и специально подготовленные для китайской аудитории материалы с актуальной информацией о жизни в Советском Союзе. Они передавались для публикации в печатных изданиях обществ, которые несли правду об СССР и его роли в освобождении Китая и победе над Японией. Китайцы получали сведения общего характера о Советском Союзе как социалистическом государстве, с другой стороны, на конкретных примерах из литературы и реальной жизни они знакомились с советскими людьми, их характерами, трудовыми достижениями, интересами, образом жизни. Это все было крайне важно для формирования образа СССР как друга, как соседа, готового прийти на помощь.

Нельзя забывать, что Северо-Восток (т.н. застенные территории) всегда был оторван от собственно Китая, а во время войны находился под жестким идеологическим прессингом Японии. Деятельность ВОКС была направлена на формирование новых взглядов у населения, поэтому Москва внимательно следила за эффективностью этого направления работы и требовала, чтобы консульства регулярно отчитывались о количестве и содержании публикаций в изданиях обществ дружбы, в том числе в самых популярных и многотиражных журналах «По Советскому Союзу», «Знание», «Литература и искусство Северо-Востока», газете «Учиться у Советского Союза».

ВОКС помогал издательской деятельности бумагой, поставляя ее в рулонах из СССР. Представляется, что печатная продукция потреблялась в основном активом обществ и интеллигенцией и не имела широкого распространения в народе в силу поголовной неграмотности основной части населения. Например, тираж журнала «По Советскому Союзу» в 1947 г. составлял до 3 тыс. экз. Представляется, что, как это было принято в старом Китае, все новости распространялись из уст в уста. Стоило кому-то начать читать или рассказывать новость, вокруг тут же собиралась толпа.

Объем работы ВОКС на Северо-Востоке после установления власти КПК стремительно увеличивался. В 1946 г. был введен институт уполномоченных ВОКС из числа работников консульств по совместительству. Такие должности были введены во всех консульствах СССР в Дунбэе, что позволило актуализировать деятельность ВОКС и приблизить ее к населению.

Представляется важным упомянуть о том, что в Китае в то время существовало Китайско-советское культурное общество (КСКО), созданное 25 октября 1935 г. в Нанкине на волне улучшения отношений с Советским Союзом после восстановления в 1932 г. дипломатических отношений [7]. Разрешение Гоминьдана на «допуск» советской культуры в Китай было знаменательным событием, особенно если учесть, что власти противились проникновению в Китай всего советского [8, 221-222]. Цели Общества в Уставе определялись как деятельность, направленная на пропаганду культуры двух стран и поддержание дружбы между народами. Общество возглавил сын Сунь Ятсена Сунь Кэ, председатель Законодательного юаня [9]. Первоначально предполагалось выдвинуть кандидатуру Чэнь Лифу на пост председателя, и он готов был согласиться. Но Гоминьдан счел его фигуру партийной (он занимал пост председателя оргкомиссии ЦИК Гоминьдана), поэтому неприемлемой. Как отмечал заведующий отделом печати Полпредства СССР в КР П.Г. Саратовцев, Сунь Фо был государственным деятелем, а не партийным, к тому же уже скомпрометированным «своими симпатиями к СССР, и его появление в качестве руководителя Общества китайско-советского культурного сближения является, так сказать, наименьшим злом» [15, 465-466]. Почетными председателями были избраны видные деятели Гоминьдана: Цай Юаньпэй, Юй Южэнь, Чэнь Лифу, а также полномочный представитель СССР в Китае Д.В. Богомолов. В состав Правления КСКО вошли многие ближайшие сотрудники Чэнь Лифу из аппарата ЦИК Гоминьдана. Нельзя сказать, что связи по линии этого общества были активными. Они в значительной мере зависели от политических веяний в высших эшелонах китайской власти, в основном сводились к участию китайских официальных деятелей в совместных мероприятиях по случаю тех или иных юбилейных или памятных дат. Например, присланные по линии ВОКС в 1935 г. советские фильмы «Летчики», «Счастливая юность» и «Первомайский парад» были показаны только для узкого круга – делегатов съезда Гоминьдана и членов КСКО, которое в советских документах того времени значилось как «Советско-китайское общество культурного сближения».

Опасаясь усиления влияния компартии в Дунбэе и расширения симпатий к Советскому Союзу через общества дружбы, руководство КСКО панировало создать Дунбэйский филиал КСКО в противовес обществам китайско-советской дружбы, деятельность которых якобы имела ограниченные цели разъяснения значения Договора 1945 г. и не отвечала задачам развития культурных связей между двумя странами [3, 10]. На самом деле общества дружбы ставили гораздо более широкие цели, и это не устраивало Нанкинское правительство. Центральная власть, реально оценивавшая общественное мнение, склонявшееся в Дунбэе на сторону КПК и ориентации на СССР, отрицательно относилась к обществам китайско-советской дружбы и настаивала на замене их культурными обществами в Чанчуне, Мукдене и Харбине. Циркулировали слухи, что после формирования гоминьдановских органов власти весь актив обществ будет ликвидирован, а члены обществ будут преследоваться. Гоминьдан не ограничился пропагандой и приступил к реальному осуществлению угроз. В марте 1946 г. были убиты руководители обществ дружбы в Харбине Ли Чжаолинь и в Сыпине Юй Шучжун, а общества вынужденно свернули работу. Исполком ВОКС направил телеграммы соболезнования. Антисоветская риторика гоминьдановских властей в начале 1946 г. (после ухода советских войск) вылилась в преследования, аресты, грабежи простых советских граждан, проживавших на территории Дунбэя, или находившихся там в командировке [10, 1-3].

ВОКС, получая тревожную информацию из Китая, предлагало укрепить общества путем привлечения к их работе советских граждан, проживавших в Дунбэе, и виднейших представителей китайской общественности, чтобы сделать эти организации более массовыми. Были также предложения переименовать общества в культурные общества, не допуская их слияния с гоминьдановскими организациями. Общества дружбы, поддерживаемые из Москвы ВОКС, продолжали работу в тяжелейших условиях давления со стороны властей, но не изменили своим принципам дружбы с СССР. События развивались стремительно, и с весны 1946 г. началось освобождение главных городов Дунбэя НОАК, что создало более благоприятные условия для взаимодействия ВОКС с обществами советско-китайской дружбы.

В разы увеличились поставки литературы, в том числе на китайском языке, выпуск которой был налажен в Москве через Издательство литературы на иностранных языках. ВОКС организовал поставки специализированной литературы (по промышленному строительству, сельскому хозяйству, высшему и школьному образованию, здравоохранению, медицине, законодательству, жизни народов разных национальностей и др.) [11, 1-2]. ВОКС обеспечил подписку на многие советские газеты и журналы. В 1947 г., например, на «Известия», «Правду», «Комсомольскую правду», «Литературную газету», «Moscow News», «Пионерскую правду», «Соцземледелие», «Труд», «Учительскую газету». В библиотеке Харбинского общества в начале 1951 г. накопилось большое количество книг на китайском языке – 574 экз., на русском языке – 871, брошюр на русском языке – 606, газет на русском языке – 13 наименований, журналов на китайском языке – 40 наименований, на русском языке – 60. ВОКС работал в теснейшем контакте с руководителями обществ, согласовывая совместные мероприятия и планы работы.

Об этом свидетельствует План работы Китайско-советского общества дружбы в Харбине в 1947 г. [4, 44-45].

Кроме того, 9 января 1947 г. Общество устроило торжества по случаю Нового года в Железнодорожном собрании. 22 января – 5 февраля была проведена первая

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

ДАТА	МЕРОПРИЯТИЕ	МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ	СОДЕРЖАНИЕ
6.02	Собрание населения города в знак протеста против торгового договора Чан Кайши с США	Парк имени Ли Чжаолиня*	Организовано муниципальным правительством. Общество принимало участие в организации и пропагандистской работе.
6.02	Праздник весны	Школа в парке имени Ли Чжаолиня	Организовано Литературной ассоциацией. ОКСД принимало участие в подготовке выступлений, в организационной работе
7.02	Смотр Янгэ	Железнодорожное собрание	То же
23.02	Торжественное собрание, посвященное 29-ой годовщине Красной армии	Кинотеатр им Ли Чжаолиня	Организовано ОКСД. Приняло участие более 1 тыс. чел.
9.03	Собрание по случаю первой годовщины со дня убийства Ли Чжаолиня	То же	То же
9-11.03	Выставка, посвященная Ли Чжаолиню	Общество китайско-советской дружбы	Посетило более 15 тыс. чел.
24.03	Собрание по случаю побед на фронте и встречи сложивших оружие бойцов и офицеров войск Чан Кайши	Парк имени Ли Чжаолиня	Организовано муниципальным правительством. ОКСД принимало участие в подготовке и проведении собрания.
20.06-9.07	Вторая фотовыставка о строительстве в СССР	Общество китайско-советской дружбы	Организована Обществом. Экспонировалось 640 снимков. Посетило около 30 тыч. чел.
15.08	Собрание населения города по случаю второй годовщины капитуляции Японии	Парк на 8 участке	Организовано муниципальным правительством. ОКСД принимало участие в организации и пропаганде мероприятия.
9.11	Китайско-советский вечер дружбы в честь годовщины Октябрьской революции	Общество китайско-советской дружбы	Приглашены главы и представители различных китайско-советских кругов Харбина. После ужина демонстрировался советский фильм. Присутствовало около 200 чел.
10.11	Собрание служащих Общества в честь годовщины Великой октябрьской социалистической революции	Общество китайско-советской дружбы	Принимало участие около 70 чел.
31.12	Собрание служащих общества по случаю встречи Нового года. Подведение итогов работы Общества.	Общество китайско-советской дружбы	Служащие ОКСД, около 70 чел.

*Ли Чжаолинь – первый председатель Харбинского общества китайско-советской дружбы. Убит в результате заговора 9 марта 1946 г. Его имя присвоено двум школам, парку, кинотеатру, библиотеке, проспекту в Харбине.

фотовыставка о строительстве в СССР, которую посетило 3 тыс. чел. Было выставлено 240 фото.

Содержание работы Общества свидетельствует о том, что внимание уделялось, как китайским событиям (годовщина смерти Ли Чжаолиня, переход гоминьдановских солдат на сторону новой власти, годовщина капитуляции Японии), связанным с недавно закончившейся антияпонской войной, так и знаменательным датам в истории Советского Союза (годовщины Красной армии и Октябрьской революции). Примечательно, что Общество отмечало и Китайский новый год (Праздник весны), и Новый год, привычный для советских людей, знакомя таким образом китайцев с традициями соседней страны. Проведение фестиваля Янгэ – народного танца-хоровода, популярного в Северном Китае, привлекло очень многих любителей этого танцевального жанра, которые одновременно знакомились с деятельностью Общества. Задача ВОКС и обществ дружбы состояла в привлечении широких слоев общественности для участия в мероприятиях Обществ дружбы, в расширении социальной базы сторонников сотрудничества с СССР в разных областях.

ВОКС обеспечивал Общество фотографиями для проведения выставок, материалами для проведения собраний, посвященных советским знаменательным датам. Это была самая эффективная форма работы в тот период. Именно на фотовыставки приходило больше всего посетителей. Несмотря на близость Дунбэя к СССР, основная часть населения плохо себе представляла суть советской власти, цели советского государства и положение народа. Поэтому визуальное воздействие фотовыставок было крайне важно для формирования положительных образов новой жизни на примере Советского Союза. Гоминдановская пропаганда активно распространяла антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду через свои газеты, журналы, радио, обвиняя КПК в подрыве процесса мирного урегулирования, в развязывании гражданской войны, утверждала, что социалистический строй в силу национальных особенностей не подходит Китаю. Поэтому сразу после окончания Второй мировой войны ВОКСу и обществам дружбы приходить прилагать максимальные усилия и использовать многообразные средства для завоевания симпатий масс и привлечения их на сторону КПК и дружбы с СССР.

Постоянно возрастали объемы направляемых в Дунбэй печатных материалов. После 1949 г., образования КНР, эти объемы стали больше в разы. В первой половине 1951 г. было направлено: 4505 экз. газет, 1781 экз. журналов, 840 наименований книг, 14 фотовыставок, 44 комплекта нот, 26 наименований пластинок, 63 репродукции картин, 181 агитплакат. ВОКС работало не только с обществами дружбы, расширяя сферу охвата населения. Оно направляло материалы также для Женского союза Северо-Востока, Харбинского медицинского института, Чанчуньского торгового института, Сельскохозяйственной академии, Союза молодежи, Харбинского института иностранных языков, Общества граждан СССР и др.[12, 125].

Еще одним направлением деятельности ВОКС по ознакомлению с Советским Союзом было предоставление материалов для проведения тематических выставок по разной проблематике. Для сопровождения выставок из Москвы командировали специалистов, которые давали квалифицированные пояснения и отвечали на вопросы посетителей по той или иной тематике (медицина, техника, сельское хозяйство и др.). Таким образом, выставки содержали в себе образовательный компонент, что в условиях только начавшей восстанавливаться системы образования было очень важно для Китая. Выставки освещали разные стороны жизни советского народа и экспонировались в обществах дружбы, на фабриках, заводах, в учреждениях, школах, в витринах магазинов [13, 44]. Фотоматериалы на общие темы (о жизни советского народа, о праздновании 1 мая, 8 марта, годовщины Октябрьской революции или Дня Красной армии) больше всего привлекали население, потому что были понятны и без подписей, которые не все могли прочитать в силу неграмотности. Для примера, только за один месяц (октябрь) 1947 г. ВОКС предоставил обществам китайско-советской дружбы 1090 фотоснимков, которые были выставлены в городах Хулань, Цицикар, Байчэнцзы и Чжаланьтунь [4, 28].

30 мая 1949 г. Правление ВОКС приняло решение об организации систематических радиопередач для отдельных зарубежных стран, включая Китай [14, 27]. ВОКС информировал дунбэйские общества дружбы о расписании передач из Москвы на японском, китайском и корейском языках для местного населения. Из Москвы ВОКС направляли художественные и документальные фильмы для демонстрации в местных кинотеатрах. Кинофильмы с субтитрами не всегда были понятны зрителям из-за неграмотности. Популярностью пользовались дублированные фильмы, которые смотрели по нескольку раз, но их было мало. Наибольший интерес, по информации обществ дружбы, вызывали фильмы о жизни и быте советского народа, о промышленном строительстве и сельском хозяйстве. Как раз в это время началось экономическое восстановление Дунбэя, и китайцы воспринимали увиденное в кино как свое завтрашнее будущее. С открытием Домов дружбы в Чанчуне, Даляне, Харбине и Шэньяне работа обществ стала более массовой и наглядной. Они стали центрами распространения советской культуры и русского языка, укрепления дружбы между народами.

Дунбэйские общества дружбы, окрепшие и накопившие значительный опыт работы при постоянной поддержке ВОКС, позже внесли свой весомый вклад в работу созданного в 1949 г. Китайско-советского общества дружбы.

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

ЛИТЕРАТУРА

1. Чифэн – в н. вр. город во Внутренней Монголии, в период антияпонской войны входил в состав Маньчжоу-го.
2. АВП РФ. Ф. 308. Оп. 30. П. 25.Д. 2.
3. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 34. П. 261. Д. 94.
4. АВП РФ. Ф. 308. Оп. 31. П. 27. Д. 23.
5. См. Соглашение об отношениях между Советским Главнокомандующим и Китайской администрацией после вступления советских войск на территорию Трех Восточных провинций Китая в связи с настоящей совместной войной против Японии // Русско-китайские отношения в XX веке. Том IV: Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. Кн. 2.: 1945 г. М. 2000. С. 193-195.
6. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 34. П. 261. Д. 94.
7. 1935нянь10юэ 25жи чжун су вэньхуа сехуэй чэнли тунго чжун су вэньхуа сехуэй хуэйчжан 25 октября 1935 г. образовано Китайско-советское культурное общество, принят Устав Китайско-советского культурного общества. Электронный ресурс: http://blog.sina.com.cn/s/blog_53db801401012epa.html обращение 25.03.19.
8. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802-2002. В 3 т. Т.2. 1917-2002. М., 2002.
9. В СССР Сунь Кэ знали как Сунь Фо (в гуандунском произношении).
10. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 42. П. 293. Д.88.
11. АВП РФ. Ф. 308. Оп. 30. П. 26. Д. 23.
12. АВП РФ. Ф. 308. Оп. 32. П. 28. Д. 25.
13. АВП РФ. Ф. 308. Оп. 36. П.58. Д. 35.
14. АВП РФ. Ф. 308. Оп. 33. П. 29. Д. 30.
15. Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 - сентябрь 1937 гг.). М.: Памятники исторической мысли, 2000.
16. АВП РФ. Ф.100. Оп. 33. П. 127 . Д. 42. Л.4-5.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Verchenko Alla Leonidovna, senior researcher
Center for Contemporary History of China
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
veailan@yahoo.com

Принята к публикации: 15.09.2019 г.

RUSSIA AND CHINA IN ECONOMIC COOPERATION WITH BRICS COUNTRIES

РОССИЯ И КИТАЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО СТРАНАМИ БРИКС

Ли Цзинчэн, *ассистент*
Кафедра международных отношений
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
li_ts@spbstu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается основная деятельность международного механизма сотрудничества БРИКС. Дается характеристика экономического сотрудничества между Россией, Китаем и другими странами-членами данного механизма. Особое внимание уделено общности интересов, задач и целей. Одновременно подчеркиваются и различия между странами, которые необходимо учитывать для конструктивного экономического сотрудничества. В заключении делается вывод, что БРИКС находится в начальном пути экономического сотрудничества.

Ключевые слова и фразы: *БРИКС, Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, экономическое сотрудничество, мировая экономическая интеграция.*

Для цитирования: *Ли Цзинчэн. Россия и Китай в экономическом сотрудничестве со странами БРИКС. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(1): 55-58.*

ABSTRACT

The article discusses the activities of the international cooperation mechanism BRICS. The characteristic of economic cooperation of Russia, China and other mechanism members is given. Particular attention is paid to the commonality of interests, tasks and goals. At the same time, differences between countries are also emphasized, which need be taken into account for constructive economic cooperation. The conclusion reveals that the BRICS is in the initial path of economic cooperation.

Key words and phrases: *BRICS, Brazil, Russia, India, China, South Africa, economic cooperation, world economic integration.*

For citation: *Li Jingcheng. Russia and China in economic cooperation with BRICS countries. Modern Oriental Studies. 2019; 1(1): 55-58.*

Страны БРИКС (англ. BRICS – сокращенное название от названия стран: Brazil, Russia, India, China, South Africa) – группы из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка, представляют собой новый вариант международных организаций. В основе деятельности организации лежит механизм экономического сотрудничества. Целью организации является содействие реформам мировой экономической системы, получение больших прав в международной финансовой системе.

В последние годы страны БРИКС стали важной силой глобального экономического развития. Значительно возросла их роль в финансово-экономической деятельности. Однако они не имеют должные права голоса в международной валютно-финансовой системе. В этих условиях, Китай, будучи активным членом организации, предлагает механизм сотрудничества между странами БРИКС на платформе диалога и взаимодействия.

При этом следует отметить совместное сотрудничество Китая и России по этому вопросу. Обе страны представляют собой инициаторов продвижения механизма сотрудничества между странами БРИКС. Обе страны активно участвуют в Шанхайской организации сотрудничества, в ключевых международных проектах: «Один пояс, один путь», «Евразийский экономический союз» и т.д. У Китая и России имеется большой потенциал сопряжения общих интересов в экономической, военной и геополитической области [1]. Вместе с другими участниками БРИКС, Китай и Россия прикладывают большие усилия, для обеспечения нового мирового финансово-экономического порядка и развития многосторонних международных отношений, построенных на основах справедливого, отрытого мира. Китай и Россия выступают за сохранение многополярного мира, который будет обеспечивать стабильное экономическое развитие в международной финансово-экономической системе.

Китай разработал экономическую политику собственной модели развития. Примером такой политики может служить инициатива, принятая в 2013 г. и получившая название «Один пояс, один путь», именно «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской шелковый путь XXI-го века». Эта программа сейчас стала центром дипломатического, международного, политического и экономического сотрудничества Китая [2]. Проект «Один пояс, один путь» представляет собой мегапроект, охватывающий Европу, Азию и Африку.

С интересным проектом в 2014 г. выступила Индия, предложив инициативу «Проект Маусам». Суть проекта заключается в создании механизма сотрудничества Индии в регионе Индийского океана, включая также Восточную Африку, Аравийский полуостров, Индийский полуостров и Индокитайский полуостров в Юго-Восточной Азии [3].

В 2015 году, Россия запустила проект «Евразийский экономический союз (ЕАЭС)». В него вошли Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Армения и Кыргызстан. Республика Молдова стала страной-наблюдателем. Этому союзу предшествовало — Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), которое возникло из Таможенного союза между частями Содружества Независимых Государств (Россия, Беларусь и Казахстан) [4].

Бразилия представила долгосрочную интеграционную программу для Южной Америки и одновременно участвует в проекте экономической интеграции «Союз южноамериканских наций». Цель этого проекта является стимулированием экспорта товаров региона [5].

К развитию региональной экономической интеграции проявляет и Южная Африка. Однако на экономическое положение страны сильно повлияли внутренние и внешние процессы. В первую очередь, смена политической власти, а также отсутствие новых импульсов для экономического роста.

Важной проблемой для БРИКС является несовпадение экономических структур стран-членов, а также наличие различных подходов по приоритетным направлениям развития. Это положение хорошо иллюстрируется на примере Китайской Народной Республики и Российской Федерации. Китай представялет собой традиционную страну–производителя. После проведения политики реформ и открытости, страна имеет большое количество финансового капитала и рабочей силы. Однако она испытывает нехватку энергетических и природных ресурсов.

В российской экономике преобладают энергоресурсы, а внутреннее производство во многом зависит от развития смежных отраслей, связанных с проводимой Западными странами санкционной политикой. В последние годы активно продвигается политика импортозамещения, что постепенно восстанавливает внутреннее производство. Из-за расширения международных санкций, темпы экономического развития России еще находятся на сравнительно низком уровне.

Интересен также пример Индии. Страна является одним из передовиков в развитии индустрии информационных технологий, которая представлена вычислительными техниками и программными обеспечениями. Это производство составляет больше половины всей общей экономической стоимости страны. При этом остальное промышленное производство слабо развито, имеется большой дисбаланс между отраслями производства [6].

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

В стране существуют также большие проблемы с развитием инфраструктуры.

Бразилия так же как Россия, обладает большими запасами природных ресурсов. Однако часто происходящие внутренние политические конфликты, наличие огромного социального разделения внутри страны являются большим тормозом для экономического развития, а иногда приводя к экономическим спадам [7].

Южная Африка располагает богатыми природными ресурсами и является основным поставщиком финансовых услуг в Африке. При этом социальное расслоение в обществе, неравенство между богатыми и бедными, высокий уровень безработицы создают большие проблемы для устойчивого развития страны [8].

Хотя в последние годы экономическое развитие всех стран шло медленными темпами, но в сравнении с темпами мировой экономики внешние условия для развития улучшились [9]. Страны БРИКС ускорили процесс внутренних реформ. После Олимпийских игр 2016 г. экономика Бразилии стала демонстрировать положительные признаки. Существенно улучшился экспорт, снизилась инфляция. В России с 2016 г. продолжал ослабевать экономический спад. Улучшились данные по экспорту и занятости. Индия показывает хорошие темпы роста, что приводит к падению торгового дефицита и к снижению инфляции. Экономика Китая была существенно оптимизирована и улучшена, что привело к стабильным темпам роста, оптимизации промышленности и стабильному улучшению показателей жизни. Экономическое положение ЮАР показывает положительную динамику. Можно сделать вывод, что в целом экономика стран БРИКС имеет большие перспективы для дальнейшего развития.

Важным принципом деятельности стран БРИКС является согласование интересов всех сторон. Особую роль этот принцип играет в многосторонних проектах сотрудничества и заслуживает пристального внимания. Для преодоления трудностей в области расширения сотрудничества между странами БРИКС, следует выделить следующие положения:

1.Разработка национальной экономической стратегии для укрепления сотрудничества в ключевых областях. Страны БРИКС сформулировали свою основную экономическую стратегию как внутреннюю, так и внешнюю. Странам необходимо бороться с внутренней конкуренцией, избегать конфронтации и конфликтов. Стремиться к максимальной взаимной выгоде, содействовать развитию и совершенствованию своих рынков. В международной деятельности, страны БРИКС должны работать только вместе, чтобы механизм сотрудничества находился в рабочем состоянии. В важнейших областях сотрудничества следует поддерживать высокий коммуникационный механизм, направленный на развитие торговли и инвестиций, способствовать развитию производств в переработке полезных ископаемых, сотрудничеству в энергетической и сельскохозяйственной областях, в технологиях и инновациях, в финансах. Важным направлением в сотрудничестве является общее стремление к процветанию.

2. Дальнейшее совершенствование механизмов сотрудничества и стремление к созданию открытой платформы сотрудничества между странами. В этом направлении можно выделить три направления. Первое, важным элементом концепции БРИКС является то, что в рамках сотрудничества представлены развивающие страны и страны с развивающейся экономикой и поэтому стремиться поддерживать тесное сотрудничество с такими же странами мира. Второе, сотрудничество с развитыми странами. Страны БРИКС активно участвуют в диалоге с этими странами. Третье, участие в диалоге с международными и региональными экономическими организациями, для установления тесного сотрудничества и взаимодействия.

3. Необходимы дальнейшие исследования для снижения рисков сотрудничества [10]. Страны должны расширять исследования по вопросам взаимопонимания в различных областях сотрудничества. Прежде всего это касается экономики, торговли, политики, промышленности, культуры, общества и экологии. До представления проекта сотрудничества, необходимо полностью завершить анализ политического, экономического, социального положения стран. Все документы по сотрудничеству должны быть полностью в соответствии с местными законами и правилами. Это необходимо для минимизации непредсказуемых рисков.

В условиях глобализации экономики, механизм сотрудничества стран БРИКС будет больше направлен на взаимодействие с развитыми странами. Учитывая многие институциональные различия между странами, они должны работать только вместе, для обеспечения экономического и социального прогресса, развития и улучшения условий жизни людей. Страны БРИКС и дальше будут выступать за развитие многополярности, устранять негативные последствия одностороннего и торгового протекционизма. Активно выступать за реформу существующей системы международного финансового управления.

Между странами БРИКС имеются различия, но они не изменяют прочную и широкую основу для сотрудничества. Это проявляется, во-первых, в экономической сфере, где имеются общие интересы и полное взаимопонимание. Во-вторых, в общем стремлении стран БРИКС к более

справедливому международному порядку. В-третьих, они имеют хороший опыт сотрудничества в экономической, финансовой, торговой, инвестиционной сферах, а также в развитии энергетики, телекоммуникаций, технологий, сельского хозяйства. В-четвертых, с политической стороны, они к построению более справедливого и многополярного мира. В-пятых, они приверженцы мирного разрешения международных споров, содействия координации и сотрудничеству в области многосторонней дипломатии.

Механизм сотрудничества между странами БРИКС способствует развитию диалога между ними и развивающимися и развитыми странами. В процессе совершенствования механизма сотрудничества все страны получат выгоду. Каждая страна-член БРИКС отстаивает свои собственные цели, но она должна придерживаться открытой и всеобъемлющей концепции сотрудничества, уважать и воспринимать требования других стран, содействовать постоянному развитию системы международного управления.

В заключении следует констатировать, что экономическое сотрудничество стран БРИКС стало новым явлением в современной мировой экономике и находится в начале своего развития. Механизм сотрудничества между странами существует давно, лидеры стран регулярно встречаются между собой, однако сам механизм еще нуждается в совершенствовании [11]. На саммитах БРИКС достигаются значительные результаты в решении экономического сотрудничества между странами. Во время встреч отраслевых министров достигаются позитивные результаты в области науки, техники и гуманитарных сфер. Но следует учитывать конкретные условия и индивидуальные пути развития каждой страны-члена БРИКС. Нельзя без внимания оставлять культурные и этнические различия между народами.

Совершенствование механизма экономического сотрудничества стран БРИКС будет сложным и длительным процессом и его необходимо будет конструктивно и детально изучать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лагутина М.Л. Россия и Китай в БРИКС: общее видение будущего мирового порядка // Россия и Китай: на пути укрепления двустороннего сотрудничества Материалы II международной научно-практической конференции. Под ред. В.А. Гавриловой, И.Г. Хрипунова. 2017. С. 91-95.
2. Ли Цзинчэн. Состояние и перспективы взаимодействия Евразийского экономического союза и Великого шелкового пути // Россия в глобальном мире. № 10 (33). 2017. С. 408-418.
3. Akhilesh Pillalamarri. Project Mausam: India's Answer to China's Maritime Silk Road // The Diplomat. September 18, 2014.
4. Васильева Н.А., Лагутина М.Л. К вопросу о формировании Евразийского союза: теоретический аспект // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. № 10. 2011. С. 166-172.
5. Briceño-Ruiz J. From the South American free trade area to the Union of South American Nations: The transformations of a rising regional process // Latin American Policy. 1 (2). 2010. pp. 208-229.
6. Галищева Н.В. Проблема дисбалансов в экономике Индии // Вестник МГИМО. №4 (43). 2015. С. 242-254.
7. Кашин В.К., Пахомов А.П. Экономика Бразилии: путь развития // Экономика. Налоги. Право. № 2. 2013. С. 104-113.
8. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. ЮАР: успехи и проблемы развития // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Январь 2018.
9. Toloraya G. BRICS Current and Future Role in Maintaining International Peace and Security // Realizing the BRICS Long-Term Goals: Road-Maps and Pathways - A proposal by the BRICS Think Tanks Council. – Delhi: Vinset Advertising, 2017. pp. 68-84.
10. Khurana G.S. China, India and “Maritime Silk Road”: Seeking a Confluence // Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India. 2015. 11 (1). pp. 19-29.
11. Becard D.S.R, Barros-Platiau A.F., Lessa A.C. Brazil in the BRICS after ten years // The International Political Economy of the BRICS. – London, New York: Routledge, 2019. pp. 135-149.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Li Jingcheng, lecturer
International Relations Department
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
li_ts@spbstu.ru

Принята к публикации: 15.09.2019 г.

VOL. 1 №1 2019

ISSN: 2686-9675

ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ / ХВАТИК ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ, LPMY@MAIL.RU / УДК 327

МОДЕРНИЗАЦИЯ КНР: ФАКТОР ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ США-КНР

MODERNIZATION OF THE PRC: THE FACTOR OF FOREIGN POLICY RELATIONS OF THE USA-PRC

Хватик Ярослав Васильевич

исследователь в области политических наук,

(Минск, Республика Беларусь)

Lpmy@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены вопросы развития отношении КНР и США на разных этапах (в том числе и современном этапе) в контексте «политики реформ и открытости», роли внешней политики в модернизации КНР.

Ключевые слова и фразы: *модернизация, внешнеполитический аспект; политика «открытости и реформ», Коммунистическая партия Китая, Китайская Народная Республика.*

Для цитирования: *Хватик Я.В. Модернизация КНР: фактор внешнеполитических отношений США-КНР. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(1): 59-62.*

ABSTRACT

The article discusses the development of relations between the PRC and the United States at different stages (including the present stage) in the context of the «policy of openness and reform», the role of foreign policy in modernizing the PRC.

Key words and phrases: *modernization, foreign policy aspect, «policy of openness and reform, People's Republic of China, Communist Party of China.*

For citation: *Khvatik Y.V. Modernization of the PRC: the factor of foreign policy relations of the USA-PRC. Modern Oriental Studies. 2019; 1(1): 59-62.*

В прошедшем 2018 году в КНР и во многих странах мира широко отмечалось 40-летие начала политики реформ и открытости. В Республике Беларусь, например, в рамках этих мероприятий прошла конференция «Опыт китайской политики реформ и открытости и его актуальность для белорусской модели устойчивого социально-экономического развития» (с участием послов двух стран, бывших дипломатов, ученых и представителей бизнеса). Интерес к опыту китайской модели модернизации вызван её несомненными успехами: за прошедшие 40 лет китайская экономика сделала гигантский скачок в своем развитии. Так, в своей статье китайский экономист Чжан Ляньци (член постоянного комитета Народного политического консультативного совета КНР) отмечает изменения в экономике КНР: «с началом политики реформ и открытости в 1978 году объём экономики КНР составлял лишь 367,9 млрд юаней, а в 2017 году ВВП (номинальный) уже достиг 82,71 трлн юаней (эквивалентно 12,2 трлн долларов), Китай стал второй экономикой в мире, доля экономического объёма КНР с 1,8% в 1978 году выросла до 16%, по этому показателю КНР уступает лишь США. Что касается скорости роста экономики, с 1978 по 2017 год среднегодовой номинальный рост ВВП достиг 14,5%, с вычетом темпов инфляции в 4,8% среднегодовой фактический рост по-прежнему составлял 9,3%» [1].

Одним из главных факторов успеха китайской модели модернизации является «политика открытости» – внешнеполитический фактор. Возвращаясь к указанной статье Чжан Ляньци, можем увидеть подтверждения важности внешнего фактора для развития экономики: «в 1978 году внешнеторговый оборот Китая составлял 35,5 млрд юаней, а в 2017 году, согласно статистическим данным Главного таможенного управления КНР, общий объём импорта и экспорта страны достиг 27,79 трлн юаней, что в 782,82 раза больше, чем в 1978 году. В частности, объём импорта с 18,74 млрд юаней в 1978 году увеличился до 15,33 трлн юаней в 2017 году; объём экспорта с 16,76 млрд юаней в 1978 году вырос до 12,46 трлн юаней в 2017 году» [1].

Ключевым же моментом внешнеполитического фактора модернизации КНР можно считать отношения между КНР и США. И сегодня мы можем наблюдать критическую важность торговли США и КНР. Товарооборот между двумя крупнейшими экономиками мира за 11 месяцев 2018 года составил 583 млрд. долл. США. Поэтому взаимное влияние двух экономик трудно переоценить.

Однако в данной статье будет рассмотрено, в первую очередь, влияние китайско-американских отношений на модернизацию КНР в контексте проведения политики открытости и реформ.

Прежде всего, стоит остановиться на истории взаимоотношений двух стран. Можно условно выделить несколько этапов.

Первый этап (1949-1968 гг.).

КНР была основана в 1949 году, с этого периода у власти в Китае находилась Коммунистическая партия Китая (далее - КПК). Основным союзником КПК являлся СССР. В первые годы существования КНР (1949-1960 гг.), с помощью СССР в КНР было построено 156 крупных объектов, а с помощью стран Восточной Европы строились предприятия. Для того времени эти объекты по технической оснащенности отвечали передовому международному уровню [2, с. 24].

Все это позволило активно проводить политику индустриализации КНР. В итоге первый пятилетний план (1952-1957 гг.) был перевыполнен, уровень промышленного производства в 1957 году к уровню 1952 года составил 141% [3, с. 123]. Отношения между КНР и СССР были настолько доверительными, что в СССР было принято решение о передаче необходимых технологий для создания китайского ядерного оружия, КНР становится ядерной державой.

Кроме того, КНР активно развивала отношения с другими странами социалистического лагеря (далее-соцлагеря). По статистике, «если в 1950 году торговля с иными социалистическими странами Европы (помимо СССР) составила лишь 3,9% от всей внешней торговли КНР, то к 1952 году эта доля выросла до 19%. Таким образом, на социалистические страны во главе с СССР приходилось свыше двух третей всей внешнеэкономической деятельности большого Китая» [4].

В этот период, СССР и США находятся в состоянии так называемой «холодной войны». КНР в этом противостоянии занимала жесткую позицию по отношению к США. Особенно это проявилось в Корейской войне (1950 -1953 гг.). Попытки наладить отношения на этом этапе закончились провалом.

США на этом этапе активно поддерживали власти Тайваня и руководителей партии Гоминьдан. Именно их власти США считали правопреемником Китайской республики после Второй мировой войны. Отдельно стоит отметить, что США считала Азиатский регион ключевым в ходе противостояния с СССР и социалистическим лагерем (войны на Корейском полуострове и во Вьетнаме). Кроме того, в США закладываются основы понимания важности помощи в развитии некоторых государств в этом регионе (советник президентов Кеннеди и Джонсона – У. Ростоу). Помощь Запада и США во многом способствовала осуществлению успешных модернизаций «азиатских тигров» (в первую очередь, Сингапур, Южная Корея, Гонконг). Тем не менее, в этом регионе мы знаем и отрицательные примеры вмешательства США в вопросы внутренней политики (вьетнамская война).

Таким образом, на данном этапе отношения между КНР и США существуют в парадигме разделения мира на два противоборствующих сторон (Запада и соцлагеря во главе с СССР).

Однако уже в последующие годы ситуация начинает резко изменяться. После смерти И.В. Сталина и изменений во внутренней политике СССР (XX съезд КПСС в 1956 году), руководство КПК начинает отдаляться от сотрудничества с СССР и странами соцлагеря.

В КНР начинается политика так называемого «большого скачка» (1957-1960 гг.). Суть данной политики сводилась к проведению ускоренной модернизации государства без внешней помощи, за счет максимального использования внутренних ресурсов (выплавка стали в домашних условиях, широкомасштабная борьба с воробьями и т.д.). В результате такой политики, экономическое состояние КНР стало ухудшаться, по стране прокатилась волна голода. Следующим этапом самоизоляции – стал процесс ужесточения внутренней политики («Культурная революция» (1966-1976 гг.)).

Результатом политики самоизоляции и ужесточения внутренней политики стал экономический спад КНР, приведший к еще большему техническому отставание от ведущих индустриальных государств.

США по мере развития конфликта между КНР и СССР все больше стремились использовать данную ситуацию в своих интересах. Начало нормализации американо -китайских отношений относится к рубежу 1960-1970-х гг. Стремление к сближению было обоюдным.

Второй этап (1968-1978 гг.). Этап становления отношений на политическом уровне.

Осенью 1968 года в КНР было принято решение о возобновлении отношений с США. Позже от китайской стороны поступило предложение о возобновлении переговоров и заключении соглашения о нормализации отношений на принципе мирного сосуществования.

Идейным вдохновителем и основным исполнителем потепления отношений с КНР со стороны США был тогдашний советник президента по национальной безопасности (позже государственный секретарь) Генри Киссинджер. Подготовка к серьезным переговорам велась тайно. Так было принято решение о начале сотрудничества в области спорта: в Пекин направилась американская команда по пинг-понгу. Это было первое за многие годы посещения КНР представителями США. Спортсмены лично встретились с председателем правительства Чжоу Эньлаем. В состав делегации «негласно» входили также дипломаты. Это период дипломатических отношений называют «дипломатическим пинг-понгом».

Сам Г. Киссинджер также тайно посещал Пекин. Летом 1971 года он провел переговоры с высшим руководством КПК для согласования визита президента Р. Никсона. Для понимания всей сложности открытого налаживания

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

отношении можно отметить следующий факт: чтобы «засекретить» данный визит была разыграна история с болезнью Киссинджера во время посещения Пакистана [5, с. 724]. Позже прием проведения предварительных секретных переговоров широко вошёл в практику американской дипломатии. Так, в 2017 году КНДР неформально посетил глава ЦРУ М.Помпео для предварительного согласования будущих переговоров Ким Чен Ына и Дональда Трампа (которые состоялись в 2018 году).

КНР ставил одним из главных условий нормализации отношений – передача статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН от Тайваня к КНР. В августе 1971 года США инициировали эту процедуру. В результате Тайвань отказался не только от места в Совете Безопасности, но и вовсе «добровольно» покинул ООН.

Ключевым событием улучшения отношений США и КНР стал официальный визит президента США Р. Никсона в Пекин в феврале 1972 года. В ходе визита были решены ряд политических вопросов взаимодействия, хотя дипломатические отношения установлены официально так и не были. А разговор между двумя лидерами сводился к «философским» разговорам и размышлениям об мироустройстве в свете восстановления диалога между КНР и США. Содержание переговоров по требованию китайской стороны оставались засекреченными вплоть до 1990-х годов. Стоит отметить, что внешняя политика администрации Никсона, ставила своей задачей уравновешивать СССР и Китай друг другом, о чем Г. Киссинджер отмечал в своих мемуарах: «американо-китайское сотрудничество с самого начала мыслилось и в Вашингтоне, и в Пекине, как направленное против Советского Союза» [6, с. 24].

По мнению, бывшего премьер-министра и главного идеолога модернизации Сингапура – Ли Куан Ю, события 1972 года стали неким водоразделом в развитии стратегической структуры отношений Востока и Запада. [7 ,с. 50].

Тем не менее, эта встреча на самом высоком уровне заложила основы двухсторонних отношений. Таким образом, можно говорить о коренном пересмотре внешней политике двух государств в отношении друг друга.

Третьи этап (1978-1990). Этап окончательного установления дипломатических отношений, начало экономического взаимодействия.

После смерти Мао Цзэдуна, в результате внутрипартийных изменений КПК (победа над «бандой четырех»), к власти приходит Дэн Сяопин.

В 1978 году прошел 3-й пленум XI съезда ЦК КПК, на котором Дэн Сяопин озвучил целый ряд новых подходов в политике государства. Экономика страны находилась в упадке, население (в том числе и управленческая элита) было измучено последствиями «перегибов» в предыдущий период («большой скачок», «культурная революция»). В таких условиях было очевидно, что внутренних ресурсов для проведения эффективной модернизации недостаточно. Поэтому Дэн Сяопином были выдвинуты новые положения о том, что «современный мир – это мир открытости», а «развитие Китая не может осуществляться обособленно от общемирового развития» [2, с. 19].

Была выработана новая стратегия внешней политики КНР, одним из аспектов которой стало улучшение отношений со странами Запада. В новой концепции ключевым становился прагматизм в сотрудничестве между государствами. Идеологический окрас (капиталистический или социалистический) отходил на задний план, как говорил по этому поводу сам Дэн Сяопин: «Не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она ловила мышей» [8, с. 422].

С приходом к власти реформаторов во главе с Дэн Сяопином отношения с США начинают выстаиваться не только по политическому контуру, но и по экономическому. Дэн Сяопин прекрасно понимал возможности и перспективы сотрудничества с сильнейшей экономикой мира. Важнейшая составная часть китайской экономической реформы – политика внешней открытости, т. е. переход от внутренне ориентированной к внешне ориентированной политике. Являясь важной составной частью всей китайской экономической реформы, политика открытости подтолкнула стремительное развитие экономики Китая.

В декабре 1978 года КНР и США заключили Коммюнике об установлении дипломатических отношений. 1 января 1979 года китайско-американские отношения были официально нормализованы [9, с. 290]. Также в 1979 году США с визитом посетил Дэн Сяопин.

Именно использование внешнеполитического фактора налаживания отношений с США позволило КНР начать реформы «открытости», перейти от политического взаимодействия к экономическому. Так в 1980-х годах удалось добиться многих привилегий в торговле (в 1983 году США приняли решение о предоставление китайской стороне торгового статуса «дружественной и неприсоединившейся страны»; в 1985 году КНР получил существенные уступки в соглашении Координационного комитета по экспортному контролю (созданный для контроля торговли товарами двойного назначения со странами соцлагеря)). Все это позволяло Китаю импортировать из США сложные технологии и оборудование, в том числе военного назначения. Кроме того, из США были привлечены большие финансовые ресурсы в виде кредитов. Также создавались различные механизмы для упрощения привлечения американских инвестиций в КНР.

Кроме того, активно проводились визиты по обмену опытом. Лучшие студенты направлялись на учебу в ведущие ВУЗы США (например, нынешний вице-премьер Госсовета КНР Лю Хэ в свое время окончил Гарвардский университет), специалисты из различных сфер направились заграницу для изучения экономической практики. Так, нынешний председатель КНР Си Цзиньпин в 1985 году посетил США для изучения ведения сельского хозяйства в штате Айова, жил в простой американской семье.

Улучшение отношений с лидером западного мира – США, позволило КНР наладить отношения и с остальными странами Запада. В первую очередь, Великобританией. Были выработаны условия и план, предусматривающие восстановление суверенитета Китая над Гонконгом (как специальный административный район Сянган). По такому же сценарию с Португалией произошло возвращение Аомыня (Макао). Кроме того, важное значение для развития КНР имело налаживание отношений с другими странами региона – союзниками США в регионе (Япония, Сингапур, Южная Корея). В том числе, это позволило привлекать инвестиции от этнических китайцев, покинувших свою Родину много поколений назад (хуацяо).

Четвертый этап (1990-2010-е гг.). Современный этап отношений, углубление экономического сотрудничества. Появление первых признаков глобальной конкуренции между КНР и США.

После развала СССР, взаимодействия США и КНР утрачивают прежнее военно-политическое значение (противостояние в «холодной войне») и все активнее развиваются в экономической сфере. В 1990-х гг. американские компании активно переводили производство в КНР, уровень товарооборота между странами стабильно рос. В результате к середине 2000-х гг. КНР становится ключевым торговым партнером, американские компании стали активно проводить через Конгресс и администрацию Белого дома все возможные решения по расширения доступа китайских товаров на американский рынок. Администрация президента Б. Клинтона во многом способствовала ускоренной процедуре принятия КНР в ВТО.

КНР стала одним из главных держателей американских ценных бумаг. Экономические успехи модернизации позволили Китаю стать второй экономикой в мире, сделать серьезную заявку на мировое лидерство в политике и экономике. На этом фоне отношения с КНР вновь приобретают политическое значение. Только в отличие от ситуации 1978 года КНР уже выступает равноправным партнером. Так, например, Дж. Буш- мл. не смог проигнорировать Олимпиаду в Пекине 2008 г, несмотря на протесты и заявления ведущих политических сил в США по поводу «нарушения прав человека в КНР».

В начале своего правления Барак Обама стремился реализовать план создания, так называемого G-2 (альянс Китай - США). Видные американские политические идеологи Г. Киссинджер и З. Бжезинский поддержали такие намерения нового президента. Однако сам Китай отклонил такое предложение.

Сегодня, мы наблюдаем непростой период отношений между США и КНР. Так, администрация президента Д. Трампа активно проводит политику ужесточения правил торговли с КНР (так называемые «торговые войны»). Учитывая размеры экономики США и КНР, их отношения влияют не только на регион, но и на мир в целом. США становятся идеологом сворачивания «глобализации и мировой торговли» по старым правилам, расширении политики активного протекционизма. КНР в свою очередь может стать «защитником» глобализации для всех, развития мировой торговли (проект «Один пояс – один путь»).

По мнению Ли Куан Ю, во второй половине XXI века двухсторонние отношения КНР и США займут первое место по значимости в мире, как во времена холодной войны ключевыми были отношения между США и СССР [7, с. 48].

В заключении хотелось бы подчеркнуть: успешность китайской модели модернизации во многом связана с построением внешней политики на принципе прагматизма и отказа от «идеологизации» внешних отношений. В отличие от многих стран времен «холодной войны» КНР наиболее успешно использовала преимущества нейтральной позиции. Китайскому руководству удалось найти пути налаживания отношений с США в наиболее благоприятном для себя направлении. Сегодня отношения США-КНР становятся ключевыми не только для эти двух стран, но и для развития мировой экономики и политики в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Чжан, Ляньци Как изменилась экономика Китайской Народной Республики за 40 лет [Электронный ресурс]. URL: // http://gazeta-pravda.ru/issue/118-30761-26-29-oktyabrya-2018-goda/kak-izmenilas-ekonomika-kitayskoy-narodnoy-respubliki-za-40-let/ (Дата обращения: 08.08.2019).
2. Ли, Ланьцин Прорыв: Как открывались ворота страны: 30-летию начала реформ в Китае посвящается / Л. Ли; пер. с кит. Ли Иннань. – Москва: Издательство Московского университета, 2010. – 472 с.
3. Усов, В.Н. История КНР. В 2 т. Т I: 1949-1965 гг. / В.Н. Усов. – Москва: Восток – Запад, 2006. – 812 с.
4. Волынец, А.И. Как Сталин в Китай инвестировал [Электронный ресурс] URL: / https://www.south-insight.com/node/599 (Дата обращения: 08.08.2019).
5. Зенгер, Х. Полное собрание 36 знаменитых китайских стратагем в одном томе / Х. Зенгер; пер. с нем. А.В. Дыбо. – Москва: Эксмо, 2014. – 1040 с.
6. Kissinger, H. On China Power / H. Kissinger. – New York: Penguin Books, 2012. – 624 p.
7. Плейт, Т. Беседы с Ли Куан Ю / Т. Плейт; пер. с англ. А.Ракина. – Москва: Олимп – Бизнес, 2012. – 232 с.
8. Ли, Куан Ю Сингапурская история: 1965-2000 гг.: из третьего мира – в первый / К. Ю. Ли; пер. с англ. А.В. Боня. – Москва: МГИМО – Университет, 2010. – 657 с.
9. Усов, В.Н. История КНР. В 2 т. Т II: 1966-2004 гг. / В.Н. Усов. – Москва: Восток – Запад, 2006. – 718 с.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Khvatsik Yaraslau Vasilievich
Political Science Researcher (23.00.04)
(Minsk, Republic of Belarus)
Lpmy@mail.ru

Принята к публикации: 15.09.2019 г.

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ / ЛЮ ВЭЙ, ГАО ЖУНГО / УДК 81-2

ПРОБЕЛЫ ПЕРЕВОДА И ИХ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЯ «БОЛЬШАЯ ГРУДЬ, ШИРОКИЙ ЗАД»

翻译中的空缺现象及其策略研究
——以《丰乳肥臀》俄译本为例

刘维， 高荣国
湖南师范大学

Лю Вэй，Гао Жунго
Хунаньский педагогический университет,
Китайская Народная Республика

АННОТАЦИЯ

«Пробелы» являются культурным и языковым барьером, с которыми сталкиваются в процессе перевода. Использование рациональных методов для преодоления «пробелов» перевода - одна из главных тем теории и практики перевода. На примере произведения «Большая грудь, широкий зад» в данной статье был проведен анализ «пробелов» перевода, рассмотрены способы преодоления «пробелов» перевода, а также найдена наиболее подходящая стратегия перевода.

Ключевые слова и фразы: *пробелы, культура, перевод.*
Для цитирования: *Лю Вэй, Гао Жунго. Пробелы перевода и их стратегический анализ на примере русского перевода произведений "Большая грудь, широкий зад". Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(1): 63-68.*

摘要

“空缺”是在翻译过程中所遇到的语言文化阻碍，运用合理的翻译手段来填补空缺是翻译理论与实践的重要内容之一。本文以莫言小说《丰乳肥臀》俄译本为例，对文中出现的空缺现象进行研究，从而深入认识翻译中的空缺现象、探索不同的空缺填补手段，挖掘空缺词的最佳翻译策略。

关键词：空缺、文化、翻译

For citation: *Liu Wei, Gao Rongguo. Transfer spaces and its strategic analysis on the example of the Russian translation of "The large breast, wide back". Modern Oriental Studies. 2019; 1(1): 63-68.*

一、理论基础

本文以俄罗斯学者 В.Л. Муравьев 提出的空缺理论为基础， 根据所选材料特点， 提出自己的见解，对所选文献语料进行分析。

1.空缺及分类

В.Л. Муравьев 认为“空缺”是能用社会文化因素解释的语言词汇缺失。 他将“空缺”分为两大类：语言空缺和民族文化空缺 (лингвистические лакуны, этнографические лакуны)。（В.Л. Муравьев, 1975）

①语言空缺：语言空缺即不以语言外部社会文化因素为转移的空缺，主要指某种语言内部相对特殊的语法或词汇现象，可分为：绝对语言空缺、相对语言空缺、矢量语言空缺和修辞空缺 (абсолютные лакуны, относительные лакуны, векторные лакуны, стилистические лакуны)。

a.绝对语言空缺：因语言特点和语言习惯不同，在两种语言中都存在的语言所指只能由不同的语言手段表达出来，那么这种语言手段的表达差异将形成绝对语言空缺。如：俄语单词“вокзал”只能译为“火车站”或“铁路车站”等中文词组。

b.相对语言空缺：在两种文化中都存在的语言所指，由相同的语言手段表达出来，但由于同一所指物在不同民族的语言中的出现频率高低不同，会造成高频出现的词在一种

语言中形成派生词义、转意和成语熟语，而在另一语言中并没有相应的转意或者成语和熟语。比如：中国经常谈“龙”，有许多有关“龙”的成语，如“乘龙快婿”、“望子成龙”、“群龙无首”等等。而俄罗斯人很少谈龙，自然，俄语里就没有有关龙的成语熟语。

c.矢量语言空缺：即两种语言中词语的语义空间不一致。比如：汉语“笔”可以指代各类笔，而俄语只能具体地用“кисть” 指“毛笔”,“перо”指“羽毛笔”, “карандаш” 指“铅笔” 和“ручка” 指“钢笔”。

d.修辞空缺：即在一种语言的某个词带有特定的修辞色彩，而另一种语言中相对应的词不带有相对应的修辞色彩。例如：汉语语气词“啊”带有多种修辞色彩，可以表示赞叹、惊异、疑惑、反问、应诺或醒悟等，但在俄语的里则找不到带有相同色彩的词汇。

以上是В. Л. Муравьев空缺理论中空缺分类的第一类。

②民族文化空缺：第二类民族文化空缺即某种事物在某一种民族文化里特存在，而在另一种民族文化中缺失的文化。根据不同特点，民族文化空缺可分为：绝对文化空缺、相对文化空缺、矢量文化空缺和联想空缺 (абсолютные этнографические лакуны, относительные этнографические лакуны, векторные этнографические лакуны, ассоциативные лакуны)。

a.绝对文化空缺：某事物从根本上在某民族文化中缺失。比如：俄罗斯文化中没有 “汉服”，中国文化中没有“萨拉凡”。

b.相对文化空缺：事物或现象在两种民族文化中都存在，但是这种事物对于一种民族文化来说意义重大，而对另一种民族文化来说无足轻重。比如：白桦树在俄罗斯象征着故乡和美好，而白桦树在中国只是白桦树而已。

c.矢量文化空缺：处于绝对民族文化和相对民族文化之间，拥有两者的特征，但与两者均完全不一样。一方面，其事物或现象存在于两种民族文化中，另一方面，在语言层面上，又只有一种语言能形象地描绘这种事物或现象。比如：都有“把鸡吓得到处飞，把狗吓得乱跳”的慌乱现象，却只有汉语中有“鸡飞狗跳”这个成语来形象表达这种现象。

d.联想空缺：在称名事物时，不同民族对同一事物有不同联想，进而导致称名角度差异。如汉语 “向日葵” 和俄语 “подсолнух” 是对同一植物的称名，但中国人看重的是植物朝阳的姿态，而俄罗斯人更注重它处于太阳下方的相对位置。

小结：由上可见，В.Л. Муравьев 将“空缺”一分为二，即语言内部系统的语言空缺和语言外部的民族文化空缺，几乎在跨文化交际中能遇到的 一切空缺问题都能被囊括其中。 所以，笔者赞同 В.Л. Муравьев 的空缺分类方法。但在研究具体空缺现象的时候我们发现，有些空缺可以划分到多个类别里面， 从而造成归类不独属的现象。 细想之，笔者将对 В.Л. Муравьев 笔下的空缺分类理论稍作调整。保留空缺一分为二的特点， 但在细分时， 将其四大类归总为两大类， 即绝对空缺和相对空缺。 另一方面， 考虑到翻译实践的主要意义是达到跨文化交际效果等同 进而在语言内部系统上多做文章似乎意义甚微。 故本文在处理莫言《丰乳肥臀》之俄译本《Большая грудь, широкий зад》 时将主要致力于研究在译本中所遇到的民族文化空缺，展开说来即绝对文化空缺和相对文化空缺，并根据译本中出现的案例的实际情况逐一进行相应的细分，做到灵活运用理论，理论与实践相结合

2.空缺翻译理论

许多学者就如何补偿 “空缺” 以达到最佳翻译效果的问题上展开了热烈讨论，也得到了一系列翻译理论和实践成果。国内研究成果有严复的 “信达雅”、鲁迅的 “信顺论” 和林语堂的 “美学论” 等等。在西方翻译理论界，不少著名学者也表达了对翻译的看法，如奈达（Eugene A. Nida）的 “动态对等” 或 “等效翻译” 和卡特福德（J.C. Catford）的 “功能等值” 等等。

笔者在总结前人的基础上，将基本的空缺翻译理论系统地归为五大类，即保留空缺、省略空缺、寻求对等、加注和解释性翻译。

①保留空缺（Резервирование）等同于直译，将译出语直接翻译成译入语，不改变源语言的任何形式和任何含义。保留空缺的翻译方法能让译本在语言和文化上保留原有的习惯，充分展现译出语的语言和文化特征，让读者通过译文走进新的世界图景，开拓读者的思维方式，使其充分体验源语言和源文化的美。一般而言，当空缺所指对源语言的意义重大，不直接翻译会造成曲解和误译时，通常会采用保留空缺的翻译方法来达到最佳翻译效果。

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

②省略空缺（Эллипсис）即不翻译空缺含义，仅保留空缺词汇的基本含义。在翻译过程中，译者有时候需要省略一个词的特殊含义。因为如果硬要将“特殊含义”翻译出来，那么译文读者可能难以理解这个突入的“特殊含义”，甚至会感到奇怪。所以，如果空缺的翻译是多余的，还不如将其省略不翻。这种省略并不会对原文的内容产生不利影响，而且还能营造一个通畅的阅读环境，有助于读者更好地理解原文的基本意思。

③寻求对等（Компенсация）是在译入语中找到能传达原文思想、与之效果对等的表达手段，以填补两种语言文化的空缺。寻求对等的翻译策略有时十分奏效，因为被替换的词或词语不为译入语读者所知，而用来替换的词或词语广为译入语读者所知，将不为人知的表达方式替换成众所周知的表达方法，这将达到很好的共鸣效果。但在使用该翻译方法时，译者必须保证完全理解清楚了原文含义，才能利用译者操双语并熟知双语文化的优势给原文中的空缺词汇找到对等手段，进行成功替换。

④加注（Комментарий）是在翻译过程中采用添加注释的方法来弥补翻译空缺。有时候会出现这样的情况——译文读者不懂某个词或词语的背景含义， 译者也没有对其进行特别的注释说明，那么，译文读者就会感到不知所云。其实，如果译者在处理译文的时候能增添注释，帮助译文读者更好的理解原文的来龙去脉，就能很好的避免上述情境的发生。但不足的是，加注即意味着在译文基础上另外增加大量的解释说明性文字，这会增加读者的阅读负担，影响原文连续性，也对原文美感造成一定的影响。

⑤解释性翻译（Объяснение）也是常用的一种处理空缺的翻译策略。通常，当直译起来特别难以理解，又找不到特别合适的对等词用来替换时，译者将倾向于选择解释性翻译，以帮助译文读者更好的理解原文。这种策略既保留了原文的基本含义，又给译者发挥翻译主动性的自由来增加译入语的元素，从而达到很好的翻译效果。

二、实践研究——以《丰乳肥臀》俄译本为例

本节将以上述 В.Л. Муравьев 对空缺的定义和分类理论为基础， 结合上文总结的常用的五种翻译方法，以翻译效果等同为翻译标准，分析《丰乳肥臀》俄译本中出现的空缺现象，将其进行分类，并探寻不同空缺的最佳翻译方法。

1.绝对文化空缺及其俄译

绝对文化空缺即某种富含文化意味的事物只在某种民族文化中存在，而在另一种民族文化中不存在或由完全不同的语言手段表现出来。这种事物可能是具体的东西，也可能的抽象的体系或习俗等。

①绝对文化空缺——制度体系

随着社会的发展，人类为了生存和发展的需要会发明许多东西，其中也包括每个社会集体创制出的制度体系。在研究空缺现象和翻译的过程中，本人在《丰乳肥臀》一书中发现中俄两国在制度体系上有诸多不一致，其主要表现在计量制度和科举考试制度上，这些不一致形成的文化空缺加大了文章的翻译难度。

a.计量制度：中国的计数和计量单位和世界的标准是有一定不同的。译者因为没有正确把握源语言含义，在翻译计量单位的过程中出现了不少失误。比如，在文中译者将“得寸进尺”译为：Уступить цунь, так отхватить и целый чи. 加注：Чи - мера длины, ок. 30 см.（尺——长度单位，约为30厘米）。但事实上，三尺为米，一尺约为33.3厘米。而且成语“得寸进尺”中的“寸”和“尺”并不指实际长度，译者并没有把握到这点。再有，文中提到“鸡蛋皮半斤”，其中“斤”也是中国特有的计量单位，而且是首次在全文中出现，但译者并未加注释，此处处理欠妥。可以加注：Цзинь - мера веса, равная 0.5 кг.（斤——重量单位，等于0.5千克）。 另外，原文中“桃叶一两”被译为 “два ляна листа персика” 应该属于笔误。

b.科举制度：中国科举制度作为中国特有的考试制度，同时也是中国文化走向世界的一小道障碍。译者将“武举”译为 “У цзюйжэнь” 并加注：У цзюйжэнь - признанный первым в боевых искусствах при сдаче экзаменовна ученую степень цзюйжэнь.（武举人——举人考试中武术第一者）这样翻译并加注似乎有点不清晰。如采取音译加解释性翻译的策，译为 “военный цзюйжэнь” 并加注 “учёная степень военного, успешно сдавшего экзамены на степень цзюйжэня” 则更便于理解。一方面，“военный цзюйжэнь” 和科举考试可以通过“цзюйжэнь” 一词联系起来。另一方面，读者也能从 “военный” 一词中直接联想到该人强壮的体魄，充分展示了原作中人物描写的精髓。

②绝对文化空缺——节日习俗

不同的民族在不同的历史长河里形成了不同的节日和习俗，这对跨文化交际和翻译实践来说也是一个难题。

春节：文中对“春节”的加注（Чуньцзе - праздник весны, китайский новый год）. 过于简单粗暴。将译文翻译过来“春节即中国新年”。但春节到底是什么样的节日？在中国人心中占有什么样的地位？人们怎样欢度春节？译者没有给出任何信息。然而，后文许多细节都与这个节日的传统习俗密切相关，如果读者不了解这个节日，可能会读不懂其中的许多意味。个人认为，应多花笔墨解释“春节”，将其重要性和基本的庆祝形式做简单介绍，给读者营造出春节图景，为后文即将描述换过年衣裳、拜年等情景做好铺垫。另外，“春节”在俄语里一般译为 “праздник Весны”，而不是直接音译为 “Чуньцзе”。

端午节：每年农历五月初五是中国传统节日端午节，这一天有插艾草（又名艾蒿）防蚊虫，避邪驱鬼的习俗。文中写道“古历五月初五上午.....孙大姑满头银发梳得溜光.....髻边斜插一根艾蒿尖儿。”这句话正反应了该习俗。译文为：Утром пятого дня пятого лунного месяца... тётушки Сунь были гладко зачёсаны... по бокам заколоты палочками из полыни. 译者把“五月初五”当成了一个普通的日子，把“艾蒿”当成了普通的植物，在译文中没有对“五月初五”和“插艾蒿”做加注解释，这减弱了译文读者对中国传统文化的感受，读者不会明白五月初五是端午节，而端午节才插艾蒿。

③绝对文化空缺——特色食物

作为一个博大精深的民族，同样彪炳史册的还有本民族的饮食文化。在中国特色食物的大海里译者感到无所适从，在翻译过程中出现了不少错误。

a.酒类：译者将 “回家速速把烧酒烫上” 翻译为 “Мне пора домой возвращаться и подогреть вина” 显然不妥，因为烧酒是一种烈性酒，俄语中烈性酒一般用 “водка” 一词。所以，笔者建议将 “вино” 改为 “водка”。 译者犯了同样的错误，将“高粱酒”误译为 “гаоляновое вино”，应改为 “гаоляновая водка”。

b.面食：文中译者将“买十个烧饼”译为 “купить десяток лепёшек” 不算错，但如果将制作烧饼的烘烤工艺翻译出来会更恰当，建议改译为 “печёные лепёшки”。译者将 “水煎包” 简单译为 “пирожок” （煎包子、烤包子） 忽略了水煎包即煎又蒸的制作特色，但鉴于 “пирожок” 更容易被读者接受， 在语言理解上也不会造成太大偏差，故，笔者认为是可行的。而后文译者误将“炉包”（“水煎包”的别称）译为 “булочка” 是根本行不通的。

C.菜品和小吃：在翻译文中出现的特色菜品和食物名称时，译者针对汉语中不同角度的称名采取了不同的译法。首先看被译者较好处理的空缺：如在翻译“松鼠桂鱼”和“豆腐脑儿”时，译者采用了解释性翻译的策略，分别译为 “рыба-белка”、“простокваш из соевого молока”；在翻译“八宝莲子粥”时采用了解释性翻译加直接音译并加注的策略，将其译为 “каша «бабао ляньцзы чжоу»” 并加注； 在处理“红烧狮子头”时， 译者选择了形象的直接解释性翻译并加注的方法，译为 “тушёные «львиные головы» в красном соусе”
并加注；以上都是较为成功的译法。 再看译者处理不当的空缺： 首先想要指出的是，在整个大篇幅的特色食物翻译过程中，译者出现了不少的理解性错误。如：“猪血豆腐”不是 “доуфу со свиной кровью”， 因为猪血豆腐不是豆制品，只是性质和形状像豆腐而已，可以译为 “свиный кровяной творог”；“驴头肉”不是 “блинчики с ослятиной”（驴肉饼）而是 “голова осла”（驴头）；“红烧牛、羊睾丸”不是 “говядина в соевом соусе и тушёные бараньи яица” （红烧牛肉和红烧羊睾丸）而是 “тушёные говяжие яица и тушёные бараньи яица” （红烧牛睾丸和红烧羊睾丸）；译者还将“汤圆”和“馄饨”搞反了， “汤圆”不是 “пельмени «танъюань»” 而是 “суп «танъюань»”， “馄饨”不是 “суп с клёцками «хуньтунь»” 而是 “пельмени с клёцками «хуньтунь»”。

2.相对文化空缺及其俄译

文中出现了大量的相对空缺词汇，从表面来看，并不难以理解，但是深究其背后的文化内涵，则大有文章。与绝对文化空缺不同，相对文化空缺所指的事物或现象在不同的民族文化中都有，但是在一种民族文化中没有多大特殊意义，而在另一种民族文化中带有稳定的特殊含义。在莫言《丰乳肥臀》一书中，这种相对文化空缺不在少数，下文将对不同类型的相对文化空缺及其俄译策略做相应分析。

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

①相对文化空缺——女性词汇

作为一本歌颂女性的长篇小说，在《丰乳肥臀》中充斥着描写女性的字眼。又由于中俄两民族文化中的女性观不一致，这些字眼变成了文化空缺。

中国人认为女人如花，文中有不少词汇把女人隐喻为花。如“花天酒地”、“黄花闺女”、“校花”、“红杏出墙”等等。在翻译上，译者基本采取了寻找对等的策略，有时很好的处理了空缺，如将“花天酒地”译为“разгульная жизнь”，将“黄花闺女”译为“юные девственницы”就是比较恰当的翻译。但有时候译者在翻译时也考虑不周。如他将“红杏出墙”被译为“алый персик свесился через ограду”完全抹去了该词的特殊意指味道，可加解释“алый персик свесился через ограду, жена пошла налево”。译者将“校花”一词翻译为“звезда”（明星）是错误的，因为校花和明星是两个完全不同的概念，建议采用寻求对等的策略，将其译为“самая красивая девушка”以填补空缺。

在原文中，女人常被莫言喻为“花”。除此之外，也有被喻为服饰的情况，如句中“独乳老金戴着一顶高帽，脖子上还挂着一只破鞋”中的“破鞋”。“破鞋”比喻乱搞男女关系的女人。译者将“破鞋”译为“поношенные туфли”并加注“Поношенные туфли - так в Китае называют женщин легкого поведения.”（破鞋——在中国是对轻浮女性的称呼）。根据上下文可知，这种译法完美诠释了脖子上悬挂“破鞋”的象征意义，很好的填补了文化空缺。

②相对文化空缺——实物词汇

在上一节中，笔者总结分析了有关女性的词汇的相对文化空缺及其翻译方法。在本部小说中当然不乏附带特殊中国特色文化意味的实物，虽然在俄民族文化中也有相同的事物，但却没有相等的文化意义，这样而成的空缺也值得探讨。

古时，东西上插稻草代表要出售。文中写道“脖子上插着谷草的五姐六姐”表明两姐妹等待出售。译者将“谷草”译为“соломенные бирки”谷草标签）未加注，似乎不佳。一来，读者会误认为“соломенные бирки”是用谷草做的标签，而不知指的是谷草本身。二来，插谷草的文化意味没能得到体现。建议改用解释性翻译的方法将其译为“соломы в знак продажи”比较妥当。

同样，“绿帽子”也是独具象征意义的文化特色元素，如果女人和别的男人相好，那么我们说这个女人给她的男人戴绿帽子。译者将“绿帽子”译为“зелёный колпак”并加注“Зелёный колпак - традиционное именование рогоносца.（绿帽子 —— 对妻子有外遇者的传统称呼）”但中国人意识形态中的“绿帽子”并不是“Зелёный колпак”（绿高帽），因为中国古代的平民不带高帽，而戴“шапка”（棉帽或皮帽）。所以，将“绿帽子”译为“зелёная шапка”并将注释改为“рогоносец, обманутый муж (изначально в Древнем Китае закон требовал от проституток, их мужей и мужчин, состоящих с ними в родстве, носить зелёные головные уборы)”能更好的解释绿中国特有的绿帽子文化，达到较好的翻译效果。

再看“光棍”一词。家为树，父母为树干，儿女为枝叶。“光棍”就是没有枝叶即没有子孙的意思，尤指没有老婆的男人。在翻译时，译者选择加注的方法将原文“我光棍一个，躺下一条，站着一根，没有什么好怕的”译为：я холостяк: хоть лежмя положи, хоть стоймя поставь.（我是单身，躺着竖着都是）并加注：«холостяк» по-китайски буквально «одинокая палка»（“单身”在中文里就是“光棍”）。俄文读起来很不可理解，且注释也不直白。如果改成“я одинокая палка: хоть лежмя положи, хоть стоймя поставь”（我是一根棍子，躺着竖着都是）再加注“«одинокая палка» в китайском языке символизирует «холостяк»”（“光棍”在中文里象征“单身”），这样处理起来语义就明了多了。

③相对文化空缺——成语、俗语和歇后语

汉语中成语、俗语和歇后语的形成不是一蹴而就的，而是基于汉民族先辈们长时期内对世界存在的外表形态、其他物种的行为习惯和相处模式以及其他事物与人类之间的联系等方面有相对稳定的认知系统。这一点，放在其他所有民族中同样适用。

a.与动物有关的成语、俗语和歇后语空缺

有时候在某种民族文化中，某种现象可以通过动物成语或词语来进行生动描述，而在另一种民族文化中没有相对应的归纳概括，由此形成民族文化空缺。

先来分析译者在处理这类民族文化空缺时的几个失败

的案例。不管是在中国还是在俄罗斯仗势欺人的人大有人在，但是只有汉语中有“狐假虎威”这个成语形象深刻的表达了这一概念，带有贬义。译者采取寻求对等的翻译策略将“福生堂家大业大……家里养着狐假虎威的短枪队”译成：“Фушэнтан — семья солидная…дома целый вооружённый отряд, который на всех страх наводит. ”（给所有人带来恐怖的短枪队）似乎有点偏颇， 没有将成语仗势欺人的精髓翻译出来。 笔者建议将其译为：“дома целый вооружённый отряд, который совершит плохие вещи, полагаясь на могущество семьи Фушэнтан. ”更符合原意。而汉语里有“鸦雀无声” 一词来形容非常安静， 这对于俄语来说也是空缺。译者将“鸦雀无声”译为 “молчать” 不太合理。因为 “молчать” 给人的感觉是不说话、 安静。 而“鸦雀无声”则是指一点儿声音也没有，程度较 “молчать” 要深。或许， 采用解释性翻译， 将其译为 “стоит мёртвая тишина” 或者 “стоит глубокое молчание” 会更加贴切。

再来看看几个成功案例。译者将“放你一马”处理为 “решить тебя помиловать” 是很好的对等替换；选择寻找对等的策略，将 “贪心不足蛇吞象” 译为 “ненасытная страсть, непомерная жадность” 、将 “骑驴看唱本，走着瞧” 译为 “поживём — увидим” 也是合情合理的。

b.与数字有关的成语空缺

同理，数字成语和上文中动物成语、俗语和歇后语一样，都是基于民族认知而成。中华民族对数字的认知不同于其他民族，汉语里有许多只为操汉语者才能理解的数字成语，这些表达在其他民族文化中没有对等词汇。

数字成语有实义和虚义的特点，这一特点在汉语数字成语中变现的尤其突出，在翻译虚指成语时，译者大都不采取直译加注的方法，而选择寻找对等词汇的策略，很好的填补了空缺。比如将“千头万绪”译为 “все переживания”、将“一动不动”译为“перестать трепыхаться”、将“四处张望”译为 “Оглянуться по сторонам”、将“四分五裂”译为 “разодрать в клочья”。这些都是较为成功的译法。

另外，汉语中有些数字成语是从文学作品或民俗风俗中归纳而来，因此，如果译者没有不懂其背后的文化因素，就会出现偏颇。如译者将 “三纲五常”译为“три начала и пять принципов”（三个开始和五原个则）并加注解释。很明显，译文语义与原文语义不符。可改译为 “три устоя и пять незыблемых правил” 并对具体哪三纲哪五常进行加注说明， 做到忠于原文且易于理解。

总结：深入剖析莫言《丰乳肥臀》俄译本中的空缺现象，分析其成因，研究译者的译法，探讨更加合理的空缺填补策略，是本论文的主要内容。可得，文学作品的翻译和文化的传播实践是一件十分困难且极具意义的事情，对文学作品中空缺现象的分析能推动空缺理论与实践和翻译事业的发展，是跨文化交际和翻译理论与实践研究的重要内容。

参考文献

1. 高凤霞.跨文化交际中的文化空缺现象探讨[J].社科纵横, 2010(3).
2. 霍存叶.俄汉语中文化空缺现象的翻译[D].呼和浩特:内蒙古大学. 2011.
3. 李阳.跨文化交际中的文化空缺现象及其解决方法[D].广州:广东外语外贸大学, 2009.
4. 刘宏.跨文化交际中的空缺现象与文化观念研究[J].外语与外语教学, 2005 (7).
5. 宋培杰,何孟良,孟月阳.俄汉熟语的文化空缺现象[J].社科纵横, 2012 (27).
6. 章小凤.《红楼梦》 俄译本中文化空缺现象的补偿策略[D].北京: 北京外国语大学, 2015.
7. Муравьев В.Л. Лексические лакуны. Владимир. ВГПИ. 1975 г.
8. Муравьев В.Л. Проблемы возникновения этнографических лакун: пособие по курсу типологии русского и французского языков. Владимир: ВГПИ. 1980 г.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Лю Вэй，Гао Жунго
Хунаньский педагогический университет,
Китайская Народная Республика

Принята к публикации: 15.09.2019 г.

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ / СУНЬ ЦЯНЬ, ПЭН ЦЗЯФА / УДК 81-2

АНАЛИЗ СПОСОБОВ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СЛОВ И СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

浅析词和词组的辨别方法

孙倩, 彭家法
安徽大学
Сунь Цянь, Пэн Цзяфа
Университет Аньхой, Китайская Народная Республика

АННОТАЦИЯ

В современном китайском языке существуют не совсем четкие разграничения слов и словосочетаний, а также до сих пор не установлены четкие критерии такого разграничения. Данная проблема является камнем преткновения в исследованиях китайского языка. Иностранные студенты, изучающие китайский язык, также сталкиваются с проблемой различения слов и словосочетаний, и часто в процессе изучения приходят в замешательство. Цель данной статьи заключается в выдвижении ряда новых идей разграничения слов и словосочетаний, а также представление новых способ преподавания относительно различения слов и словосочетаний в китайском языке.

Ключевые слова и фразы: *слово, словосочетание, метод интерполяции.*

Для цитирования: *Сунь Цянь, Пэн Цзяфа. Анализ способов разграничения слов и словосочетаний. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(1): 69-73.*

摘要

在现代汉语中，词和词组的界限不甚明确，至今为止也没有一个统一的判定标准。一方面，这为汉语的研究带来了一定的困难；另一方面，对外国学习者而言，他们难以区分词和词组，在学习过程中常常感到十分困惑，使用过程中也常常举棋不定。本文旨在在前人提出的一系列判定方法的基础上，提出区分词和词组的新思路，并根据俄语为母语的学习者在学习词和词组的过程中存在的困难，提出新的教学思路和方法。

关键词：词 词组 插入法

For citation: *Sun Qian, Peng Jiafa. Analysis of the ways of diferentiation of words and word combinations. Modern Oriental Studies. 2019; 1(1): 69-73.*

一．引言

在任何民族的语言中，词汇是语言的建筑材料。要建造语言这所大房子，词、词组、句子是极其重要的。在现代汉语中，语法单位主要有：语素、词、词组、句子。其中语素是最小的音意结合体，可以单独成词，也可以由两个或两个以上语素结合成词。词是最小的能够独立运用的语言单位，能够组成短语和句子。词组是由两个或以上词组合而成的。句子是句调完整，能够独立表达一个相对完整意思的语言单位。在上述的语法单位中，语素和句子很好判定，但是词和词组却很难区分开来，特别是双音节复合词。双音节复合词它的构成方式和短语的构成方式基本一致，这更增加了辨别二者的难点。在俄语中，词和词组的界限明晰，不存在难以辨别的情况。以俄语为母语的学习者，在学习汉语词汇时存在很多问题，他们很难辨别汉语中词和词组的差异。本文旨在前人的基础上，提出一些新的可行的辨别方法，帮助第二语言学习者更好的掌握汉语词汇。

二、汉语构词法与俄语构词法具有库藏差异

刘丹青（2011）指出语言库藏（linguistic inventory）是指特定语言系统或某一 层级子系统所拥有的语言手段的总和， 包括语音及韵律要素、 词库、形态手段、 句法手段 包括虚词、句法位置）等。

在汉语中，从词的结构上来看，词分为单纯词（由一个语素构成的词）和合成词（由两个或者两个以上语素构成的词）。朱德熙先生认为复合词句法结构有：主谓、述宾、述补、偏正和联合等。他还将一些简称，如：土改、抗战、执委会、北大、指战员等归入词的行列。除此之外，他还提

出了并立式复合词，如：说啊笑的、三三两两、三天两头、直来直去等。以上都加深了我们对词的理解。词组是由词构成的，没有语调的语言单位。词组在结构上可以分为：偏正结构（白马、塑料口袋）、述宾结构（切菜、爬山）、述补结构（洗干净、关上）、主谓结构（我知道、衣服小）、联合结构（辣椒和茄子、又大又红）、连谓结构（飞去上海、上街买菜）。从结构方面对词和词组进行简单地分析，发现词和词组在结构构成上具有相似性，这给我们判定词和词组带来了一定的难题。特别是双音节复合词和词组，有时候很难区分，学界至今也未能提供一个准确可行的判定方法。

在现代俄语中，构词法主要有四种。第一种是形态构词法，即通过词缀来构词。主要分为：前缀构词法、后缀构词法、尾缀构词法、前后缀构词法、前缀—尾缀构词法、后缀—尾缀构词法、去缀法、复合构词法等。第二种是溶合法。指某些词的组合由于经常固定使用合二为一，组成了新词。第三种是词类转化法，是指词在使用过程中从一种词类转变成另一种词类。第四种是语义构词法，是指通过词义的分裂产生了新词。

在俄语中，不存在词和词组难以区别的情况。

三、传统判定词和词组的方法及其局限性

（一）、意义上

首先，从意义上来看，词的意义并不是构成它的语素意义的简单相加，词的整体意义是一种凝练的结果。而词组的意义一般情况下可以看成构成它的成分意义的简单相加。比如说“黑板”我们不能简单认为就是“黑+板”，得出“黑板”等同于黑色的板。所谓的黑板实际上它是一个可以用粉笔反复书写的平面，板面坚硬，多用于教学。还有“黄瓜”，我们不能简单的认为它就是黄色的瓜，而应从整体上去把握，理解“黄瓜”是一种蔬菜。词组“红旗”我们就可以简单的认为它就是红色的旗帜，“绿叶”可以理解为绿色的叶子。但是这种判定方法也有一定的局限性，比如有一些词，如：鸡蛋、牛肉，它们的意义就是构成语素意义的相加。还有一些词组，特别是一些熟语，如：画蛇添足、挖墙脚、炒鱿鱼。他们的意义并不是构成成分的简单相加，除了字面意思，它们还有更加深层、更加凝炼的内涵义。

（二）、结构上

从结构上来看，词它的构成成分联系十分得紧密，无法插入其他成分；而词组它的构成成分之间联系比较松散，可以插入其他的成分。例如：

词（不可以插入其他成分）	词组（可以插入其他成分）
看头（*看一个头）	看书（看一本书）
黑板（*黑的板）	红花（红的花）
我们（*我和们）	我去（我不/想去）

这种方法也就是所谓的插入法，一直以来插入法都是比较受推崇的方法，能够简单快速地判定词和词组，但是它也有不足之处。近年来，许多语法学家认为不能简单地使用插入法。吕叔湘先生在《汉语语法分析问题》当中提到，“大树”和“大的树”并不是一回事，没有“的”字前边的形容词和后边的名词都不能随便扩展，例如：挺大的一棵树。可见有“的”和没有“的”是完全不同的两种结构，应该有所区别，不能混为一谈。熊仲儒先生利用生成语法学的知识解释不论是“白纸”还是“白的纸”都是词，不是词组。由上可知，插入法还有待商榷。

（三）、语音上

词由于各部分联系十分紧密，语音上没有停顿。如：心酸、人物、缩小，不能在一个语素之后进行停顿。而词组是由词构成的，在构成成分之间可以进行停顿。如：学习文件、进口机电、打肿、写错，应该在构成成分之间进行适当停顿。

在双音节的语言单位中，后一音节读轻声的是词，不读轻声的是词组。如：

词	词组
1.东西（西读轻声）	东西（西读第一声）
2.是非（非读轻声）	是非（非读第一声）
3.打手（手读轻声）	打手（手读第三声）

这种判定方法也不是十分的严谨，因为有些词组的末一音节也读轻声，如：走吧、它的，其中的“吧”和“的”也读轻声。

（四）、语言成分的活动能力

有的语言学家提出根据语言成分活动能力的强弱来确定词和词组，具体的操作方法如下：如果两个构成成分活动能力都非常强，都可以被许多其他成分替换，那么这两个构成成分都是词，构成的结构是词组；反之，则为词。如：

ISSN: 2686-9675

看书　　看书

看报　　买书

看电影　　读书

看电视　　念书

看美女　　写书

看漫画　　借书

“看书”这一结构，“看”和“书”都可以被其他成分替换，它们的活动能力极强，所以“看”和“书”都是词，“看书”是一个词组。“日食”这一结构，其中“日”和“食”很难被其它成分替代，它们的活动能力不是很强，所以二者结合形成的是词。

这种办法看似简单明了，实际上存在着很大的漏洞。有些词，它们的构成成分的活动能力就非常强，如果按照上述的标准，我们会把“铁路”、“羊肉”、“白菜”、“黄瓜”等词划分到词组的行列中去。

四、新的判定词和词组的方法

（一）、音节偏正结构词VS词组

1.插入“的”结合前加数量短语验证法

传统认为双音节偏正结构到底为词还是词组，主要通过插入法来进行判别，一般插入结构助词“的”。能够插入结构助词“的”且意义未发生改变的为词组，不能插入“的”则仍为词。本文认为这种判定方法具有一定的局限性。

例如：

4.桌腿　　桌的腿

5.羊肉　　羊的肉

6.猪皮　　猪的皮

双音节偏正结构“桌腿/羊肉/猪皮”中间可以插入“的”，变成“桌的腿/羊的肉/猪的皮”，且基本意义未发生改变。根据传统的判定方法，我们可以直接认为“桌腿/羊肉/猪皮”是一个词组。但是通过在“桌腿/羊肉/猪皮”和“桌的腿/羊的肉/猪的皮”前面分别加上数量短语，我们发现二者在语法功能上并不一致。

如：

7.一条桌腿　　一条桌的腿/一张桌的腿

8.一斤羊肉　　一斤/一只羊的肉

9..一块猪皮　　一块/一只猪的皮

“桌腿”、“羊肉”、“猪皮”分别只能受到数量短语“一条”、“一斤”、“一块”的修饰，因为“桌腿”、“羊肉”、“猪皮”它们的核心成分靠后，数量词一定要和核心成分相匹配。而“桌的腿”、“羊的肉”、“猪的皮”分别可以和数量短语“一条/一张”、“一斤/一只”、“一块/一只”搭配，也就是数量短语可以和其中任何一个部分相匹配。由此，我们可以认为“桌腿/羊肉/猪皮”和“桌的腿/羊的肉/猪的皮”并不完全等同，它们在句法功能上存在差异。“桌腿/羊肉/猪皮”它们是一个词，是一个核心语素靠后的词；而“桌的腿/羊的肉/猪的皮”它们是一个词组，数量短语可以和这个词组的任何一个部分搭配。

另外，还有一种，如：

10.红花　　红的花

11.绿叶　　绿的叶

12.红旗　　红的旗

按照传统的判定方法“红花”、“绿叶”、“红旗”中间可以插入“的”，插入“的”之后意思未改变，所以它们都是词组。按照新的判定方法，在它们前面加上数量短语之后，再进行观察。

13.一朵红花　一朵红的花

14.一片绿叶　一片绿的叶

15.一面红旗　一面红的旗

插入数量短语之后，我们发现“红花/绿叶/红旗”和“红的花/绿的叶/红的旗”在语法功能上并无差别，所以“红花/绿叶/红旗”和“红的花/绿的叶/红的旗”一样都是词组。

通过上面的叙述，我们认为能否加“的”作为判定双音节偏正结构词和词组的唯一标准，还应结合数量短语进行验证。不能加“的”的双音节偏正结构一定是词，能加“的”的双音节偏正结构还需进一步验证。加“的”前与加“的”后在句法上存在一定的差别，在和数量短语的搭配方面存在差异，那么这个结构应该是词；若加“的”前与加“的”后在句法毫无差别，这个结构应为词组。

2.1.插入“的”结合前加副词验证法

上文介绍了插入“的”结合前加数量短语验证法来验证双音节偏正结构的词或者词组，接下来介绍插入“的”结合前加副词验证法。例：

大树 *很大树　对比　大的树 很大的树

高楼 *很高楼　对比　高的楼 很高的楼

大锅 *很大锅　对比　大的锅 很大的锅

在 例16、17、18中 ，“大 树”、“高 楼”、“大 锅”加上“的”之后变成“大的树”、“高的楼”、“大的锅”，在意义上二者无明显差别。但是在句法功能方面，“大树”、“高楼”、“大锅”前面不可以加上程度副词“很”，而“大的树”、“高的楼”、“大的锅”前面可以加上“很”。所以我们有理由认为“大树”和“大的树”在句法方面并不相同，“大树”是一个复合词，而“大的树”是一个词组。

（二）、名词加单音节方位词构成的结构为词还是词组

由名词加单音节方位词构成的名位结构如：

18.床下 桌上 门后 屋里 房前

在它们中间不可以插入“的”，按照传统的判定方法它们应该是词，而不是词组。

我们在这些结构之前插入数量短语，再进行观察。

这张床下 这张桌上 这扇门后 这间屋里 那间房前

加上数量短语之后，发现这些数量短语修饰的只是前面的名词，而不是后面的单音节方位词。汉语是一种中心语居后的语言，若上面这些结构是词，那么数量短语应该和一个词中的核心语素搭配。由此可以知道这些结构从表面上看是一个词，实则不是。它们究竟是词组还是派生词我们还需要进行更加深入地分析和探讨。

吕叔湘先生（1965）认为有些单音节方位词的语法意义具有泛向性。当方位词意义非常淡薄，具有泛向性时，就不可能是独立的词，只可能是构词成分。

单音节方位词“上”、“下”、“前”、“后”、“里”等可以表示某个地方，如：上面提到的“床下、桌上、门后、屋里、房前”，此时，这些方位词的意义非常明确。我们认为此时名词加上单音节方位词的结构应该为词组，而非派生词。

但有时候，它们并不表示实际的处所，而是有各自的引申用法。如：

“上”并不和“下”相对应，具体位置并不一定在某个物体的上方。

19.头上 脚上 心上

某些物体代表的意义和概念比较抽象，谈不上所谓的“上”和“下”，如：

20.早上 晚上 地球上

有时候，“里”和“外”也不一定相对应。如：

21.背地里 省里县里

但是大多数也可以设想有相应的“外”，但是这里的“外”在实际语言里几乎用不着，如：

22心里 嘴里 手里

上面举的19.20.21.22几个例子，其中方位词具有泛向性，不表示实际的意义，我们认为此时名词加上方位词构成的名位组合为派生词。

从语音上看，派生词和复合词、词组的语音有差异。派生词的重音在它词根的部分，词缀（特别是后缀）要读轻声；而词组和复合词的语音却一般不会读轻声。

所以除了从意义上进行论证，还可以从语音角度加以证明。在例18中，方位词读本音，而在例19.20.21.22方位词读轻声，不可以读本音。

综上所述，当名词与方位词构成名位组合时，通过前加数量短语进行测试，发现只存在两种情况。一种是构成词组，另一种是构成派生词。当方位词的意义实在，不可以被其他词语所替代，并且只能读本音，此时构成的是词组；当方位词在意义上个具有泛向性，可以被其他词语替代，并且可以读轻声，此时构成的是派生词。

五、教学建议

汉语和俄语的构词法具有库藏的差异，汉语中词和词组结构相似，存在着辨析的困难，而俄语中并不存在词和词组分辨不清的问题。对以俄语为母语的学习者而言，学习汉语词和词组时，含混不清，辨别不明。本文的教学建议是初级阶段学生无须区分词和词组，在学生掌握了一定的汉语知识后，应该强调类型化教学，帮助学生理解词和词组之间的细微差别。

ISSN: 2686-9675

其中之一的方式是根据结构构成进行分类教学。如：

1.联合型合成词：途径 骨肉 尺寸

联合型词组：爸爸妈妈 辣椒茄子 改正提高

联合型合成词中间无法插入别的成分，我们不可以说：途和径、骨和肉、尺和寸。插入别的成分之后，意义发生了改变。而联合型词组，它的中间可以适当插入连词，我们可以说：爸爸和妈妈、辣椒和茄子、改正并提高。插入别的成分之后，意思相同，未发生改变。

2.偏正型合成词：热心 雪花 小说 筛选 游击 笔直

偏正型词组：红花 绿叶 快跑 慢走

从上述例子可以发现：从形式看一些双音节偏正型合成词和双音节偏正型

词组在结构上极其相似，稍不留心就会判定错误。偏正型合成词各部分联系紧密，不可以说：热的心、雪的花、小的说、筛地选、游地击、笔地直。而偏正型词组中间可以插入别的成分，如：红的花、绿的叶、快快地跑、慢慢地走。

对于一些名词+名词构成的偏正型合成词和词组，例如：羊肉/桌腿之类，应该利用加“的”结合前加数量短语进行判定。对于形容词+名词构成的偏正型合成词和词组，应该利用加“的”结合前加副词进行判定。

3.动宾型合成词：司机 管家 美容

动宾型词组：看书 写字 喝水

动宾型词组由于各部分联系不是很紧密，有时候可以将宾语调换至主语位

置，如：书看了、字写了、水喝了。也可以在其中间插入别的成分，如：看了三本书、写了两个字、喝了一杯水。而动宾型合成词各部分既不可以调换位置，也不可以插入别的成分。如，不可以说：机司了、家管了、容美了。也不可以说：司了一下机、管了一天家、美了三次容。

中补型合成词：提高 说服 推翻 扩大

中补型词组：建成 写完 打赢

中补型合成词中间不可以加入其他成分，不可以说：提得高、说得服、推得翻、扩得大。而中补型词组中间可以加入“得/不”，如：建得/不成、写得/不完、打得/不赢。

主谓型合成词：月亮 民主 日食

主谓型词组：我饿了 他来了

主谓型合成词中间无法插入其他成分，不可以说：月很/不亮、民很/不主、日很/不食。而主谓型词组中间可以插入别的成分。如：我很/不饿、他没来。

六、结语

在现代汉语中，词和词组的界限模糊不清，学术界至今也没有给出一个比较明确的判定方法。本文旨在在前人提出的一系列判定方法的基础上，提出插入“的”结合前加数量短语验证法以及插入“的”结合前加副词验证法来验证双音节偏正结构到底是词还是词组，同时验证了由名词加单音节方位词构成的名位结构可能是词组也可能是派生词。以俄语为母语的学习者在学习词和词组的过程中存在着一定的困难，本文也提出了教词和词组的一些思路和方法。

参考文献

1. 朱德熙.语法讲义[M].北京：商务印书馆，1982.
2. 黄伯荣、廖序东.现代汉语[M].北京：高等教育出版社，1991.
3. 吕叔湘.汉语语法分析问题[M].北京：商务印书馆，1979/2014
4. 吕叔湘.现代汉语八百词[M].北京：商务印书馆，1999:52--56.
5. 吕叔湘.现代汉语词典[M].北京：商务印书馆，2005:20.
6. 陆俭明、沈阳.汉语和汉语研究十五讲[M].北京：北京大学出版社，2004.
7. 冯胜利.论汉语的“韵律词”[J].中国社会科学，1996（1）.
8. 冯胜利.从韵律看汉语的“词”“语”分流之大界[J].中国语文，2001（1）.
9. 卞觉非.略论语素、词、短语的分辨及其区分方法[J].语文研究，1983（1）.
10. 董秀芳.词汇化：汉语双音词的衍生和发展[M].成都：四川民族出版社，2002.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Сунь Цянь, Пэн Цзяфа
Университет Аньхой,
Китайская Народная Республика

Принята к публикации: 15.09.2019 г.

MODERN ORIENTAL STUDIES
СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
VOL.1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
INTERNATIONAL SCIENCE JOURNAL / МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СРАВНЕНИЕ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУР – НА ПРИМЕРЕ СЕРИАЛА «КАК Я СТАЛ РУССКИМ»

比较中俄文化的差异

——以《战斗民族养成记》为例

吴雅男, 马刚

安徽大学

У Яньань, Ма Ган

Университет Аньхой, Китайская Народная Республика

АННОТАЦИЯ

В связи с развитием процесса глобализации, появляется все больше и больше продуктов телевидения и киноиндустрии, китайское кино и телевидение также может выйти за пределы страны. То, каким образом развиваются российско-китайские отношения, может напрямую отразиться в кино и телевидении. В данной статье на примере сериала «Как я стал русским» анализируются и рассматриваются отражения русской культуры, а также их сравнение с китайской. Далее рассматриваются сходства и различия этих культур.

Ключевые слова и фразы: *сравнение культур, различия России и Китая.*

Для цитирования: *У Яънань, Ма Ган. Сравнение русской и китайской культур - на примере сериала "Как я стал русским". Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(1): 74-77.*

摘要

随着全球化的发展，越来越多的影视电影出现在我们面前，中国的影视电视也会“走出去”。中俄关系发展如何也会间接通过影视电影间接反映出来，本文通过观看《战斗民族养成记》整理和分析其中体现的俄国文化，并使其与中国文化相对比，从而分析其中的差异与相同或相似点。

关键词：文化比较 中俄差异

For citation: *Wu Ya'nan, Ma Gang. Comparison of Russian and Chinese cultures - on the example of the series " How I became Russian". Modern Oriental Studies. 2019; 1(1): 74-77.*

中国和俄国在国际上都是大国形象，冷战结束后，中俄关系进入快速发展时期，在叶利钦当政时中俄的关系进一步发展。在普京执政时期，中俄的战略合作伙伴关系得到深化和巩固，并且在国际上，双方都坚持反对霸权主义、强权政治，都在为国际政治经济新秩序而努力。所以，在战略上，两国进行合作交流是必然的趋势，而且这个时候正处于最佳时候。在两国的关系上，文化也是影响两国关系的因素之一，因此，我们通过观看俄国电视剧《战斗民族养成记》，运用观察法、归纳总结法对《战斗民族养成记》中出现的俄国文化进行整理和分析，从而使用文化对比方法与中国文化进行对比，找出其文化的相同或相似处与差异性，为中俄文化交流提供借鉴。

中俄文化之差异性

我们知道，中国和俄罗斯由于人们生活的地理位置不同，所经历的历史不同，生活方式的不同等等因素，自古以来我们的文化就形成了本质上的不同。在我们中国人的印象中，

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

提到俄罗斯，大家都会想到的是“战斗民族”、打架、空手与熊搏斗等等，这是我们对俄罗斯的“刻板印象”，“刻板印象”就是对于某些个人或群体的属性的一套信念。然而[1]，我们通过观看俄国电视剧《战斗民族养成记》，可以发现在我们“刻板印象”中的俄罗斯人也会有与国人相同或相似之处。

《战斗民族养成记》讲述的是一位美国记者阿列克斯被上司派到俄罗斯出差，阿列克斯的性格，再加上两种文化的不同与碰撞，从而在俄罗斯上演了一段段轻松幽默搞笑的片段。

在《战斗民族养成记》里，我们会发现俄罗斯人的行为举止等也会有与国人相似或相同之处。

在饮食方面，我们可以看到《战斗民族养成记》的第一集就给我们呈现了酒文化。男主角阿列克斯一下飞机就被罗马带到了自己女朋友家吃饭，在饭桌上罗马女友的父亲和阿列克斯喝酒，但是男主阿列克斯不能喝酒，就当面回绝了。但却被同时罗马相告：“在俄罗斯不跟人喝酒，就跟在美国 跟人竖中指一样”，所以男主阿列克斯勉为其难地喝了半杯，但又被罗马说，没喝完也是大不敬，因此阿列克斯喝醉了闹出巨大的笑话。

我们可以看到俄罗斯的酒文化与我国的酒桌文化也是有相似之处，吃饭喝酒，我们通过喝酒来加深彼此之间的感情。在中国的远古时代就形成了酒文化，随之而来的就是“酒礼”，比如，“长辈命晚辈饮酒，晚辈才可举杯；长辈酒杯中的酒未饮完，晚辈也不能饮完”。中[2]国人热情好客，在酒桌上，主人都是拿出家里最好的酒希望宾客可以多喝一点，所以就出现了劝酒的习俗。如果在酒桌上，宾客喝得很多，主人就会感到很高兴，若宾客喝得很少或者是不喝，那么主人就会觉得没面子，不高兴。同样地，在俄罗斯如果你的酒桌上剩酒了，那么这是非常忌讳的，也是对主人的不尊敬，主人也会感到不高兴。

在影片中，我们还可以看到俄罗斯人吃饺子的画面。俄罗斯和中国一样也吃饺子，但俄罗斯饺子陷比中国的种类要多很多，比如有肉馅的、奶油馅的、土豆馅的、樱桃馅的等等。俄罗斯位于中国北部，天气较寒冷，所以饺子馅也是由很多甜食类组成，从而可以预防寒冷。它与亚洲交往密集，也受到中国文化的影响，相传饺子是由张仲景发明，他发明的原因是因为在回乡的途中，发现很多人耳朵冻伤并且冻死，于是发明了饺子。俄罗斯人身处严寒之地，可以通过吃饺子来御寒。

俄罗斯注重集体主义，集体主义大于个人主义，认为凡事都以社会和集体为重，个人的的利益可以牺牲。所以在隐私方面，中国和俄罗斯一样，对空间没有明确的界限，认为年龄、婚姻、恋爱等都不属于个人隐私，隐私的范围比较大。在阿列克斯的办公室是没有隐私而言的，公共物品和个人物品是没有明确的界限，阿列克斯买的披萨放在桌子上，在拿水的期间披萨已经被办公室里的同事分了；男主阿列克斯的美国女朋友跟阿列克斯视频以求复合，但视频的地点在阿列克斯的办公室，在阿列克斯的办公室是没有隐私而言的，办公室里的同事闻声就都跑过来跟阿列克斯一起视频。虽然这在《战斗民族养成记》这部影视作品变现表现的略微夸张，但这也正体现了在俄罗斯隐私的范围比较大。这跟中国也是有相似之处，比如在中国，人们会问你“你吃过饭了吗？”“你去哪儿”“你去做什么”“你多大了”“你结婚了么”“你的收入是多少”等等一些问题，这个跟《战斗民族养成记》里展示披萨被同事分了、跟前女友视频被同事围观是一样的，他们只是通过这个来表示对别人的关心。

中俄普遍的生活情感具有同一性。尽管中国和俄罗斯的地理位置、生活方式以及交际行为方式等不同，但是人们的喜怒哀乐，对穷苦人民的爱怜之心的生活情感是一样的。虽然俄罗斯人们表面凶狠，但是对表达自己的情感还是和中国有很多共同之处。比如男主阿列克斯走累了在路边坐着，把帽子拿在手上，一位老太太一位阿列克斯是在行乞，就毫不犹豫走过去将自己的钱施舍给阿列克斯；阿列克斯乘坐出租车，但把自己的包丢在了车上，但是司机把包还给了

男主，中国和俄罗斯人民都是善良的，中俄的生活情感是具有一致性的。

中俄的思维方式在一定程度上也是有一定的相似性，中国看待事物有着辩证的思维方式， 认为事物都是统一的一面也有对立的一面，这种对立统一存在任何事物中。而俄罗斯也是有这样的哲学思想，阿列克斯来到俄罗斯期间发生了许许多多的事，先是乘坐了非法营运的出租车、自己的包丢在了出租车里、手机被小孩抢走以及被警察关进了监狱，虽然这些种种的不幸都发生在阿列克斯的身上，但这些不幸的另一面也给他带来了意想不到的事情，比如罗马的姐姐和他感情升温以及罗马的岳父因为他写的一篇报道对他进行感谢等，这都印证了影片中所说的“本来运气不太好，霉运反倒帮了忙”，这跟中国的“塞翁失马，焉知非福”如初一致。

虽然中俄在文化上有一定的相同或相似性，但最终由于地理位置的不同、历史演变过程以及生活方式的不同，他们自然而然形成了不同的文化习惯和文化形态。

虽然上文说过中俄的思维方式有一定的相似性，但由于自然环境、历史演变的不同，思维方式以及风俗习惯也有本质上的差异。比如在影片《战斗民族养成记》中男主阿列克斯为了讨好女上司就打算在花店买束花送给她，但他买的是红色的康乃馨，并且数量为8枝。在俄罗斯文化里，给俄罗斯送花的话你不能送偶数，比如2,4,6,8，因为在俄罗斯斯拉夫神话里，偶数以及数字2都是具有贬义的色彩，象征着不吉利，所以双数花都是参加葬礼的时候才送的，而且红色的花也是在人们遭遇不好的事才送的。所以，当阿列克斯在花店挑选8枝红色的康乃馨时，店员惊讶地说了一句“你的上司很年轻”。但是在中国双数是代表了吉祥、和谐。在生活中也处处体现了“双数”的含义，比如在中国结婚的时候会选双数的日子，结婚的时候贴的喜字也是双喜，古代的建筑物也讲究对称等等，人们特别喜欢六和八这两个数字，因为六可以表示“六六大顺”，“六六大顺” 代表了做事一路顺畅，八表示“发”，代表了可以发财而受到人们的喜爱。这个跟中国的民族心理是有关系的，“中国人偏爱偶数，讲究对称。.....可以说，中国的建筑、是个、绘画等各个领域都以均衡、对称为美。从中国人独特的‘尚偶’观念，可以看出聚合则吉的传统民族心理”。[3]

在风俗习惯方面也会有很多差异的地方，不同的国家文化历史演进的不同以至于文化的积淀会大不相同，产生的风俗习惯也有很大的差异。比如，男女间的风俗文化直接导致男女间在接触和交往的方式不同。在《战斗民族养成记》中，男女见面通常会热情地拥抱或者吻脸颊，拥抱礼和施吻礼是俄罗斯常用的礼节，由此可见，俄罗斯性格热情、勇敢，对于男女间的界限并没有那么明确。这是由于俄罗斯处于亚欧板块间，接受欧洲文化的影响，所以在与人交往的礼节上与欧洲相似。而中国自古以来，就有“男女授受不亲”“男女有别”这样 说法，中国认为男女之间要保持距离才算礼貌。因为中国古代有男尊女卑的传统思想，受几千年的封建思想的影响，这是等级观的表现。这种思想在当代中国也是普遍存在的，比如，男生女生在很熟悉的情况下也会尽量保持距离，不会随意拥抱对方。

中俄对国和家的观念不同。在[4]中国，我们是群体取向，提倡凡事都以家庭、社会和国家利益为重，在中国人民的心目中，家庭或者家族地位非常重要，现在在农村也有很多三世同堂或者四世同堂的情况存在。但是在影片《战斗民族养成记》中很少体现出家庭地位的重要性，俄罗斯人民有很强的爱国情怀，比如，美国记者阿列克斯被司机带到了一个荒芜人烟的地方并且被小孩抢走了手机，从而为了追手机被一群小孩“制裁”，其中有这样一句台词“我们也来制裁制裁你”，这充分体验了爱国主义和民族主义在俄罗斯的心目中是占了很重要的位置，这种思想是深入人心的，别尔嘉耶夫认为，“俄罗斯是世界上最具有民族主义情绪的国家，是民族主义自大狂甚嚣尘上的国家，是把一切都民族化了的国家”。[5]

当我们观看《战斗民族养成记》时，我们会被里面的风景建筑深深的吸引住，因为它别具一格。俄罗斯的建筑之所以具有强大的特点并且具有观赏性，是跟俄罗斯的宗教有

着密不可分的关系。中国的宗教是一个外来文化，佛教是影响最大的一个宗教，但是外来的宗教文化之所以能够存活下来，很大原因是跟它融入了儒家道家的思想有关，古印度佛教将通过修炼可以摆脱烦恼和痛苦的思想与儒家道家的思想相融合，这样佛教才得以被更多的人信仰。虽然，佛教成为影响最大的宗教之一，但它很少与朝廷皇家权利发生过冲突，所以可以说在中国很少对产生狂热的追寻。但俄罗斯是一个多教并存的一个国家，大多数是信仰东正教的，俄罗斯宗教影响着俄罗斯人民的日常生活与生活习惯，它也影响着社会的风俗习惯，可以说俄罗斯的宗教在俄罗斯具有举足轻重的地位，它将俄罗斯人民联系在一起，又与俄罗斯的社会生活有着密不可分的关系，宗教对于俄罗斯人民的激情狂热的性格形成也具有重要影响。所以我们可以在影片《战斗民族养成记》看到俄罗斯的建筑物具有浓厚的宗教色彩，俄罗斯的建筑风格是公认的斯拉夫式的风格。在影片中 我们还可以看到罗马岳父家里挂着自己的图像并且还供奉着，这个很大程度跟宗教有关系。基督教是俄罗斯的宗教之一，但是它已经具有俄罗斯本土特色，并且东正教的一个代表性的特色是崇拜圣象，每个家庭都会在家里供奉一幅圣象。

我们可以知道由于自然环境的不同、历史演进的不同等也会导致本国人民对国家的国际地位的认识不同。在影片《战斗民族养成记》中，我们可以多次看到俄罗斯人民因国家强大而感到自豪的片段，比如男主阿列克斯在租房子时，房东问阿列克斯，桌子上这个东西你知道是什么吗，然后房东介绍这个是“不倒翁”，并且认为“不倒翁”是国家的象征，象征着国家永远不会被别人打倒。这个情节充分体现了俄罗斯人民认为俄罗斯是永不倒下的国家，不管你现在的地位是怎么样。俄罗斯位于亚欧大陆板块，它的地理位置特殊，是世界上领土最大的国家并且它的大部分土地都是平原，所以俄罗斯在遇到外地入侵的时候，没有天然的保护功能，所以俄罗斯人民就形成了很多的不安全感以及对别人的不信任感，因此俄罗斯人民为了消除这些不安全感以及不信任感，就会不断地加强兵力，不断扩大疆域，从而俄罗斯人民对自己国际地位有了越来越明确的认识。而中国在近代的时候国际地位较高，通常是一幅高高在上的姿态，但在遭到外敌入侵，国际地位大幅度下降，人民对我国的国际地位并没有像俄罗斯那样“不倒翁”的形象，而是对自身所处的国际环境充满了敏感。

当前，世界的经济和政治发展到了一个全新的阶段，我们面对着更为复杂的文化关系，所以我们应该分析国与国之间的文化中的差异与相同或相似，从而更好地进行国与国之间的交流。中俄之间的关系的好坏不仅仅是国与国之间的利益驱使，文化因素也是其影响因素之一，虽然中俄文化的内涵和呈现方式都有所不同，但文化的相同性或相似性可以通过文化的传承性去让两国人民感受到。尽管中俄国家政府之间的交流较频繁，但民间的交流较少，所以我们可以更多地通过民间举办文化交流活动去更好地加深中俄之间的关系。

参考文献

1. 胡文仲.跨文化交际学概论[M].北京：外语教学与研究出版社，1999.
2. 王慧.解析中俄酒文化[J].经营者，2013,27（2）：74-74.
3. 赵英来.论中日不同的数字文化[J].高教学刊，2016年11期.
4. 马风书.比较文化语境中的中俄关系[J].外交评论，2008年第102期，32-41
5. [俄]尼•别尔嘉耶夫.俄国魂[M]学林出版社，1999.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

У Яньань, Ма Ган
Университет Аньхой,
Китайская Народная Республика

Принята к публикации: 15.09.2019 г.

MODERN ORIENTAL STUDIES
СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
INTERNATIONAL SCIENCE JOURNAL / МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

РЕЦЕНЗИЯ: КІКТЕНКО В.О. ІСТОРІЯ УКРАЇНСЬКОГО КИТАЄЗНАВСТВА (XVIII – ПОЧАТОК XXI СТОЛІТТЯ). – КИЇВ, 2018. – 388 С. ISBN 978-966-02-8768-6

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, *д.и.н., профессор,*
Российская Федерация, г. Казань, ИМО КФУ
dmitrymartynov80@mail.ru

Для цитирования: *Мартынов Д.Е. РЕЦЕНЗИЯ: Кіктенко В.О. Історія українського китаєзнавства (XVIII – початок XXI століття). – Київ, 2018. – 388 с. ISBN 978-966-02-8768-6. Современные востоковедческие исследования. 2019; 1(1): 78-81.*

Постсоветские тектонические разломы на политической карте отразились не в меньшей степени и на символическом пространстве. Не миновала чаша сия и области гуманитарных наук, в том числе в весьма тесно связанных с государственными интересами и идеологиями – востоковедческих дисциплин. Конструирование постсоветской украинской идентичности потребовало капитального пересмотра ситуации и в гуманитарии, в том числе далекой от актуальных проблем восточнославянского размежевания. В этом плане «Историю украинского китаеведения» В.А. Киктенко с удовольствием прочитает не только специалист-синолог, но и любой, кто интересуется историей науки и интеллектуальной историей.

Специалистам В.А. Киктенко известен как автор превосходно написанных работ по проблемам традиционной китайской науки и протологики и единственной на русском языке монографии, посвящённой Дж. Нидэму [1]. Уже это одно обеспечивает большие ожидания читателя, которые, заметим сразу, оправдываются. Заявленная проблема монографии – рассмотрение вклада украинцев в развитие синологической науки. Автор скупо признаёт (с. 4), что украинцы действовали в академических институтах разных государств, и прежде всего Российской империи и СССР. Одним из немногих, кто отдельно выделял «малороссийское направление» в историографии, был о. Николай (Адоратский), и касалось это функционирования в XVIII в. Русской духовной миссии в Пекине, которую действительно неоднократно возглавляли православные иерархи, получившие образование в Европе – преимущественно, украинцы по национальности и идентичности. Территориальный подход был свойственен и В.В. Бартольду, однако в обобщающих трудах П.А. Скачкова он не использовался. Таким образом, В.А. Киктенко взял на себя нелёгкую миссию – определить предмет и границы украинского китаеведения и составить биобиблиографический обзор. Во введении (с. 5) содержится также очень интересное рассуждение о различиях терминов «синология» и «китаеведение» («китаєзнавство»), под которым автор подразумевает комплексную междисциплинарную науку о Китае во все времена его существования, предметное поле которой максимально широко. Этому противопоставляется «синология», сосредоточенная на классическом китайском языке, культуре, литературе, истории, религии и философии. Равным образом, понятие «украинское китаеведение» в понимании В. Киктенко двойственно: во-первых, как национальная школа, поддерживаемая государством; во-вторых, как широкая репрезентация знания о Китае в украинском обществе. Весьма примечательна авторская периодизация (с. 5–6):

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

Донаучный этап (начало XVIII – начало XIX вв.), когда происходило проникновение первых сведений о Китае в украинскую образованную среду;

Научно-просветительский этап (начало XIX – начало XX вв.) – формирование практического китаеведения и возникновение первых центров изучения Китая на Украине;

Научно-практический этап, который связан с попыткой создания китайского направления в Киевском коммерческом институте 1913–1918 гг.;

Развитие советского украинского китаеведения в 1918 –1991 гг. обозначается как «научно-идеологический этап»;

Наконец, этап после 1991 г., обозначается автором как «научно-образовательный», и его содержанием является изучение Китая на независимой Украине.

Таким образом, и в структурном отношении монография соответствует этой периодизации, хотя объём и содержание будут чрезвычайно неравны. Попытки отыскать в древнерусской литературе сведения о Китае соответствуют ещё советской традиции возводить любые явления «до Нестора». Равным образом, автор ссылается на основополагающий труд Чжан Синланя (张星烺, 1889–1951) в котором действительно впервые описаны связи между Древней Русью и Юаньским государством потомков Чингисхана (с. 7–9). Тем не менее, отождествление Руси (и даже Киева) в китайских источниках XIII–XIV вв. именно с «украинскими землями» (с. 10) демонстрирует политическую ситуацию, с которой приходится считаться даже самому серьёзному исследователю. О последнем свидетельствует вывод: «Итак, в эпоху Средневековья существовали, прежде всего, кросс-культурные и единичные непосредственные контакты Украины и Китая, однако они не имели существенного влияния на формирование знаний о Китае на Украине» (с. 12).

Примечательно, что далее в изложении наступает большой разрыв, и событийный ряд возобновляется на середине XVII в. – раннего Нового времени по периодизации В. Киктенко. Среди нерчинских и албазинских казаков упоминается «Никифорка Черниговский» (с. 13). Упоминаются и другие примечательные факты, например, что в 1764 г. из нерчинской каторги бежали в Китай ссыльные казаки Филипп Великий, Андрей Плаха, Даниил Третьяков, Федор Таран, которые были причислены к албазинской «русской сотне» и женаты на окрещённых китаянках (с. 15). Стоит согласиться и с утверждением (со ссылкой на о. Николая Адоратского), что «первый период Русской православной миссии в Пекине, весь XVIII век, был преимущественно украинским» (с. 18), правда, уроженец Казани с тем же основанием добавит, что рядовой состав миссии более чем наполовину состоял из крещёных «инородцев» Поволжья, Урала и Сибири, которые, как представлялось тогдашним властям (и небезосновательно), наиболее подходили для работы на Дальнем Востоке. Не обошлось и без упоминания Григория Саввича Сковороды, которому в историографии современной Украины отведено особое место; В. Киктенко приписывает именно ему первые определённые высказывания о Китае в украинском интеллектуальном контексте (с. 33–34). И тем не менее, вся первая часть книги не производит впечатления целостности, преимущественно сводясь к перечислению архимандритов-украинцев и их деятельности. Особое место в изложении (уже второй части книги) занимает архимандрит Вениамин (Морачевич) – последний уроженец Малороссии на посту главы Пекинской миссии (с. 51). В один ряд с ним попал Осип Павлович Войцеховский – первый профессор маньчжурского языка Казанского университета, хотя его профессиональная жизнь почти не была связана с Киевской губернией, где он родился (с. 52). Удостоились упоминания и приставы Е.Ф. Тимковский (с. 53–54) и Е.П. Ковалевский (с. 56–57), всякий раз основанием для этого был факт их рождения на территории современной Украины. Полтавский дворянин и последний поверенный в делах России в Цинской империи И.Я. Коростовец оказался в том же ряду. В общем, первая глава второй части уместнее смотрелась бы в предыдущем разделе, поскольку и хронологически и логически составляет с ним одно целое.

Со второй главы второй части изложение непосредственно переходит к заявленному предмету: научно-просветительским центрам изучения Китая в Киеве, Одессе и Харькове. При этом (воспользуемся формулировками из заключения к работе) необходимость описания реалий XIX века, исходя из реальности XXI в. приводит к единственным в своем роде формулам: в деятельности Пекинской миссии «украинское направление ослабевает, что связано… с переездом украинских интеллектуалов в Москву, Санкт-Петербург и Казань, что также оказало негативное влияние на распространение китаеведения на Украине» (с. 260). Равным образом, попытка учесть всё, что происходило на территории Украины, привела закономерно к тому, что изданная в Харькове в переводе на русский язык речь немецкого синолога О. Франке «Умственные течения в современном Китае», прочитанная в Германском колониальном обществе, стала фактом

украинского китаеведения (с. 66). Разумеется, речь, напечатанная в 1904 г. в переводе А. Кранихфельда, была фактом интеллектуальной жизни университетского города, в котором публика живо интересовалась театром действий Русско-японской войны, а равно и прилегающими регионами. При этом очерк персоналий и сюжетов, связанных с Харьковским университетом, сам по себе чрезвычайно интересен и может послужить основой для большой монографии, посвящённой большому пласту предметов. Не менее любопытны изыскания автора по адресу украинцев, которые были награждены китайскими орденами (с. 73–87).

Третья часть монографии В.А. Киктенко посвящена краткой (1913 – 1918 гг.) истории украинского практического китаеведения, связанного с весьма известным учебным заведением – Киевским коммерческим институтом. История, как налаживалось преподавание восточных языков в Киеве, и как ректор М.В. Довнар-Запольский (этнический поляк родом с территории Беларуси) пытался привлечь на должность лектора китайского языка Н.И. Конрада – сама по себе достойна отдельного исследования; ещё более ценным является публикация переписки М.В. Довнар-Запольского с Конрадом и разрабатываемых последним учебных планов (с. 92–101).

История советского украинского китаеведения совершенно заслуженно вынесена в отдельную часть. Изложение начинается с истории Всеукраинской ассоциации востоковедения, где помещён достаточно представительный очерк жизни и научной биографии этнического чеха Бориса Григорьевича Курца (1885–1938?). Большим достоинством этой части является подробное изложение главной синологической монографии Б. Курца «Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях», изданной на русском языке в Харькове в 1929 г. (с. 119–128). Дальнейшее изложение включает достаточно подробную аннотированную библиографию других статей Б. Курца и его практической деятельности. Особое место наследие Б.Г. Курца занимает в работе В.А. Киктенко ещё и потому, что он подготовил обзор научных и научно-популярных работ о Китае, вышедших на Украине в 1924 – 1932 гг. В своё время он остался в рукописи, но в 2014 г. был опубликован (с. 134, прим. 104). Ещё одним достижением В.А. Киктенко (при помощи А.Н. Хохлова, к сожалению, скончавшегося в 2015 г.) стало вовлечение в научный оборот следственного дела Б.Г. Курца 1938 г., хранящегося в Центральном архиве ФСБ России (с. 142–145). Из этого дела, в частности, следует, что к тому времени из Киева он переехал в Москву, о чем ранее не было известно. Однако в числе копий, предоставленных архивом, не было заключения о смерти, поэтому точная дата его кончины остаётся неизвестной: «тройка» приговорила его к восьми годам лагерей, поскольку контрреволюционных обвинений доказать так и не удалось (с. 145). Примечательно, что ордер на обыск Б. Курца был подписан на самом высоком уровне – лично Л.П. Берия (с. 143).

В целом, автор вынужден констатировать, что несмотря на большой подъём публикационной активности (вплоть до издания в Харькове книги Агнесс Смедли о китайском революционере Эми Сяо) по-прежнему невозможно утверждать о существовании украинской (советской) китаеведческой школы. Более того, если продолжать логику, используемую В.А. Киктенко, по которой следует к представителям украинского китаеведения причислять всех специалистов, которые когда-либо родились, жили или работали на территории современной Украины, тогда в изложении имеются известные пробелы. Если (по указателю) в работе дважды упоминается весьма интересный революционный деятель и экономист Е.С. Иолк (1900–1937), то совершенно позабыт Я.Б. Радуль-Затуловский (1903–1987), хотя он начинал свою научную биографию в Киевском институте народного хозяйства – правопреемнике Коммерческого института, которому посвящена вся третья глава. Опять-таки, следуя той же логике, Радуль-Затуловский с полным правом мог бы быть упомянут на страницах монографии В.А. Киктенко, поскольку самостоятельно занимался китайским и японским языками, состоя в переписке со специалистами Дальневосточного университета. Его же уникальную работу «Конфуцианство и его распространение в Японии» В.А. Киктенко, сам являясь профессиональным философом, должен отлично знать.

Аналогичное положение сохранялось некоторое время и после Второй мировой войны (как известно, современная Украина отвергла память о Великой Отечественной войне). Мощный стимул для развития востоковедения придало основание в Киевском университете факультета международных отношений. Патриархом украинского китаеведения и основоположником литературного перевода с китайского на украинский язык называется Иван Корнеевич Чирко (1922–2004). Только в 1986 г. было создано Украинское отделение Всесоюзного общества китаеведов (с. 168).

Таким образом, утверждение на с. 170 совершенно соответствует реальности: «институты и университеты Украины, где изучают Китай и китайский язык, являются

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675

ровесниками независимости». Строго говоря, решение президиума АН УССР о создании восточного отделения в Институте языкознания, было принято ещё до распада СССР в 1991 г. 22 октября того же года постановлением Президиума АН УССР был создан Институт востоковедения им. А.Е. Крымского, который возглавил О.И. Прицак (1919–2006), более всего известный как автор англоязычных трудов по Древней Руси, написанных с позиций норманизма, и инициатор переиздания «Истории Украины – Руси» М.С. Грушевского.

Институционные перемены в области академического и университетского китаеведения в разных городах и регионах Украины перечислены В.А. Киктенко весьма основательно (с. 171–176). Особое место среди них принадлежит «Украинской ассоциации китаеведения», которую возглавляет сам В.А. Киктенко и действительным членом которой является автор этих строк. Вторая глава пятой части целиком посвящена направлениям и представителям современного украинского китаеведения. Разделена она на 8 секций: истории, языкознания, литературоведения, философии, политических наук, экономики, педагогики и музейного дела. В этом контексте весьма приятно встречать знакомые имена: например, превосходными докладами Я. Шекеры автор этих строк когда-то наслаждался на международной научной конференции «Торчиновские чтения» в Санкт-Петербурге, так же, как и общением с коллегой-универсалом В.А. Рубелем, которое в 2007 г. довелось продолжить и в Киеве.

В заключении работы перечислены все сюжеты и основные персоналии и совершенно справедливо утверждается, что китаеведение на Украине находится на этапе становления. Наибольшее число специалистов, что закономерно, работают в сфере языкознания и литературоведения, специалисты, занимающиеся историей, философией, социально-экономическими и политическими дисциплинами, единичны. Единственным связующим звеном между ними служит Украинская ассоциация китаеведов (с. 262).

В работе весьма представительная библиография (с. 263–362) и отдельно вынесенный список архивных материалов (с. 363–367), которая хорошо дополняет материалы, представленные в пяти частях монографии. Большим достоинством работы является наличие именного указателя. В техническом отношении книга почти безупречна за исключением весьма примечательной опечатки: портрет на с. 62, под которым находится подпись «М.А. Олесницкий», на самом деле представляет Д.С. Мережковского.

В общем, в качестве большого обзорного справочника работа В.А. Киктенко незаменима для любого специалиста по Китаю, который интересуется достижениями нашего большого соседа по Восточной Европе. Возникающие претензии методического и методологического плана, скорее, относятся к организации украинского исторического знания и сложившейся в 1990-е гг. традиции. Добросовестность же автора-составителя и объёмы проделанной им работы заслуживает высочайшего уважения и факта, что эта работа будет актуальной и востребованной как прикладниками, так и историками науки в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киктенко В.А. Историко-философская концепция Джозефа Нидэма: китайская наука и цивилизация (философский анализ теоретических подходов). – Киев.: НАН Украины, Ин-т востоковедения им. А. Крымского, 2008. – 530 с. – Библиогр.: с. 394–426.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE (IN RUSSIAN)

1. Kiktenko V.A. (2008) Istoriko-filosofskaya kontseptsiya Dzhozefa Nidema: kitayskaya nauka i tsivilizatsiya (filosofskiy analiz teoreticheskikh podkhodov) [The historical and philosophical concept of Joseph Needham: Chinese science and civilization (philosophical analysis of theoretical approaches)]. Kiev, Ukraine: National Academy of Sciences, A. Krymsky Institute of Oriental Studies. 530 pp. (In Russian)

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitry Martynov, Full Professor, Dr.Sci.
Department of Altaic and Chinese Studies
Kazan Federal University
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18, Russia
dmitrymartynov80@mail.ru

Принята к публикации: 15.09.2019 г.

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать результаты Ваших научных трудов в нашем издании «СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на **8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском** по следующим специальностям:

* 10.02.20. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание
* 10.02.22. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
* 10.01.03. Литература народов стран зарубежья
* 07.00.03. Всеобщая история
* 07.00.15. История международных отношений и внешней политики
* 07.00.09. Историография, источниковедение и методы исторического исследования
* 09.00.11. Социальная философия
* 09.00.13. Философская антропология, философия культуры
* 09.00.14. Философия религии и религиоведение

Тематический рубрикатор журнала:

* Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики
* Лингвистические вопросы перевода
* Перспективы развития языкознания
* Актуальные проблемы межкультурной коммуникации
* Прикладные исследования: проблемы и результаты
* Литература в условиях поликультурной среды
* Прикладная социолингвистика и политическая лингвистика
* История международных отношений
* Международные отношения и внешняя политика стран Востока
* Международная безопасность
* История и культура стран Востока
* История и философия дальневосточной цивилизации
* Изучение историко-археологического и религиозно-культурного наследия Востока

Публикация в научном журнале **бесплатная.** К публикации принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%). Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное одностороннее слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах **РИНЦ** (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи можете отправлять на адрес:

modernorientalstudies@gmail.com

Будем рады последующему распространению информации о нашем издании!

VOL. 1 №1 2019
ISSN: 2686-9675
INTERNATIONAL SCIENCE JOURNAL / МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

УДК

Название статьи на английском

Название статьи на русском

ФИО (полностью)1, ФИО (полностью)2, ФИО (полностью)3
Место работы1, Место работы2, Место работы3
электронный адрес

Submission Date:

Аннотация

Текст (150-250 слов)

Ключевые слова: *слово(5-7)*

Abstract *(in English)*

Text

Key words: *word (5-7)*

For citation:

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Н.В. Иванову [1981], текст.

Текст [Халидов, 1981, С. 23]. Текст

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Текст

РЕЗУЛЬТАТЫ

Текст

Таблица 1. Название таблицы

Русский	Китайский	Японский	Корейский
текст	текст	текст	текст

ВЫВОДЫ

Текст

Рис. 2: Название диаграммы

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелева Т.В. Лингвистические идеи и педагогические принципы В.А. Белошапковой // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 78–86.
2. Шмелева Т.В. Уроки Белошапковой // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике / сост., отв. ред. Л.М. Байдуж. Тюмень, 2010. С. 26–33.
3. Белошапкова Т.В. Россия в истории одной семьи, или Девять новелл из жизни В.А. Белошапковой // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. М., 2001. С. 9–19.
4. Закиров Р.Р., Мингазова Н.Г., Мухаметзянов И.М. Арабский язык. 5 класс. Казань, 2011. 128 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES (IN ENGLISH)

1. Shmeleva, T.V. (1997) Lingvisticheskie idei i pedagogicheskie printsipy V.A. Beloshapkovoy [Linguistic ideas and pedagogical principles of Beloshapkova]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 3. pp. 78–86.
2. Shmeleva, T.V. (2010) Uroki Beloshapkovoy [Lessons of Beloshapkova]. In: Bayduzh, L.M. (ed.) Lingvisticheskie idei V.A. Beloshapkovoy i ikh voploshchenie v sovremennoy rusistike [Linguistic ideas of V.A. Beloshapkova and their embodiment in modern Russian philology]. Tyumen: Mandr i Ka.
3. Beloshapkova, T.V. (2001) Rossiya v istorii odnoy sem'i, ili devyat' novell iz zhizni V.A. Beloshapkovoy [Russia in the history of one family, or nine novels from the life of V.A. Beloshapkova]. In: Beloshapkova, T.V. & Shmeleva, T.V. (eds) Traditsionnoe i novoe v russkoy grammatike: sb. statey pamyati Very Arsen'evny Beloshapkovoy [Traditional and new in Russian grammar: a collection of articles in memory of Vera Arsenyevna Beloshapkova]. Moscow: Indrik.
4. Zakirov, R.R., Mingazova, N.G., Mukhametzyanov, I.M (2011). Arabskiy yazyk (Level I for the 5th grade) [Arabic for non-native speaking children]. Kazan, Russia: Magaryf-Vakyt publishers. 128 p.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Associate Professor, PhD Alfiya Alikberova
Department of Altaic Studies and Sinology
Kazan Federal University
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18, Russia
alfikas@mail.ru

ISSN 2686-9675